

05.9(2P)
M 35

Владимир Мау
РЕФОРМЫ И ДОГМЫ
1914 • 1929

1914 • 1929

Владимир Мау
РЕФОРМЫ И ДОГМЫ

1914 • 1929

Очерки истории становления
хозяйственной системы
советского
тоталитаризма

615716 (4)
802 7

МОСКВА 1993
Издательство "Дело"

15
г. Москва

Редактор — Л.Е.Миронова
Оформление — С.Л.Кузнецова

May В.А.

М12 Реформы и догмы. — М.: “Дело”, (Учредитель Академия народного хозяйства при правительстве Российской Федерации. 1993. — С. 256.

ISBN 5—85900—059—6

В книге рассматривается история экономики и экономической политики России и СССР в первой трети XX в. Одна из особенностей анализа — показ целостности этого периода и даже преемственности экономических решений последовательно сменявших друг друга правительств России (царского, временного, большевистского).

Особый вопрос — поиск разными правительствами мер по выводу страны из социально-экономического кризиса, причем и кризис, и политическая борьба вокруг него во многом аналогичны современной ситуации. Такой подход позволяет лучше ориентироваться и в современной борьбе экономических концепций и программ.

The book deals with the history of the Russian and Soviet economic policy of the first third of the XX century. One of the features of this analysis is the demonstration of the integrity of this period. One can notice even succession of economic policy pursuing by the Governments under the Emperor, Provisional and under Bolsheviks.

A special issue is the search of the Governments to finde the way out of the crucial economic, social, and political crisis while the crisis and the political struggle on this matter are very much similar to the current situation. This approach provides for the better orientation in the present struggle of political and economic concepts as well as programmes.

М 0605010000 — 059 — Без объявл.
989(02) — 93

“Я рад, что теперь все за реформы. Это серьезное продвижение вперед... Но если посмотреть, какие же реформы нам предлагают, проинвентаризировать их, то получится интересная картина. Нам предлагают в рамках развития реформ отказаться от частной собственности на землю. Нам предлагают остановить процесс приватизации. Нам предлагают заморозить цены и заработную плату. Нам предлагают восстановить Госплан, призвать к порядку много возомнившие о себе бывшие союзные республики, а потом, наверное, построить и лагеря для агентов мирового империализма”.

(Гайдар Е.Т. Выступление на VII съезде народных депутатов РФ, декабрь 1992 г.)

“Мы идем к невиданно-объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного или лирического”.

(Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры.)

СОДЕРЖАНИЕ

Зачем эта книга?.....	7
ПЕРВЫЕ РАДОСТИ.....	13
1. Конец и начало.....	13
2. На полпути к военному коммунизму.....	35
3. “...чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом”.....	57
4. “Что делать?” Поиски, сомнения, возражения, критика.....	74
ПЛАН И РЫНОК: ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ?.....	96
1. Идеологическое противостояние (Нэп и военный коммунизм в планировании).....	97
2. Экономическая среда планирования (Рынок для плана).....	112
3. Методологические подходы: Из прошлого в будущее или из будущего в настоящее?.....	123
4. Институциональный разрыв (Госплан и Наркомфин в 1922—1925 годах).....	137
5. Директивы экономической политики или директивный план?.....	152
ПУТЬ К ПЯТИЛЕТНЕМУ ПЛАНУ.....	179
1. Почему пятилетка?.....	179
2. Выбор пути.....	183
3. Госплан заглядывает в будущее.....	187
4. Методологическая критика и альтернативы.....	199
5. Плановое ускорение.....	223
ПЛАНОВЫЙ ФЕТИШИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОГМЫ И ПОЛИТИКА.....	235
Биографии.....	241

Все подвержено моде. Несколько лет назад публикации на исторические темы вызвали острый интерес в самых различных слоях общества. Страна как бы заново обретала свое прошлое, стремилась познать себя через собственную историю. Теперь — иное. Захваченные повседневными проблемами, ошеломленные разворачивающимися прямо на глазах событиями поистине исторического масштаба и одновременно встревоженные неопределенностью перспектив, мы, кажется, почти потеряли интерес ко всему, выходящему за рамки сегодняшнего дня. Да и способна ли история чему-нибудь научить? Тем более исторический период, которому посвящена книга, — бурные и во многом трагические годы первой трети XX в. Вроде бы все у нас сейчас по-другому: иные люди, иные идеи, иные лозунги. Тогда — апология насилия, теперь — стремление осуществлять преобразования в демократических рамках; тогда — поиски путей построения организованного, планового хозяйствования, теперь — либерализация экономики, воссоздание рыночных отношений.

Но все это — только на первый взгляд. По сути своей революционные периоды в истории общества демонстрируют удивительную схожесть. Все они развиваются практически по единой схеме. Сначала — всеобщее единство в осознании нетерпимости старых порядков, уверенность относительно простоты, безболезненности изменения общественного строя. Затем — нарастающее размежевание и поляризация социальных сил, отстаивающих не только различные, но часто несовместимые пути дальнейшего развития страны. Когда противостояние достигает высшей точки и любой компромисс между противоположными интересами оказывается невозможным, происходит социальный взрыв. В этот момент революция или терпит поражение, или вступает в свою наиболее радикальную, экстремистскую фазу. Ее результат — не формирование новой общественной системы,

хотя именно эту цель, причем в грандиозных масштабах, ставят перед собой политические вожди. Напротив, ее миссия оказывается в основном разрушительной, что делает невозможным возвращение к прежней системе отношений. Задачи созидательные — это задачи следующего, заключительного периода революции, когда политическая активность падает, а новый социальный слой, пришедший к власти в процессе революции, укрепляет свое господствующее положение. Но результаты его деятельности оказываются так далеки от светлых идеалов, вдохновлявших героев революционных битв, что, кажется, революция потерпела поражение. Хотя на самом деле она обычно так или иначе решает задачи, стоящие перед обществом¹.

Применительно к началу века в России рассмотренная схема обычно затемняется тем, что октябрь 1917 г. традиционно рассматривается как некий водораздел (неважно, с “плюсом” или с “минусом”), и связь между событиями “до” и “после” искусственно разрывается. Однако весь период с 1914 по 1929 г. характеризуется единым процессом вызревания и осуществления революционных преобразований, итогом которого оказалась политическая и экономическая система, названная позднее тоталитарной.

Наверное, несколько лет назад этот тезис нуждался бы в серьезном обосновании. Но для современного читателя все становится много яснее. Восприняли ли мы августовский путч 1991 г. и последовавшую затем радикализацию экономических реформ как полный разрыв со всем предшествующим развитием? Отнюдь нет, для нас это скорее явилось логическим продолжением тех тенденций, которые формировались давно и стали выходить на поверхность уже в 1985 — 1987 гг. Кстати, 19 августа 1991 г. автор этой книги... принимал поздравления от своих коллег — неизбежность подобного путча была им обоснована заранее, исходя из логики революционного процесса и опираясь именно на опыт России начала нынешнего столетия.

Экономическая политика государства, оказавшегося на крутом историческом вираже, — таков, по сути дела, предмет этой книги. Что доминирует в механизме принятия решений? Идеологические доктрины, или объективные тенденции хозяйственного развития, или политическое давление извне, или что-то иное? Разумеется, все названные факторы играют свою роль, но

¹О закономерностях революции см. подробнее: Мау В., Стародубровская И. Перестройка как революция: опыт прошлого и попытка прогноза // Коммунист. 1992. № 11; Мау В.А., Стародубровская И.В. Закономерности революции, опыт перестройки и наши перспективы. М., 1991.

интересно как раз определить соотношение сил между ними при осуществлении радикальных сдвигов в общественной жизни.

Кроме того, повороты революционной поры столь драматичны и остры, что современники нередко склонны каждой новой власти приписывать чудодейственные возможности осуществления решительных перемен в политике, порывающих с опытом прошлых лет. Хотя экономическая политика, рассматриваемая с известного расстояния, позволяет увидеть некоторую общую линию в развитии событий, равно как и в принятии “эпохальных решений”.

Не может быть экономической политики, абсолютно порывающей с прошлым, не учитывающей сложившиеся тенденции и композицию социальных сил. Национализацию можно провести более или менее успешно, если *до того* сложились силы, способные поддержать этот курс, и наметились адекватные тенденции в производственно-хозяйственной организации. То же можно сказать и о приватизации. Политика финансовой стабилизации (будь то в 20-е годы или в 90-е) дает позитивные результаты только при наличии определенного социально-политического опыта основной массы населения, а также мощных общественных групп, заинтересованных в остановке инфляции и *заранее* “встроивших” себя в механизм принятия решений экономико-политического характера.

Впрочем, догма о “разрывах” в историческом процессе остается популярной и поныне. Только вместо тезиса о начале новой эры в 1917 г. принято говорить о трагической и насильственной остановке тогда отечественной истории. Да и в событиях 1991 — 1992 гг. многие склонны видеть лишь полный разрыв с коммунистическим прошлым.

Единство экономико-политических процессов первой трети XX в. определяется, однако, не только общей логикой революционных преобразований. Не менее важно и то, что именно в эти годы формировалась и опробовалась на практике идеология организованного, планового хозяйствования в национальных масштабах. Обычно лавры первопроходцев на этом пути отдаются большевикам. На самом же деле последние практически ничего сами не изобрели. Нельзя в угоду политической конъюнктуре игнорировать несомненную связь военного коммунизма с политикой российских правительств 1914 — 1917 гг. (царского и временного).

Более того, стремление к макроэкономическому государственному планированию не было специфически российской чертой. Применительно к первой половине XX в. идею регули-

руемого, сознательно организуемого народного хозяйства можно без преувеличения считать центральной, определяющей основные направления в развитии экономической мысли. Тогда многим казалось, что мощные производительные силы в совокупности с быстрым прогрессом научных знаний дают людям практически безграничные возможности досконального познания потребностей и действий как отдельных индивидов, так и всего общества и выработки на этой основе четкой программы, экономящей силы и время, которые неоправданно транжирились ранее из-за рыночных неувязок и конкуренции.

Тезис о жизненной важности прямого государственного вмешательства в экономическую жизнь, о необходимости разработки планов снизу доверху стал символом веры среди значительной части политиков, бизнесменов, интеллектуалов. Рассуждать иначе считалось несовременным, почти неприличным. Планирование приобретало характер чуть ли не религиозного догмата, того краеугольного камня, на котором предполагалось воздвигнуть здание экономической политики нового столетия.

У идеи планирования появились свои романтики и певцы. И не только на левом фланге политического спектра. О них будет еще немало сказано в этой книге. Однако сейчас я хотел бы привести лишь одно высказывание — мнение человека, которого менее всего можно заподозрить в любви к социализму. «Нынешняя система не дает высшей меры производительности, ибо способствует расточительству во всех его видах; у множества людей она отнимает продукт их труда. Она лишена плана. Все зависит от степени планомерности и целесообразности,» — писал Генри Форд, основатель американской автопромышленности¹.

И как бы подводя итог идеологическим исканиям первой половины XX в., Ф.А. Хайек в своей знаменитой «Дороге к рабству» с горечью замечал: «Согласно господствующим теперь взглядам вопрос уже не в том, как наилучшим образом использовать стихийные силы, таящиеся в недрах свободного общества. Фактически мы решили вообще обойтись без сил, приводящих к непредусмотренным результатам, и заменить безличный механизм рыночной экономики коллективным и «сознательным» руководством, направляющим все социальные силы к сознательно избранным целям»².

¹Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989. С. 13.

²Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Лондон, 1983. С. 37.

Сейчас мы вновь переживаем период резкой смены экономической идеологии. В центре внимания и дискуссий оказываются идеи экономического либерализма, деэтизма, свободного рынка. Более того, я думаю, что популярность идеи планирования (особенно в интеллектуальных кругах) в начале нынешнего столетия вполне может сравниться с популярностью экономического либерализма в наши дни. Экономические противоречия и тупики, с которыми столкнулся западный мир в 70-е годы, а социалистический лагерь — в 80-е, потребовали новых рецептов, которые были предложены экономической теорией и нашли активных сторонников в политической среде. И опыт России начала века заставляет нас серьезно задуматься о том, как избежать превращения идеологии в фетиш, ради которого отбрасываются как второстепенные и проблемы эффективности, и конкретные вопросы текущей экономической политики.

Безусловно, этицизм XX столетия исчерпал себя, а экономический и политический строй посткоммунистических стран вообще требует глубокой и всесторонней либерализации общественной жизни. Но вновь, как и почти сто лет назад, остается опасность превращения доктрины в догму, опасность формирования очередного символа веры, справедливость которого должна доказываться не реальной экономической практикой, а самим фактом противоположности новой доктрины старой. Словом, проблемы идеологии и экономики, столь актуальные для первой трети XX в. в России, не потеряли своего современного звучания и поныне.

Кроме того, несмотря на резкую смену экономической парадигмы, до сих пор еще у части политиков и ученых сохраняются иллюзии, связанные с возможностью эффективного прямого государственного регулирования экономики. Рецидивы подобной идеологии периодически проявляются в виде предложений о восстановлении госзаказа, регулировании цен и т. п. И здесь исторический опыт оказывается просто бесценным.

Между 1914 и 1929 гг. были опробованы различные варианты прямого государственного вмешательства в осуществление хозяйственного процесса с целью его планомерного регулирования. Сначала — при сохранении частной собственности на основную массу средств производства. Далее — при попытке построения нерыночного хозяйства, ориентированного на быстрый переход к коммунизму. И наконец, опыт функционирования “планово-рыночной” экономики при ведущей роли в ней государства. Теперь мы знаем, что в каждом из этих случаев идея планового хозяйствования по большому счету терпела со-

крушительное поражение. Почему и как это происходило? Анализ истории является здесь весьма поучительным.

И теперь самое главное. Те задачи, которые мы решаем сейчас, те беспрецедентные трудности, с которыми нам пришлось столкнуться, во многом определяются именно тем “историческим выбором” — выбором первой трети XX столетия. Российская революция не решила задачу формирования нового социального слоя, способного в своей деятельности отдавать приоритет стратегическим целям, перспективе, обеспечивать постоянное, эффективное и поступательное развитие экономики. Вместо этого к власти пришел квазисобственник — бюрократический слой, не несущий реальной ответственности за экономические и политические результаты своей деятельности. Страна оказалась в тупике. Потребовался новый период коренной ломки, революционных преобразований, резких сдвигов в жизни миллионов людей, чтобы обрести хоть какие-то надежды на стабильное и достойное будущее. Выполнит ли эта новая революция стоящие перед ней задачи, позволит ли обеспечить нормальный ход общественного развития без новых политических потрясений? Вопрос и к истории, и к современности.

* * *

Хотелось бы выразить признательность Е.Т. Гайдару, прочитавшему книгу в рукописи и сделавшему ценные замечания. Моя особая благодарность И.В. Стародубровской, оказавшей неоценимую помощь при работе над книгой. Разумеется, все недостатки должны быть полностью отнесены на счет автора.

Государство всегда играло весьма существенную роль в экономической жизни России — как в форме административно-правового вмешательства в хозяйственные процессы, так и через собственное непосредственное участие в производстве. Оно было крупнейшим собственником и осуществляло предпринимательские функции в ряде важных отраслей народного хозяйства. Двадцатый век принес с собой дальнейшее развитие этой ситуации, причем не просто в количественном смысле, т.е. в росте масштабов экономической деятельности государства и его органов, но прежде всего в смысле качественном, связанном с серьезными изменениями в протекании самих воспроизводственных процессов.

Формирование новых государственных хозяйственных структур было порождено особенностями развития производительных сил рубежа XIX—XX веков: происходила ускоренная концентрация производства, формировались крупные монополии. Но и сами сдвиги в экономическом механизме оказали в свою очередь значительное, если не решающее, влияние на тенденции и темпы дальнейшего развития страны, ее материально-производственной базы и общественных отношений (производственных, политических, идеологических и пр.). Для понимания характера и логики будущих опытов по “планомерной организации советской экономики” чрезвычайно важен анализ событий, предшествовавших началу “социалистического переустройства” нашего общества.

1. КОНЕЦ И НАЧАЛО

Начало XX века ознаменовалось в России, как и в других развитых странах мира, быстрым ростом концентрации капитала и производства, формированием крупных и крупней-

ших промышленных предприятий, а на этой базе — монополистических объединений. Их участники уже могли координировать свои действия в национальном масштабе, имея целью преодоление стихии неорганизованного рынка, усиление роли сознательного, регулирующего начала в хозяйственном процессе. Официально оформляются знаменитые синдикатские объединения, такие, как “Продамет”, “Продвагон”* “Продуголь”, Объединение дрожжевинокуренных заводов (которое выпускало на рынок более 80% этой продукции), Общество хлопчатобумажных комбинатов, Особая распределительная контора заказов спичечной промышленности (95% всего производства спичек) и др. С промышленными монополистами были тесно связаны крупнейшие банки, такие, как Русско-Азиатский, Международный коммерческий, Азово-Донецкий. Немалый вес имели и представительные организации российских предпринимателей — союзы, общества, комитеты и съезды, строившиеся по отраслевому или территориальному признаку.

Это время характеризуется углублением взаимосвязи и взаимовлияния политической власти и экономики, активной ролью государства в хозяйственной жизни страны. Отчасти это объясняется общей тенденцией развития производительных сил, сопровождавшейся ростом монополий и ослаблением конкурентных механизмов. Но не менее важным фактором были и особенности экономического развития России, решавшей задачу ускоренной индустриализации. Крупнейшая военная держава должна была преодолеть отставание от передовых стран Запада, и это оказывало значительное влияние на весь комплекс хозяйственно-политических процессов в стране.

Именно потребности индустриализации уже в конце XIX в. стали доминировать при формировании концепции экономической политики. Ситуация в стране была весьма противоречивой. Индустриализация, осуществляемая достаточно быстро, давала России шанс стать равноправным членом группы великих держав, фактически поделивших к началу столетия мир на сферы влияния. Этот путь был бы важен и для стабилизации внутреннего положения Российской империи, для повышения благосостояния населения, для укрепления существовавшего политического режима. Но при осуществлении курса на индустриализацию надо было преодолеть и немало серьезных препятствий, чреватых социальными потрясениями.

Главными проблемами, стоявшими на пути индустриализации России, были относительная слабость частного предпринимательства, отсутствие значительных капитальных ресурсов, а также действенной системы аккумуляирования и межотраслевого

перелива капитала (через банки и фондовые биржи). Нужда же в капиталах была огромная: рост национальной экономики требовал безотлагательного развертывания железнодорожного строительства и связанных с ним отраслей тяжелой промышленности. Последнее как раз и предопределяло исключительную роль государства в решении задач индустриализации.

Прежде всего государственная власть должна была обеспечивать мобилизацию денежного капитала через налоговую систему и перераспределять формируемые таким способом средства в пользу крупной промышленности, покровительствовать отечественной индустрии при помощи соответствующей внешнеэкономической политики, изыскивать валютные ресурсы для импорта машин и оборудования, создавать благоприятные условия для притока иностранного капитала. При этом вся тяжесть подобной политики ложилась на крестьянство — оно было основным налогоплательщиком империи (80% всего населения) и давало основные экспортные ресурсы. Высокие налоги существенно ограничивали покупательский спрос крестьянства на рынке промышленных товаров, а перераспределительная активность государства делала промышленность относительно независимой от спроса основной массы населения. Экономические взаимоотношения между городом и деревней тем самым оказывались в значительной мере опосредованными государственной властью, что существенно влияло на сам механизм функционирования народного хозяйства. В стране быстро развивался единый всероссийский рынок, причем государство активно вмешивалось в его процессы, воздействуя на этот рынок и модифицируя его.

В характере взаимоотношений органов государственного управления и частного бизнеса также постепенно происходили важные перемены. Преодолевалась конфронтация, в основе которой лежал сословный характер российской власти. Если раньше казенная промышленность империи в первую очередь развивалась в интересах дворянства и в определенной мере противоречила потребностям предпринимательства, то теперь ситуация постепенно становилась иной. Государственные заказы начали постепенно передаваться частному сектору, что сопровождалось расширением взаимосвязей правительства и предпринимательства. Одновременно госаппарат стремился оказывать определенное регулирующее воздействие на работу частных предприятий и объединений.

Мировая война резко усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное регулирование экономики стало активно внедряться в

практику основных воюющих держав, причем формирование этой системы шло как бы с двух сторон.

Во-первых, “снизу”, путем создания или укрепления уже существующих представительных органов частного капитала. Они сосредоточивали (или стремились сосредоточить) в своих руках все дело распределения военных заказов, устраняя от этого по возможности правительственные учреждения. Наиболее ярким примером здесь может быть предложение Совета съездов представителей промышленности и торговли (январь 1915 г.) создать наделенный большими полномочиями орган, который не только руководил бы распределением военных заказов, но и обеспечивал первоочередное снабжение промышленности металлом, топливом, транспортом. Во-вторых, “сверху”, когда правительство создавало специальные органы для решения основных проблем функционирования военной экономики. Именно этот путь и стал основным. Правительство не приняло настойчивых предложений крупных промышленников о регулировании хозяйственной деятельности через организации предпринимателей, чувствуя, по-видимому, в этом угрозу традиционной политической власти.

Разница между обоими подходами состояла в понимании механизма, обеспечивавшего единство действий хозяйствующих субъектов. Сильная российская бюрократия связывала решение задачи регулирования экономической жизни прежде всего или даже исключительно с собственной деятельностью, с укреплением административно-распорядительных прав власти по отношению к частным предприятиям. Промышленники же стремились взять решение этих задач в свои руки, поскольку их участие в политической жизни, несмотря на демократические реформы прошедшего десятилетия, оставалось ограниченным, а отношения с царским правительством — прохладно-настороженными.

Такая ситуация оказывала существенное влияние на все попытки регулирования народнохозяйственного механизма на протяжении военных лет. Власти постоянно ограничивали инициативу предпринимателей по координации своей деятельности: и не столько из-за экономических последствий подобных мер, усиливающих монополизм, сколько видя в частном секторе угрозу собственной хозяйственной власти. Предприниматели же не доверяли правительству и неохотно шли на выполнение его директив, что негативно сказывалось на производстве. Характеризуя позицию правительства в этом вопросе, Председатель Государственной Думы М.В.Родзянко писал тогда императору:

“Здоровая экономическая политика требовала и требует, чтобы к делу устройства тыла были привлечены лица со специальными навыками и специальным опытом. В западно-европейских государствах это отлично понимают, и вся система тыловой хозяйственной организации покоится там на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях, призванных организовывать национальное хозяйство в интересах обороны. К сожалению, в России отношение правительства к обществу построено на принципе прямо противоположном: общественной инициативе не доверяют, в ней видят опасного врага; общественные организации, несмотря на все оказанные ими огромные услуги стране и армии, преследуются... Правительство обратилось к услугам чиновников, в огромном большинстве случаев не знакомых с делом, внесших в него пустой и сухой формализм” (Красный архив. 1925. № 3. С. 82).

Помимо правительства и частных предпринимателей была и третья сила, уделявшая значительное внимание вопросам планомерного регулирования хозяйственной жизни страны. Я имею в виду левые партии и общественные организации, влияние которых на общественное сознание за годы войны существенно возросло. Представители этих течений, резко критикуя власти и предпринимателей, постоянно подчеркивали необходимость принятия самых решительных мер для усиления централизации руководства экономикой. Осуществление подобных мер связывалось именно с повышением роли государства — хотя и значительно продвинутого в направлении демократии и политического либерализма.

Итак, столкнулись два принципиальных подхода к решению проблем народнохозяйственной координации и организации: усиление административно-распорядительных функций государства (другой вопрос — какого государства) и взаимодействие различных государственных, производственных и общественных структур, предполагающее приоритетное значение неадминистративных методов и минимизацию прямого вмешательства властей в сложные процессы функционирования рыночного механизма. Альтернатива между этими двумя подходами во многом определила весь ход дальнейшей теоретической дискуссии и практики хозяйствования.

Меры по координации производственно-хозяйственной деятельности и ее планомерному регулированию государство стало активно проводить уже с первых дней войны. Процесс становления системы централизованного руководства хозяйством про-

должался на протяжении всех военных лет и эстафетой был передан Временному правительству, а от него — Правительству народных комиссаров. Но это было позднее.

Основные задачи регулирования экономики в военный период правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) — продовольствием. Понятно, что на первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта. Основными средствами, инструментами регулирования выступали государственные заказы, фиксированные и предельные цены, ограничение свободы торговли вплоть до введения государственных монополий, реквизиции продукции, разрешительная система межрайонного обмена товарами и перевозки грузов по железным дорогам. Словом, акцент был сделан на административно-принудительной стороне дела, что, впрочем, вполне объяснимо и общими теоретическими представлениями того времени, и сложной военной обстановкой (ведь в Англии и Германии ситуация развивалась аналогично), да и российскими политическими традициями.

Организационный каркас централизованного регулирования составили образованные в августе 1915 г. четыре Особых совещания — по обороне, перевозкам, топливу и продовольственному делу. Они имели широкие полномочия и возглавлялись ведущими членами правительства (соответственно министрами: военным, путей сообщения, торговли и промышленности, земледелия). Особые совещания квалифицировались как “высшие государственные установления” Их указания подлежали безотлагательному исполнению. Разработка планов снабжения армии и населения соответствующей продукцией или транспортом, выдача авансов предприятиям, содействие в выполнении заказов и т.п. — таковы были многочисленные функции этих органов. Наибольшие полномочия в централизованном руководстве хозяйством имело Особое совещание по обороне, председатель которого (военный министр) обладал правами замены лиц заводской администрации, закрытия заводов, нормирования заработной платы, распределения сырья и топлива, определения очередности выполнения заказов на всех предприятиях, включая частные, а за невыполнение заданий мог назначить секвестр или реквизицию. Особые совещания опирались на разветвленную сеть региональных и местных органов. (С самого начала следует обратить внимание на один характерный момент сложившейся системы — множественность регулирующих органов.) На случай же возникновения междуведомственных трений пирамида венчалась “сверхсовещанием” — четыре названных ми-

нистра плюс министр внутренних дел. “Четыре Особых совещания — четыре истока, по которым докатывается государственная воля до общественного и народного сознания и по которым в свою очередь организующая общественная и народная воля поднимается до государственного сознания. Иных путей у нас нет. Другое дело, в какой мере данные органы организующей власти удовлетворяют своему назначению”, — писал современник¹. И такая точка зрения была вполне типичной. Правда, по проекту, внесенному в Государственную Думу в июле 1915 г., предполагалось создание единого Особого совещания (во главе с военным министром), наделенного обширнейшими полномочиями по организации хозяйственной жизни в стране. Но вместо этого Дума решила образовать четыре вышеперечисленных органа.

Острый дефицит сырья, топлива, транспорта, квалифицированной рабочей силы, сопровождавшийся масштабной спекуляцией и злоупотреблениями, обусловил первоочередное внимание Особых совещаний и их органов на местах к вопросам снабжения предприятий сырьем и топливом, нормирования материальных ресурсов, установления специальных правил перевозки грузов. С подобной логикой государственного регулирования мы еще будем неоднократно сталкиваться на различных этапах становления и функционирования централизованного хозяйствования в нашей стране. Столь же типичным было в 1914—1916 гг. и будет впоследствии стремление центральной власти по мере ухудшения экономической ситуации усиливать роль административных рычагов, активизировать непосредственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Оно в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления будет концентрировать у себя прежде всего функции снабженческо-распределительные — как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей. В этом состояла вторая (после множественности органов) черта централизованного регулирования российского народного хозяйства, отчетливо проявившаяся уже в годы первой мировой войны и оказавшаяся впоследствии непреодолимой. Политика государства по сути продолжалась в соответствии с логикой предшествующих десятилетий. Для финансирования войны было усилено прямое налогообложение крестьянства. Одновременно, стремясь оста-

¹Полонский Гр. Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917. С. 9—10.

новить инфляцию, власти стали накладывать административные ограничения на рост аграрных цен, тогда как цены на промышленные изделия росли достаточно быстро. Тем самым создавалась ситуация скрытой инфляции, сопровождающаяся обычно незаинтересованностью производителей в выпуске и реализации продукции, быстрым нарастанием дефицитов и попытками властей ответить на экономический вызов административным насилием. Усиливается неуправляемость экономических процессов, и социальный взрыв в итоге оказывается почти неминуемым.

Рассмотрим, как конкретно решались вопросы государственного регулирования экономики в этот сложный во всех отношениях период.

Повышенное внимание привлекали проблемы устойчивого снабжения армии и страны продовольствием. Именно в этой сфере ярче всего проявились основные пороки складывавшейся системы регулирования — некомплексность мер экономической политики, дополняемая грубым административным вмешательством в хозяйственную жизнь.

Уже в самом начале войны, 31 июля 1914 г., был издан циркуляр министра внутренних дел, в котором предлагалось решать производственные проблемы при помощи таксирования (установления цен органами власти). Понятно, что у государства не было и не могло быть достаточно обоснованных аргументов при установлении цен, их региональной дифференциации. И тонкий механизм рыночного регулирования производства оказался сразу же разрушенным почти полностью. Из-за искусственности и несогласованности такс продукты стали перегонять с одного рынка на другой, усилилась спекуляция, началась дезорганизация транспорта. Дальше все разворачивалось по классической схеме, когда проблемы, порожденные грубым вмешательством власти в хозяйственный процесс, пытаются решать усилением администрирования.

Действительно, таксы в совокупности с расстройством транспорта (углублявшимся из-за резко возросших военных перевозок) подрывали заинтересованность крестьян в реализации хлеба — на вырученные деньги мало что можно было купить, так как цены на промышленные изделия росли, а их поставки в деревню сокращались. Экономический товарообмен между городом и деревней был на грани краха, за чем неминуемо следовали экономические и политические катаклизмы.

В этих условиях 17 февраля 1915 г. издается закон, наделяющий местные власти новыми правами — запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, уста-

навливать предельные цены на хлеб и фураж, закупаемые для армии, реквизировать продукты по пониженным на 15 % ценам. “Указом 17 февраля было положено начало государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Свободному рынку нанесен был первый удар”, — так оценивал принятый акт один из экономистов левой ориентации¹. И хотя здесь содержится некоторое преувеличение (роль государства в хозяйственной жизни России и раньше была велика), это был действительно важный момент в становлении системы административного регулирования. За ним последовали новые шаги — объявление о твердых (предельных) ценах на ряд важнейших продуктов для правительственных закупок в 1916 г., введение “плановых перевозок” (но без мер по своевременной подаче груза для перевозки по плану) и т.д.

Административный механизм перераспределения сельскохозяйственной продукции продолжал раскручиваться. Отсутствие стимулов к реализации хлеба потребителям по доступным ценам толкало правительство на путь расширения круга централизованно снабжаемых потребителей — в него, помимо армии, были включены работающие на оборону, затем стали снабжать и особенно нуждающиеся группы населения. В конечном счете было принято решение о введении твердых цен на все хлебные сделки. В официальных кругах подчеркивалось, что государство, будучи крупнейшим покупателем продовольственных продуктов и обладающее к тому же принудительной властью устанавливать твердые цены для своих покупок, поставило бы в затруднительное положение широкие слои населения, если бы отдало их во власть стихийного рынка, да еще искаженного плохой работой железных дорог.

Теоретически этот шаг мыслился в контексте мероприятий по усилению централизованного регулирования, обеспечивающего организованное протекание хозяйственных процессов. Имелось в виду, что будет разработан обоснованный план закупочной и распределительной работы Министерства земледелия, которое фактически становилось одним из ключевых звеньев планового регулирования хозяйства. Предполагалось, что тем самым повысится роль общего плана снабжения, ускорится его исполнение. Суть же адекватного этим задачам экономического механизма определяли в весьма обтекаемых формулировках: “оставляя право собственности на сельскохозяйственную продукцию за ее производителями и предоставляя им свободу от-

¹Ясный Н.М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 2.

чуждения своих запасов”, надо создать ситуацию, при которой “частный интерес, лежащий в основе купли-продажи, не испытывав умаления своих выгод, уступил бы место общегосударственному”¹. Но вопрос о конкретных принципах построения такого механизма оставался без достаточно ясного ответа.

Однако практический опыт реализации мер давал результат, прямо противоположный ожидаемому. Нетрудно себе представить, как утверждались твердые, “плановые” цены. По каждой губернии устанавливалась одна общая цена на данный вид зерна, для определения которой запрашивались сведения от местных органов о себестоимости хлебов. Но фактически в центре с этими ценами не особенно считались. Как это обычно бывает, твердые цены почти всегда назначались ниже вычисленной на местах себестоимости — отчасти из-за естественного в условиях административного регулирования стремления “низов” заложить в план (в данном случае — через цены) более выгодные для себя условия, а отчасти из-за стремления “верхов” решать экономические проблемы, связанные с общим ростом дороговизны, путем механического давления на цены в сторону их понижения. В результате вскоре после опубликования твердых цен на хлеб (в сентябре 1916 г.) рыночные цены резко подскочили.

Попытка правительства взять на себя обязательства по снабжению всех потребителей хлебом, опираясь на обязательную разверстку, а при необходимости и на реквизицию, окончилась провалом. Свободный хлебный рынок не исчез, но лишь ушел в подполье, а потребитель, как всегда в таком случае бывает, вынужден был платить еще больше. Производители, несмотря на объявленные санкции, стремились укрывать хлеб от реализации по твердым ценам. Отступление власти на позиции заготовки хлеба по твердым ценам только для армии уже не могло обеспечить оздоровления обстановки и снижения дороговизны.

Неэффективность подобной политики обуславливалась рядом факторов: неповоротливостью бюрократических государственных структур, пытавшихся заменить собой рыночный механизм согласования спроса и предложения; разрушением частного хозяйственного аппарата, традиционно обслуживавшего товарообмен между городом и деревней и накопившего в этом деле немалый опыт; дестимулирующим влиянием на деревенских производителей фиксации цен на их продукцию, тогда как все остальные цены росли. В результате сложилось положение, ког-

¹Организация продовольственного дела // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 43. С. 117.

да в стране, не испытывавшей недостатка сельскохозяйственных продуктов, их дефицит остро ощущался в городах и именно продовольствие стало предметом широкой спекуляции. О согласовании “частнохозяйственных и общегосударственных интересов”, разумеется, не могло быть и речи. Административное регулирование неотвратимо порождало экономический саботаж производителей, который не мог быть сломлен все возрастающим административным насилием.

Схожие проблемы стояли и перед другими отраслями народного хозяйства — добывающей и легкой промышленностью, машиностроением и транспортом. И решались они, по сути дела, аналогичными методами и при той же результативности. Государственная власть все активнее пыталась вмешиваться в хозяйственную жизнь с целью заставить промышленников работать вопреки их экономическим интересам. При этом хаос только усиливался.

М.В.Родзянко приводит характерный пример государственного руководства хозяйством:

“Вместо того чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, Министерство путей сообщения начиная с 1915 года предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение... Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным дорогам всякий хлам” (Красный архив. 1925. № 3. С. 77—78).

Распоряжения центра исполнялись весьма искаженно или не исполнялись вовсе, да и следование этим распоряжениям со стороны отдельных предприятий отнюдь не гарантировало достижения намеченной цели — ведь центр, “спуская” задание, был неспособен учесть все конкретные обстоятельства места и времени. Промышленники не без основания утверждали, что появление новых “централизирующих инстанций”, которые задумываются правительством и решаются “охватить все многообразие жизни на местах”, создает лишь “новый тягостный источник трудностей”

В такой обстановке речь все чаще заходит о введении государственных монополий на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок — исключительного права государства закупать все эти продукты у производителей и реализовать их потребителям. Правда, мно-

гие экономисты и общественные деятели, верившие в эффективность подобной меры, подчеркивали, что она может быть проведена лишь правительством, пользующимся в стране доверием.

Было бы неверно связывать постановку вопроса о государственных монополиях только с условиями мировой войны. Подобные подходы к решению экономических проблем в значительной мере отвечали особенностям развития производства: ускоренной концентрации производства по отраслевому принципу и ослаблению конкурентного механизма. Сильные государственно-бюрократические, централистские традиции России создавали весьма благоприятную почву для укрепления этих тенденций. Недаром предложения об учреждении ряда государственных монополий с целью упорядочения производства и урегулирования взаимоотношений производителей и потребителей выдвигались и до начала войны. Так, в 1913 г. уже активно обсуждались вопросы введения нефтяной монополии. Дважды (в 1912 и 1913 гг.) проекты хлебной монополии рассматривались Государственной Думой. Они были отвергнуты, хотя и собирали в ней немалое число голосов. Но вернемся к проблемам функционирования народного хозяйства в первую мировую войну.

Итак, несмотря на принимавшиеся правительством меры по централизованному регулированию хозяйственной жизни (а в известной степени и вследствие этих мер) экономическая ситуация в стране обострялась. Усиливалась разруха. Все более сложным становилось финансовое положение страны. Что же надо было делать? Где искать выход?

В этих условиях внимание ряда экономистов, придерживавшихся различной идейно-политической ориентации, все чаще стали привлекать общие вопросы планомерного урегулирования всего народного хозяйства. Мотивировалось это уже не только и даже не столько сложностями военного времени, сколько необходимостью осуществления глубоких экономических преобразований, без которых будущее России выглядело весьма печальным. Авторы различных проектов критикуют разрозненные попытки регулирования отдельных отраслей, подчеркивая важность обеспечения подлинного единства при проведении государственной политики.

Такие постановки вопроса выводили дискуссию на новую, более высокую орбиту, намечая линии будущего развития теории и практики централизованного управления народным хозяйством. Тем более что уже в 1915—1916 гг. вполне прослеживается появление двух совершенно различных подходов к пони-

манию самого существа встававших задач государственного регулирования экономики. На том этапе их различие могло оставаться незамеченным, не было никакой явной полемики между их сторонниками и, возможно, кому-то они представлялись даже совместимыми, друг друга дополняющими. И только анализ тяжелого опыта последующих десятилетий позволяет увидеть глубокий антагонизм этих двух линий и неизбежность острой борьбы между ними впоследствии. Сказанное не может быть опровергнуто отдельными примерами переплетения разных подходов в работах того или иного автора: ведь непоследовательность не является столь уж редкой гостьей в науке, особенно на ранних стадиях исследования проблемы.

Одна линия нашла отражение в работах экономистов, стремившихся выработать концепцию экономической реформы, которая позволила бы быстро залечить нанесенные войной раны и динамично развиваться в условиях мирного времени. Речь шла о коренном обновлении национальной экономической политики, о координации и согласовании интересов различных политических и хозяйственных сил и сосредоточении их на достижении общих целей. Плановая тема звучит здесь как задача разработки плана реформы и определения места плана в реформе (т.е. централизованного планирования и регулирования как составного элемента реформы). В их работах содержатся аргументы в пользу необходимости плана, а также намечается концепция экономической политики, которую следует проводить в будущем.

Исходная предпосылка анализа — признание того факта, что российская экономика вступила в новый этап, когда для ее эффективного развития необходимо государственное регулирование, для чего следует планомерно осуществлять глубокие экономические и финансовые реформы. “Государственное вмешательство в народнохозяйственную жизнь стало особенно возможным в наше время, когда многим казалось, что этому вмешательству приходит конец”, — писал М.И. Боголепов в своей книге с характерным названием “О путях будущего: к вопросу об экономическом плане” — одной из наиболее интересных работ по рассматриваемой нами проблеме¹.

Цель этих реформ и регулирования — динамичный и непрерывный рост производительных сил. Механизм реализации цели — поощрение творческой инициативы, “возбуждение энергии” “Общая задача, которая должна составить содержание экономи-

¹Боголепов М.И. О путях будущего: к вопросу об экономическом плане. Пг., 1916. С. 5.

ческой программы, есть достижение высшего производительного результата народнохозяйственного труда. Эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если государственная власть направит свои усилия к пробуждению хозяйственной инициативы населения, осуществлением такого плана, который заставит действовать каждого хозяйствующего индивида, осуществит возбуждающее к творчеству влияние на личность, производителя”¹.

Собственно, сказанного уже достаточно, чтобы сделать вывод о существовании трактовки плана в рамках этой концепции. План здесь — это определенная система экономической политики, предполагающая создание оптимальных социально-экономических условий для динамичного развития производительных сил путем развертывания инициативы и предпринимательской активности. Это общее определение конкретизировалось в ряде теоретических положений, представляющих собой, по сути дела, важнейшие принципы планирования.

Прежде всего утверждалось, что отправной точкой экономического плана может быть “не крупное изменение исторического бега народного хозяйства, а лишь содействие народнохозяйственным течениям и устранение препятствий на путях развития производительных сил”. Иными словами, речь шла об обязательном соответствии плановых разработок объективным экономическим законам и возможности только на этой основе добиться быстрых и глубоких изменений в хозяйственной действительности. М.И. Боголепов сравнивал значение такого плана и выражаемой им политики с ролью “умного садовника, мудрость и могущество которого прямо пропорциональны его знанию и уважению к силам и законам природы”.

Он же предостерегал и от чрезмерного преувеличения роли экономического плана, придания ему всеобъемлющего, тотального характера, отождествления его с планом финансовым. Если финансовый план выступает в качестве плана определенной организации, именуемой “государственным хозяйством” и управляемой единой волей, то экономический план должен иметь дело не с организацией, а с организмом, каковым является все народное хозяйство. Здесь уже нет единой воли, во всяком случае институционально оформленной. Здесь невозможно и прямое управление. И потому экономический план может быть только планом экономической политики, наиболее адекватной объективным потребностям того или иного этапа хозяйственного развития страны. При таком подходе вполне обосновано

¹К плану экономической реформы / Министерство финансов. Пг., 1916. С. 1—2.

анно звучит и предостережение против увлечения разработкой крупномасштабных плановых проектов, охватывающих период в несколько десятилетий, с одной стороны, и чрезмерной детализацией концепции — с другой. “Экономический план должен включать в себя немного, но зато самое необходимое. Плановёрность и заключается в выборе того, что прежде всего, по условиям момента, является необходимым”, — замечал М.И. Боголепов¹.

Одной из важнейших функций, которую должен выполнять экономический план, выступает в данной системе формирования единой государственной политики, способной воздействовать на хозяйственные процессы с позиций общих интересов. Государство становится источником экономической политики, значит, и экономического планирования. Именно для него нужен в первую очередь такой план, но он будет эффективен лишь при условии недопущения ведомственности при его разработке и выполнении. Иначе государственная экономическая политика превратится в ведомственную. “Ведомственная политика должна быть заменена правительственной политикой, опирающейся на единый план, обязательный для всех ведомств. Будущее России властно требует создания должной плановёрности правительственных экономических преобразований”, — отмечалось, в частности, в записке Министерства финансов еще 8 января 1916 г.²

Однако преодолевая ведомственные устремления, подчиняя их потребностям всего организма, план не должен был игнорировать существующую в обществе богатую палитру реальных и противоречащих друг другу экономических интересов. “Задача центра и общего плана — помирить конкурирующие требования и стремления и выбрать из взаимно противоречащих задач ту, которая является с точки зрения общих интересов наиболее важной” Так писал М.И. Боголепов и указывал принципиальные направления решения возникающих проблем. Это — сочетание централизма при постановке общей обязательной цели, определяющей перспективу роста, с широкой децентрализацией при ее конкретизации и выработке путей достижения цели. Передоверие функций на места организует страну, т.е. делает то, в чем больше всего нуждается наше Отечество” С одной стороны, это дает местным организациям возможность ясно видеть перспективы своего развития и активно участвовать в достижении общехозяйственных целей, а с другой — пробуждает

¹Боголепов М.И. О путях будущего. С. 46.

²К плану экономической реформы. С. 14.

активность и инициативу мест, позволяет согласовывать локальные интересы и цели с глобальными.

Утверждение регулирующего начала в хозяйственной жизни с рассматриваемых позиций связывалось и с необходимостью определенного преобразования общественных отношений, создания условий, облегчающих “свободную инициативу народного труда” путем утверждения адекватного этим целям “целесообразного экономического законодательства”. В частности, выдвигалось предложение об установлении государственной собственности на недра и водную энергию, поскольку именно здесь возникает наиболее опасная и практически неразрешимая “коллизия частных интересов”. Ведь в результате национализации эти сферы могут стать солидными источниками государственных доходов, и притом такими, которые не будут стеснять частную инициативу.

Понятно, что в такой механизм никак не вписывались действия, направленные на поощрение монополистических тенденций, — будь то со стороны государства или частного сектора. С большой настороженностью воспринимались здесь популярные идеи введения государственных торговых монополий. Напротив, ставилась задача стимулирования свободной инициативы. Для этого предлагалось разработать и внедрить действенное антимонопольное законодательство, не допускать искусственного насаждения крупных хозяйственных форм, а также принимать меры к демократизации производственной деятельности, обеспечивать участие самих трудящихся в принятии решений, касающихся функционирования их предприятий.

Наконец, план, как предполагалось, решит задачу определения и взаимной увязки масштабов и приоритетов (временных рамок) той деятельности, которая должна привести к достижению намеченных целей. При всем концептуальном значении план требовал и точного расчета времени, необходимого для проведения тех или иных согласованных между собой мероприятий. В данном случае уже появляются идеи, сочетающие количественные, качественные и временные параметры и тем самым формирующие жесткий каркас плановой конструкции.

Оправданна ли эта жесткость? Или немного иначе: при каких условиях она может быть рациональна? Вряд ли можно ожидать ответов на эти вопросы или даже самой их постановки от исследователей, не выходящих еще за пределы общих теоретических постановок и не имеющих практического опыта их реализации.

Словом, рассмотренное понимание существа и проблем планирования в значительной мере строилось на отрицании ряда

характерных признаков хозяйственного механизма военного времени. Предполагалось проведение ряда существенных преобразований, обеспечивающих целостность и централизм экономической политики без доминирования в народном хозяйстве жестких иерархических структур.

Совершенно иной подход мы увидим, если обратимся к рассуждениям многих экономистов, находившихся на левом фланге политической жизни России. Они были нередко связаны с различными демократическими организациями, резко критиковавшими неэффективную, сословно ориентированную политику царского правительства и стремившимися взять регулирование хозяйственных процессов под свой контроль. (Наиболее характерной в этом отношении может быть, пожалуй, позиция Всероссийского союза городов, в работе которого принимали участие видные экономисты В.Г. Громан, Л.Б. Кафенгауз, А.А. Соколов и др.)

Углублявшаяся дезорганизация народного хозяйства, неспособность существовавшего режима остановить сползание к экономической катастрофе вызвали существенное повышение внимания многих экономистов и общественных деятелей к задаче построения единой системы руководства национальной экономикой на основе централизованного плана. Так, уже в 1915 г., убедившись в неэффективности функционирования Особого совещания по продовольствию, Всероссийский союз городов потребовал разработки единого плана в этой области и сформулировал основные линии его построения. Вопрос был поставлен определенно: “Если мы сумеем линию одного плана провести через все местные совещания, мы тогда будем иметь картину разрешения продовольственного вопроса в стране в одном общеимперском плане”¹. Этот план должен был охватить единой системой все этапы движения продукта от производителя к потребителю, опосредовать связи между ними, урегулируя по возможности их взаимоотношения. Предполагалось, что тем самым удастся преодолеть диктат производителя, ставший за время войны типичным из-за появления разного рода дефицитов.

Широта, универсальность, целостность — так определялись важнейшие черты этого плана. “Глубочайшая ошибка всех мероприятий, имевших место до сих пор, как государственных, так и общественных, заключается в том, что все время желали частично регулировать отдельные стороны экономической жизни страны, и в том, что не ставили во-

¹Астров Н.И. Задачи совещания // Труды экономического совещания, 3—4 января 1916 г. М., 1916. С. 11.

проса во всем грандиозном объеме, вопроса о целостной системе регулировки и производства, и торговли, и транспорта, и распределения, и, наконец, потребления”, — подчеркивал тогда В.Г. Громан (Громан В.Г. О плане снабжения продовольствием населения и основные принципы экономической политики в связи с регулированием транспорта // Труды экономического совещания, 3—4 января 1916 г. М., 1916. С. 28).

Исходным моментом решения этой задачи считалось создание “сильного общеимперского органа с лицом, стоящим во главе этого органа, пользующимся общественным доверием, и с участием в этом органе широко представленных государственных организаций”¹. Центр должен был сосредоточить в своих руках ключевые рычаги, оказывающие определяющее влияние на все сферы хозяйственной жизни. Прежде всего подчеркивалось, что в основе руководящих принципов регулирования всяких экономических отношений лежит регулирование работы транспорта, тождественное, по сути дела, регулированию товарообмена. “Главным орудием регулирования товарообмена должно служить регулирование перевозок, т.е. переход к разрешительной системе перевозок”, — настойчиво повторял В.Г. Громан.

Другим необходимым условием централизованного регулирования называлось государственное (централизованное) определение цен, непосредственно привязываемое к транспортному вопросу: лицо, получившее разрешение на перевозку продукта, обязано было и продавать его по установленным ценам, а также подчиняться требованиям соответствующих органов о направлениях его распределения между потребителями.

Решение этих задач связывали с принудительной синдикализацией предприятий по отраслевому признаку. Например, создавался синдикат сахарозаводчиков, но его работа ставилась под контроль органа, выражающего интересы потребителей. При этом запрещалось реализовать продукцию помимо централизованных установлений. Для распределения же продукции предлагалось учредить специальную Комиссию снабжения, которая опосредовала бы отношения организаций производителей и потребителей, обеспечивала бы снабжение в соответствии с государственными приоритетами, определяла бы порядок отпуска продуктов в частные руки.

Понятно, что практическая реализация этой системы означала бы фактическую ликвидацию рынка и замену торговли госу-

¹Астров Н.И. Задачи совещания // Труды экономического совещания, 3—4 января 1916 г. М., 1916. С. 7.

дарственным или общественным распределением. Все теоретики были убеждены, что центральная власть может и должна обеспечить наиболее рациональный и слаженный порядок работы всех звеньев общественного организма, учет движения всех продуктов и, следовательно, использование всех возможностей для образования необходимых резервов. Конечно, власть, берущая на себя такие полномочия, принимает также обязательства обеспечить потребителя соответствующими продуктами (по крайней мере по установленным нормам), поскольку цены в этих условиях утрачивают значение регулятора спроса и предложения. Однако разрабатывающие подобные рекомендации экономисты (например, авторы подготовленного Управлением делами Особого совещания по продовольствию проекта “Современные положения таксировки продуктов продовольствия в России и меры к его упорядочению”) полагали, что центр при помощи мер типа реквизиции продукции, регулирования обращения и снабжения, нормирования потребления сможет справиться с возникающими разнообразными проблемами.

Основу рассматриваемой концепции планового регулирования составляли весьма распространенные в начале века (особенно в левых кругах) представления о качественно новой ступени в развитии капиталистического общества, о чем выше уже шла речь. С одной стороны, произошло ослабление роли частного интереса и частной инициативы как движущих стимулов прогресса. С другой — война привела к невиданной разрухе материальной базы. После окончания войны ожидалось возникновение весьма неблагоприятной экономической ситуации — сжатие покупательных возможностей населения, ограничение государственного спроса, рост налогов на покрытие резко подскочивших государственных долгов, удорожание капитала, что в свою очередь могло вызвать понижение заработной платы и нищету. Мы не будем оценивать степень реалистичности этих прогнозов. Важно, что они были весьма распространены и способствовали выдвиганию выводов стратегического характера. Главным же из них стал тезис о необходимости и возможности использовать государство как силу, способную заменить собой действие традиционных рыночных механизмов и активно вмешиваться непосредственно в хозяйственный процесс с целью не только амортизировать последствия происшедших в капиталистической экономике сдвигов, но и дать импульс дальнейшему поступательному движению народного хозяйства на новой базе.

“Если современная финансовая проблема состоит, в конечном счете, в подъеме производительных сил, как любят теперь выражаться по всякому поводу, то проблема эта прежде всего

упирается в проблему организации народного хозяйства”, — писал, например, С. Загорский (Современный мир. 1916. № 2). Развивая это общее положение, многие экономисты (причем и весьма умеренной ориентации) активно выступали за меры, направленные на усиление и ускорение тенденций к концентрации и монополизации производства, и фактически за искусственное нивелирование роли частной инициативы и свободной конкуренции. В этом видели благоприятные условия для “организации народного хозяйства” и установления планомерности. Надежды возлагались здесь на активизацию предпринимательской и перераспределительной роли государства, на учреждение монополий в ряде отраслей, а по отношению к сохранявшемуся еще частному сектору речь шла о “доведении податного бремени до возможно большего предела”, о “налоговой беспощадности” власти. (См., например, статьи М.И. Фридмана в “Вестнике финансов”, 1916, № 8; П.П. Мигулина из “Нового экономиста” за 1915—1916 гг.)

И вся система мер расценивалась как ответ современного общества на вызов эпохи, переживающей переломный момент.” Война выдвинула на первый план социальной жизни государство как господствующее начало, по отношению к которому все другие проявления общественности становятся в положение служебное”, — заявляли эксперты Особого совещания по продовольствию. Развивая далее свои идеи, они приходили к выводам общего порядка, весьма характерным для значительной части экономистов и политиков того времени:

“В экономической жизни встречаются две тенденции — с одной стороны, государство все более проникает во внутренние отношения частнохозяйственной деятельности, и с другой — торговля и промышленность проявляют черты необходимой самоорганизации в широком государственном стиле. Все эти связанные с войной хозяйственные мероприятия не могут пройти бесследно для будущего. Организационное творчество, проявляемое сейчас в форме создания центральных закупочно-распределительных учреждений, оставит свое наследие мирному времени в том или ином виде” (Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52. С. 567).

Аналогично рассуждали тогда и экономисты социалистического направления, выводы которых отличались лишь большей решительностью и последовательностью. “Вся проблема демобилизации народного хозяйства после войны сводится, с нашей точки зрения, к дальнейшему развитию в нем тех зачатков огосударствления и муниципализации, которые создала война и которые являются

ще неизбежным ее последствием”, — совершенно определенно казывал Г. Новоградский в издававшемся М. Горьким журнале евой интеллигенции “Летопись” (1916. № 10. С. 320).

Они выражали обоснованные сомнения в возможности сочелания государственной монополизации отдельных отраслей с ысоким налогообложением частного хозяйства. Они объясняли, что в подобной смешанной экономике неэффективными кажутся обе сферы деятельности из-за парализующего влияния ысоких налогов на частный сектор, что неминуемо отразится и на работе сектора государственного. Поэтому предлагалось итаться на путь решительного следования логике монополизации. “Было бы более последовательно рекомендовать прямое государствление национального производства”, — писал Б. Авиллов. Он был далеко не одинок в убеждении, что “стихийная борьба частных интересов и стремление капитала к извлечению прибыли” не могут более обеспечивать решение сложнейших экономических и финансовых проблем и что на смену им приходит, должно прийти, “планомерное направление производительной деятельности со стороны общества и государства”¹.

Впрочем, теоретические выкладки и рассуждения общеекономического характера, выясняя тенденции социально-экономического развития и намечая необходимые и возможные пути преобразования хозяйственной системы, уже не оказывали непосредственного воздействия на функционирование реального экономического механизма, на государственную экономическую политику. Система все более входила в глубокий кризис, а все попытки ее реформирования посредством вмешательства власти в хозяйственный процесс только усугубляли ситуацию. Попытки охватить жизненно важные узлы народного хозяйства плановыми установлениями центра, в том числе и при помощи государственного регулирования перевозок важнейших грузов, терпели полный провал.

В обстановке господства административных предписаний и указаний в практике экономической жизни все более прочные позиции занимала взятка. Она оказывалась сильнее власти — и центральной, и местной. Именно тогда широкое распространение получила поговорка: “Взятка — это русская конституция” И разумеется, литера “Д” (деньги) стала наиболее надежной в системе литерных приоритетов, установленных государством для железнодорожных перевозок.

¹Авиллов Б. Настоящее и будущее народного хозяйства России. Пг., 1916. С. 80, 84.

Соотношение сил государственных и частных интересов в условиях ширящегося административного руководства экономикой из единого центра к середине первой мировой войны наглядно демонстрируется следующим примером — одним из многих, которыми пестрела печать тех лет:

«Одновременно в Баку из Александрополя поехали представители городского управления за мукой и частный торговец. Частный торговец быстро получил надлежащее количество муки, а городское управление до сих пор муки не имеет. На вопрос: “Скажите по-дружески, как это случилось”, частный торговец сказал: “Я заплатил за каждый вагон 150 рублей накладных расходов”» (Труды экономического совещания. С. 13).

Словом, чем энергичнее составлялись властями планы, тем увереннее они проваливались. К концу 1916 г. правительственные планы исполнялись лишь на 10-12 процентов. Ужесточившееся осенью государственное регулирование распределения основных продуктов питания вело к тому, что неизбежное нарушение планов крайне затрудняло или полностью парализовало альтернативные возможности удовлетворения соответствующих потребностей населения.

Между тем планы, от которых в немалой степени зависело положение широких слоев трудящихся, ориентировались лишь на минимальное количество продуктов, безусловно необходимое для поддержания жизнедеятельности городов. В первую очередь речь, разумеется, идет о хлебе. Неисполнение же планов в столь значительных размерах поначалу (в ноябре — январе) не приводило к катастрофическим последствиям лишь потому, что к потребителям еще просачивалось какое-то количество продуктов вне плана, а также благодаря сохранению у потребителей в течение первой части сельскохозяйственного года некоторого запаса хлебных продуктов.

Однако в начале 1917 г. ситуация стала угрожающе меняться — как из-за провалов правительственных планов продрозверстки, так и из-за критического состояния железных дорог. Оба фактора перечеркивали возможности централизованного, “планового” регулирования взаимосвязей города и деревни, а иные механизмы поддержания товарообмена между ними были разрушены всей предыдущей деятельностью по регулированию народного хозяйства. “Бездействие торгового аппарата, отсутствие местных органов, боязнь всякого народнохозяйственного организованного начала в народных глубинах устраняют возможность планомерной работы по извлечению хлебов; наконец, неисполнение планов, неподвоз хлебов в районы, нуждающиеся в

привозном хлебе, грозят привести к катастрофе, так как местные запасы, вероятно, почти съедены”, — предостерегал в начале февраля 1917 г. орган деловых кругов России журнал “Промышленность и торговля” в своей редакционной статье.

Завершается же она весьма характерным требованием, интересным, кроме прочего, и тем, что здесь содержится указание на важнейшие предпосылки, без которых плановое руководство не может быть подлинно эффективным, если оценивать его с точки зрения конечных народнохозяйственных результатов, общих интересов. Это — демократически избранная и пользующаяся доверием власть, имеющая намерение и возможность осуществлять экономическое регулирование в интересах всего общества. Возможно, кому-то эти предпосылки покажутся субъективизированными. Наше мышление, основанное на переплетении марксовых и сталинских (из “Экономических проблем социализма в СССР”) положений, стремится подчеркивать в первую очередь, если не исключительно, лишь объективную сторону экономических отношений. Но на самом деле усиление организующей, регулирующей роли государственной власти, под знаком чего начинался XX век, резко обостряет значение субъективного начала в осуществлении хозяйственных процессов, в каких бы формах эта роль государства и его органов ни реализовалась.

Существует тесная связь между характером политической власти, отношением к ней народа и результативностью, эффективностью ее экономической, регулирующей деятельности. Но осознание всего этого будет делом длительного и тяжелого опыта. Пока же журнал “Промышленность и торговля” энергично утверждал: «Необходимы меры исключительные, а главное, необходимо создать такую обстановку, при которой была бы вера в искренность и результативность предпринимаемых планов. Для этого во главе ведомств, регулирующих народный труд и хозяйство, должны стоять лица, способные своей твердой и открытой политикой, без интриг и “тонкой игры”, направленной в пользу отдельных общественных классов, снискать себе народное доверие. И с этим надо спешить»¹.

2. НА ПОЛПУТИ К ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ

Победа Февральской революции резко динамизировала социально-экономические и политические процессы в

¹Промышленность и торговля. 1917. № 6. С. 129.

стране. Одним из основных вопросов, привлекавших внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. На первое место выдвигается государство, способное разрешать сложности экономической жизни, вызванные как войной, так и участвовавшими перебоями в функционировании капиталистического хозяйственного механизма, опиравшегося на индивидуальные интересы и конкуренцию. Образующиеся “пустоты” и должна была заполнить государственная власть, как это представлялось тогда многим экономистам, связанным с Временным правительством. “Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну их хаоса и развала”¹.

Для осуществления этих функций экономисты и хозяйственные деятели, включая ряд крупнейших предпринимателей, сходились в признании необходимости придания новому правительству широких полномочий. Они выступали за централизацию значительной части прибыли (это предлагал, например, известный промышленник С.И. Третьяков), за разработку целостного государственного плана, который смог бы переломить начинающийся распад национального хозяйства и заложить достаточно четкую перспективу дальнейшего роста. Последнее подчеркивалось особо, причем всеми — как говорится, “от социалистов до монархистов” (если отвлечься, разумеется, от наиболее радикальных представителей тех и других, одинаково отрицавших утвердившийся в результате Февральской революции режим).

Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам о характере развития производительных сил и позволило бы, как им представлялось, выдвинуть в качестве основного мотива развития производства удовлетворение народных потребностей вместо погони за капиталистической прибылью. За план выступали и предприниматели, надеясь благодаря ему стабилизировать общую хозяйственную обстановку. “Старая власть жила изо дня в день, не думая о будущем. Самая идея экономического плана была для нее жупелом”, — писал сразу же после падения монархии неизвестный автор в журнале “Промышленность и торговля” (1917. № 8—9. С. 190).

¹Ясный Н.М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12—13.

Увлеченность идеей планирования была распространена очень широко, причем принимала подчас самые неожиданные формы. Приход к власти “верных слуг народа” в лице Временного правительства (в которое действительно входили выдающиеся представители имущих классов и интеллигенции России), всеобщий подъем и единство поначалу самых разнородных общественных сил, обеспечившее падение самодержавия в считанные дни, — все это создавало иллюзии возможности достаточно быстрого урегулирования хозяйственной жизни, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные прежнему режиму.

Появились и фанатики планирования, причем вовсе не на крайнем левом фланге, как это можно было ожидать. Идеи единого хозяйственного плана мало заботили тогда большевиков, сосредоточивших все силы на борьбе за политическую власть. Плановое регулирование хозяйственной ситуации в стране было им на том этапе просто-напросто ни к чему. Иное дело — экономисты социал-демократической ориентации. Здесь дело доходило до курьезов. Так, В.Г. Громан, вдохновитель и страстный пропагандист идеи немедленной разработки “единого хозяйственного плана” как основы всей экономической политики государственной власти в России, будучи ответственным за распределение потребительских товаров между жителями Петрограда, заявил примерно следующее: “Я не распределю ни единой пары ботинок, куда все народное хозяйство не будет регулироваться по плану” Это, конечно, была крайность, но крайность, весьма ярко выражающая общие настроения в среде значительной части влиятельных экономистов.

Точно так же все, от социалистов до буржуазных либералов, соглашались, что подобные преобразования не смогут привести к социализму. (Напомню, что под последним понимался тогда строй, преодолевший рыночные отношения и функционирующий ради удовлетворения разнообразных потребностей всех членов общества.) Кстати, подобный вопрос ставили перед собой и предприниматели — сторонники централизованного регулирования народного хозяйства. “Не касаясь сейчас деталей нового строя, скажем, однако, что мы мыслим его в форме буржуазного, капиталистического режима, при котором была бы, вместе с тем, гарантирована возможность достойного культурного существования”¹.

Политика Временного правительства прошла несколько стадий, радикализуясь по мере развития политической ситуации и

¹Ближайшие задачи // Промышленность и торговля. 1917. № 8—9. С. 187.

некоторого полевения его состава. Впрочем, принципиальные идеи планового регулирования так или иначе сохранялись на протяжении всех месяцев существования этой власти, отражаясь как в ее официальных актах, так и в выступлениях многих видных экономистов и общественных деятелей того периода.

Опыт централизованного регулирования народного хозяйства Временным правительством небогат. Здесь выделяются два ключевых момента: введение ряда государственных монополий (на хлеб, уголь, сахар) и попытка создания экономического центра, вырабатывающего единый план. И то, и другое не дало серьезных практических результатов, что, конечно же, было закономерно в условиях нарастания революции, когда решающее значение приобретает политическая борьба. Однако вокруг хозяйственной деятельности Временного правительства разворачивались дискуссии, тесно связанные с последующим развитием событий и представляющие определенный интерес и поныне.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы Временное правительство начало свою деятельность по регулированию и упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплетались основные линии и противоречия российской экономики. Новая власть пошла, по сути дела, по тому же пути, на который пытались, но так и не решились вступить предшественники. И встала на этот путь более решительно, издав 25 марта 1917 г. закон о хлебной монополии, по которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения. Имелось в виду учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя — при помощи каких орудий он сеет (ведь при использовании более совершенных машин меньше требуется зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (ведь их надо кормить) и на какой срок нанимает.

Понятно, что практическая реализация этих намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии с единым планом. Укреплялась разветвленная сеть продовольственных органов (от волостных до общегосударственных). Они, выступая от имени государства, были уполномочены решать многочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспределения зерна, доходя до каждого отдельного крестьянского двора. Предполагалось также, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь тонком деле проблем (с учетом интересов крестьянства) будет обеспечено формированием всего этого аппарата из лю-

ей, "которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные"¹.

Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители — с этим, пожалуй, и связывались в основном надежды на эффективность создаваемого механизма. Единственный стимул, который тут предусматривался (или, точнее, только замыслился правительством), состоял в стремлении распространить этот механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгодности для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные продукты. И действительно, в стране предпринимались попытки централизованного учета всего наличного сахара, всей кожи, железа, керолина, масла, бумаги и других товаров. Но практически безрезультатно. На практике дело ограничилось лишь провозглашением еще одной монополии — угольной, последовавшей через несколько месяцев после хлебной — в августе 1917 г.

Государственные монополии были лишь одним из направлений процесса углубления государственного вмешательства в организацию хозяйственной жизни. В ходе постоянного обсуждения государственного руководства народным хозяйством в кругах правительственных и околоправительственных экономистов выдвигались и иные предложения по усилению централизации. Налицо было стремление сосредоточить максимум хозяйственной власти в руках государства. И само правительство склонялось к принятию ряда довольно решительных мер, хотя так и не могло реализовать большинства выдвигавшихся его членами предложений. Ведь по сути своей Временное правительство было центристским, но, наталкиваясь на резкое противодействие мощных политических группировок (как слева, так и справа), не имея прочной социальной базы, оно не в состоянии было выработать последовательной экономической политики.

Кроме того, выдвигавшиеся членами правительства предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций, становились результатом переплетения различных факторов — и идеологических симпатий министров, и необходимости "реагировать" на текущую конъюнктуру событий. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была отнюдь не плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

¹Каррик В.В. О хлебной монополии. Пг., 1917. С. 14—15.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение министра труда М.И. Скобелева о целесообразности введения такой прогрессии налогообложения, при которой бы вся прибыль изымалась в пользу государства. Предложение было в конечном счете отвергнуто, но знаменателен сам факт его появления, наглядно характеризующий господствовавшие представления о путях усиления планово-регулирующей роли государства.

Решение задачи “строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон экономической жизни государства” уже к середине 1917 г. Временное правительство вполне определенно увязывало “с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства”, находящим выражение в некотором “общем плане” (слова министра-председателя А.Ф. Керенского, произнесенные им 21 июля). Для этого при правительстве был создан Экономический совет, на который возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах и, во-вторых, осуществление экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики. О значении, которое придавалось деятельности этого органа, свидетельствует председательствование в нем одного из ведущих деятелей кабинета — министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича. В работе совета, призванного объединять представителей различных “демократических” политических сил (включая большевиков), участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели. Среди них: П.И. Пальчинский, Н.Д. Кóндратьев, П.Б. Струве, В.А. Базаров, В.Г. Громан, П.П. Маслов, Л.Б. Кафенгауз, Д.Б. Рязанов, Г.В. Цыперович и другие.

Как же представлял себе Экономический совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве, обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что совет был, с одной стороны, связан с правительством, а с другой — мог стать своеобразным зеркалом, отражавшим понимание этой ключевой проблемы множеством, если не большинством, экономистов, исследовавших социально-экономические процессы развития России.

Короткий ответ здесь прост и после всего изложенного выше неоригинален. Речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства политической власти в хозяйственную жизнь при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные производственные единицы и целые отрасли. Суть

егулирования видели в возможности и необходимости изъятия централизованный фонд производимой на предприятиях продукции и перераспределения ее в соответствии с установленными государством приоритетами. Тщательному учету должны бы и подвергнуться производимая продукция (включая потенциал железнодорожного транспорта), запасы продукции на складах, тобы максимально вовлечь ее в орбиту государственного перераспределения.

Хотя говорилось обычно о необходимости государственного мешательства и в производство, и в распределение продукта, кцент, безусловно, делался на проблему распределения. В этом тношении здесь тоже не было ничего оригинального. Правда, данной связи выдвигался ряд далеко идущих идей, практическая реализация которых означала бы глубокие изменения в хаактере организации и функционирования общественного прозводства, что и будет в скором времени продемонстрировано ругим правительством.

Прежде всего предлагалось, опосредуя государственными орнанами связь производства и потребления, так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить “совершенное обезличение этих продуктов, обезличение как по производителям, так и о потребителям, принятие в руки одного органа или одного расорядителя, кем бы он ни был, всей той массы продуктов, которые производятся”¹. Это — важнейший момент логики формирующейся системы, выраженный с предельной ясностью. С той же огикой нам еще придется сталкиваться в связи с задачами теоетического обоснования строя, который получит название “воанный коммунизм”. Пока же идет 1917 г., у власти Временное равительство, постепенно формируются новые институты демократического режима, а видный деятель кабинета министров [И. Пальчинский довольно убедительно отстаивает (даже не отгаивает, а провозглашает, поскольку серьезных возражений и не льшно) фундаментальные принципы хозяйственной идеологии ольшевиков 1918—1920 гг. И это не запоздавший на десятилетия прек Пальчинскому (вот, мол, до чего договорился!), но лишь ще одно подтверждение существования некоторых объективных энденций развития экономической среды, настойчиво дававших себе знать и влиявших на представления политиков и экономигов различной идейной ориентации.

Следующим моментом концепции государственного регулиования, тесно связанным с предыдущим, было признание целе-

¹Стенографический отчет заседания Экономического совета при ремешном правительстве. 1917. № 2. С. 11.

сообразности “принудительного распределения” продукции — “не по желанию потребителей, а по тому, как представляется наиболее рациональным”¹. Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкает неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий, “которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны”².

Использование принуждения здесь мыслилось вообще в довольно широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени и сложностями хозяйственного положения страны. Этот принцип в организации производства предполагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Предполагалось разработать специальный перспективный план сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда) так, чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции³.

Принуждение проявлялось в государственном регулировании (а фактически установлении) цен, заработной платы, в формировании потребления. Принудительная организация производства и обращения не могла оставить в стороне и проблемы труда. Участники Экономического совета со всей определенностью ставили вопрос о введении трудовой повинности⁴, что сделало бы обсуждавшуюся систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными друг другу инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться таким путем четкости и слаженности работы предприя-

¹Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917. № 2. С. 12.

²Там же. № 7. С. 15, 30.

³Ясный Н.М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. С. 12, 19.

⁴Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917. № 6. С. 28. Так, уже весной 1917 г. Н.М. Ясный, в то время молодой экономист, работавший под руководством В.Г. Громана, предлагал: “Должны быть образованы рабочие команды из тыловых частей для откомандирования на сельскохозяйственные работы. Последние должны поступить в распоряжение уездных и волостных продовольственных комитетов. Наконец, должны быть более рационально, чем прежде, использованы военнопленные”. Очевидно, что идея трудармий, практическое создание которых связывается с деятельностью Л.Д. Троцкого, появилась несколько ранее и в кругах хотя и социалистических, но никак не симпатизирующих большевикам.

лий в рамках единого народнохозяйственного организма, но и овести до логического конца процесс, якобы начатый уже монополистическим капитализмом, — уничтожить посредством деятельности правительственных и общественных организаций конкуренцию и параллелизм в работе, создающие “колоссальные трения, которые... уменьшают коэффициент использования полезного действия наших предприятий” (из выступления Ф.А. Череванина в Экономическом совете).

Названные мероприятия не получили при Временном правительстве практического воплощения. Однако уже в дискуссии вокруг них отразились некоторые экономические феномены, неизбежно сопровождающие попытки претворения в жизнь подобной программы. Вот как рассуждал, например, представитель Московского военно-промышленного комитета (объединявшего владельцев крупных частных предприятий Московского региона) С. Вейцман: “Если государственный орган найдет, что частный завод лучше оборудован, лучше использует орудия производства, правильнее сделает, скорее и точнее, то он может предложить тому же самому военно-промышленному комитету или тому же самому интендантству: будьте любезны, выдайте указ на повозки по такой-то цене, на таких-то условиях”.

В логике нормального капиталистического хозяйствования, когда предприятие (предприниматель) имеет право отказаться от заказа, выдаваемого властью, в такой системе нет особых опасностей для предприятия (хотя с народнохозяйственной точки зрения заказ может оказаться невыгодным). Поэтому государственный заказ, гарантирующий сбыт продукции и поступление прибыли, обычно является делом весьма заманчивым.

Иная ситуация характерна для складывающейся системы всеобщего принуждения. Здесь уже вероятной становится искаженная логика, когда предприятию нецелесообразно демонтировать качественную, эффективную работу, поскольку за этим неизбежно последует госзаказ. И неизвестно, будут ли удовлетворительны его условия, — а ведь отказаться нельзя.

Особое место в этой системе централизованного руководства народным хозяйством отводилось специальному Экономическому комитету, венчающему сеть государственных снабженческо-распределительных органов. Именно на него возлагалась практическая реализация задачи урегулирования экономической жизни. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки народнохозяйственного развития, но все они замыкались бы на деятельности Экономического комитета, который был бы держателем основных материальных ресурсов страны.

“Экономический комитет, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, разрабатывает и утверждает все планы массовых заготовлений... согласуя спрос с возможностью его удовлетворения”, — говорилось в проекте положения об этом органе¹. К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на основные виды сырья и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в основных отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете создавалось Экономическое совещание с функциями “центрального комитета снабжения”, в чем видели сердцевину плановой работы. Состоящее из председателей всех специализированных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представителей общественных организаций, совещание и должно было “вырабатывать как план потребностей, так и план их удовлетворения”. В специальном постановлении Экономического совета, принятом 10 августа 1917 г., подчеркивалось: “Экономическим комитетом и состоящим при нем Экономическим совещанием составляется государственный план снабжения армии и населения всеми продуктами и предметами для удовлетворения их необходимых потребностей” Н.Н. Саввин, товарищ министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются “большими экономическими планами”, которые будут “точные и детальны”: тем самым удастся реализовать настойчивые требования членов самого Экономического совета — сделать “планы окончательного распределения... более конкретизированными”².

Непосредственным же урегулированием производства и распределения должна была заниматься целая сеть районных комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными Центрального экономического комитета. На предметные комиссии возлагались задачи не только определения возможного к удовлетворению количества продукции, но и потребной для этого переброски рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирование цен. А районные комитеты должны были информировать центр о своих потребностях и произ-

¹Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917. № 6. С. 2.

²Там же. № 8. С. 16; № 7. С. 27.

водственных возможностях и на основе его общих заданий по объему и номенклатуре продукции детализировать заказы по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам на основе “спущенных” заданий.

Внерыночное согласование интересов производителей и потребителей получает здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая возможность возникновения острых противоречий между ними и опасность принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей в обстановке нарастающего товарного дефицита, авторы правительственной концепции считали нужным заранее зафиксировать пути преодоления возможных трудностей: “При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллективных органах должны преобладать интересы потребителей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок — преобладание производителей...”

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем и чтобы все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффективному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказывались тогда уже вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

Свою программу регулирования хозяйственной жизни России, преодоления военной разрухи, а заодно и стихии рыночных отношений выдвигали и левосоциалистические круги. Их взгляды наиболее полно предстают со страниц газеты “Новая жизнь” Она издавалась в Петрограде М. Горьким и являлась органом так называемой РСДРП (объединение) — небольшой, но влиятельной группы левых интеллектуалов. В “Новой жизни” печатались статьи Б.П. Авилова, В.А. Базарова, М.А. Лурье (Ю. Ларина), А.Ю. Финн-Енотаевского, М.Н. Смит, Г.В. Цыперовича и многих других экономистов, оставивших заметный след в развитии науки в 10—20-е годы. Понятно, что выдвигавшиеся здесь предложения относительно принципов и механизма функционирования централизованного хозяйства были более радикальными, чем ранее нами рассмотренные.

Общую теоретическую основу этих идей можно понять, обратившись, например, к предреволюционным работам В.А. Базарова, в которых содержится анализ проблем планового хо-

зьяствования с точки зрения перспектив развития страны, достижения социалистического идеала как такового. Автор констатировал разрыв между субъективными и объективными предпосылками утверждения нового строя. С одной стороны, развитие производительных сил, сопровождающееся ростом монополий и сращиванием их с государством, сделало планомерное регулирование общественного производства необходимым и возможным. С другой стороны, из-за отсутствия культурных, мировоззренческих предпосылок не может быть и речи о торжестве коллективистского строя — не только в России, но и в наиболее передовых капиталистических государствах.

Тем не менее шаги в направлении к социализму за последнее время стали вопросом весьма актуальным — на повестке дня уже стоит задача замены “бесконтрольно-анархического” капитализма “подконтрольным, более планомерным, государственно упорядоченным”

Однако именно буржуазия, а не пролетариат, первой начала предпринимать энергичные действия по овладению этими объективными тенденциями, чтобы использовать их в собственных интересах. Это представлялось В.А. Базарову опасным. Ведь пролетариат упускает время, тогда как уже оформившаяся хозяйственная система близка к “демократической государственной организации, имеющей целью с достигнутой для государства мерой планомерности обслуживать потребности масс”, т. е. производство ради прибыли уже может быть переориентировано на обслуживание потребностей.

“Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации, — писал в январе 1917 г. В.А.Базаров. — Но так как она несколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности; так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени, то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших десятилетий, а может быть, и столетий” (Базаров В. О конечных целях // Летопись. 1917. № 1. С. 169, 174, 178, 187).

Экономические статьи авторов “Новой жизни” следуют в основном той же логике, но, конечно же, в условиях свободы печати и острой политической борьбы 1917 г. они становятся значительно более конкретными, несут в себе большую практическую направленность.

Центральная их идея — поиск такой реорганизации хозяйственной системы, которая содействовала бы укреплению социалистических тенденций, преобразовывала бы производство в интересах широких слоев трудящихся. И на первом месте здесь стояли задачи централизованного государственного регулирования народного хозяйства. Регулирования, которое не ограничивалось бы государственным регулированием произведенной продукции. “Новая жизнь” требовала более активного вмешательства государства (но только демократического государства!) в отношении самого производства, более активного и масштабного участия его в установлении цен и заработной платы, контроля не только качества товаров, но и методов их фабрикации. Высказывались даже предложения о полном отказе от свободы торговли.

Суть левосоциалистической позиции — в резком усилении роли государства во всех отраслях народного хозяйства, в переходе от преимущественно регулирования к прямому государственному управлению хозяйством. А последовательное проведение курса на принудительное синдицирование и создание государственных монополий должно было вообще элиминировать роль предпринимателей в производстве, превратить их в своеобразных “государственных рантье”. Предлагалось также значительно активизировать вмешательство государства в финансово-кредитную и денежную сферы, поставить под контроль власти не только товарный капитал, но и денежный, чтобы последний обслуживал производство исключительно в общественных, а не личных интересах. “Россия теперь нуждается в национальном регулировании и в организации промышленности. Воцарившаяся в этой области разруха явно свидетельствует о недостаточности личной инициативы... Одной готовности промышленников отказаться от прибылей, сохранив при этом всю полноту власти в направлении и регулировании производства, теперь уже недостаточно”, — писал в мае 1917 г. Ю. Стеклов¹, в будущем — видный советский публицист, главный редактор газеты “Известия”

¹Стеклов Ю. Жалобы промышленников // Новая жизнь. 1917. 13(26) мая.

Не доверяя предпринимательской мотивации, новожиизненцы, впрочем, не связывали особых надежд и с создававшимися на предприятиях органами рабочего контроля. Они настаивали на формировании сильной системы государственного контроля со значительным представительством в них членов демократических организаций. По мнению наших авторов, именно этот путь мог бы обеспечить руководство народным хозяйством действительно в общих интересах, в отличие от тесно связанных с локальными интересами “своего” предприятия или отрасли формирующихся “снизу” органов рабочего контроля, на которых делали свою ставку большевики. И в любом случае непременно подчеркивалась задача скорейшей разработки единого хозяйственного плана как основы всей координирующей и направляющей деятельности центра. Плана, выходящего за рамки проблемы распределения.

Далее, характерной чертой позиции “Новой жизни” в области планомерной организации национального хозяйства России было представление о том, что система Советов как рабоче-крестьянская альтернатива традиционным структурам государственной власти сама по себе недостаточна для успешного регулирования производства. Необходимо использовать и старый государственный аппарат, хотя и серьезно реорганизованный при помощи Советов.

“Тут дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его, причем и в новом своем виде аппарат должен оставаться строго централизованным, работающим по строгому, в центре выработанному плану”, — подчеркивал В.А.Базаров, по мнению которого сам рабочий контроль возможен только в условиях создаваемого таким путем государственного регулирования производства. Полемизируя с большевиками и упрекая их в недооценке роли государственного аппарата в перестройке российской экономики, он утверждал, что в случае прихода большевиков к власти они все равно пойдут по этому пути, поскольку в практической деятельности “им будет мало одного лишь доверия к революционной инициативе пролетариата”¹.

Отдавая себе отчет в том, что предполагаемое гигантское централизованное хозяйство несет в себе серьезную угрозу бюрократизации, авторы “Новой жизни” искали противодействие

¹Статьи В.А.Базарова в “Новой жизни” за 1917 г.: “Большевики и проблема власти”, 27 сентября (10 октября); “Демократический блок”, 19 сентября (2 октября).

в различных формах производственной демократии, в участии трудящихся в управлении.

“Социализм есть не только огосударствление производства, но и радикальное изменение самой конструкции управления производством, уничтожение пропасти между командующим и исполнительным составом... Государственная бюрократия не перестает быть воплощением неподвижности и застоя только от того, что во главе ее на место самодержавного монарха становится ответственная перед народом власть. Надо добиться того, чтобы все работники данной отрасли производства до последнего чернорабочего чувствовали и сознавали, что они делают не чужое, а свое собственное дело, что всякое усовершенствование в распорядке работ, всякое повышение производительности труда непосредственно улучшают их участь; надо добиться, чтобы каждому принадлежало известное право инициативы в осуществлении технического прогресса”, — писал тот же В.А.Базаров. Он замечал, что иначе не сможет быть преобразована сама атмосфера государственных предприятий (по сравнению с частными) и трудящиеся будут, как и раньше, “тянуть ляжку”, отбывая положенное время. Напротив, решив названные задачи, можно будет добиться того, что люди “проникнутся мало-помалу тем деловым вдохновением, воспитают в себе то напряжение высокой творческой воли, без которого социализм явился бы не пышным развитием производительных сил, как это утверждают марксисты, а реакционным бюрократизмом, шагом назад даже по сравнению к современному капитализму” (Базаров В. Бюрократизм или “синдикализм”? // Новая жизнь. 1917. 2(15) июля).

На крайнем левом фланге богатой политической палитры России 1917 г. находились большевики. Их программа урегулирования экономики страны, перевода ее на плановые рельсы и функционирования в интересах трудящихся наиболее полно раскрывается, разумеется, в работах В.И.Ленина. Суть этой позиции состояла в стремлении наиболее жестко и последовательно по сравнению с другими левыми партиями довести до логического конца тенденции укрупнения и монополизации общественного производства. Большевикам представлялось, что эти тенденции, уменьшая число хозяйствующих субъектов и объединяя важнейшие нити хозяйственной жизни в государственном банке, с одной стороны, обеспечивают упрощение всех экономических процессов и появление необходимых институтов регулирования хозяйства из единого центра, а с другой сторо-

ны, делают участие в управлении как “своим” предприятием, так и всем народным хозяйством вполне доступным для широких масс трудящихся, не имеющих ни достаточного образования, ни соответствующих навыков управленческой деятельности. “Капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку знаниям”, — был неколебимо убежден В.И.Ленин¹, формулируя свою концепцию построения планового хозяйства. Особая роль здесь отводилась банкам, точнее единому национальному (народному) банку, становящемуся центром тотального учета и счетоводства и являющемуся “девятью десятыми социалистического аппарата”². «И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то “регулирование экономической жизни”, которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувательства простонародья»³.

Отсюда и столь характерное для ленинских работ, написанных летом—осенью 1917 г., представление об относительной легкости революционно-демократического регулирования национальной экономики вместо реакционно-бюрократического — надо лишь простыми декретами объединить банки, синдицировать предприятия, объединить (возможно, и принудительно) население в потребительские общества (для упрощения распределения продуктов и контроля за потреблением), установить контроль рабочих союзов за производством, ввести единообразную отчетность. “Это самая простая вещь — и именно она остается несделанной!!” — энергично восклицал В.И.Ленин⁴, резко критикуя деятельность Временного правительства.

Собственно экономическая программа большевиков, связанная с переходом к планово-распределительному хозяйству, на самом деле не отличалась принципиально от предложений представителей других социалистических сил, особенно левых. То же принудительное синдицирование, национализация ключевых сфер производства, привлечение рабочих к управлению. Разве что большевики выступали за более быстрое и решитель-

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 308.

²Там же. С. 307.

³Там же. С. 163.

⁴Там же. С. 168.

ное проведение этих преобразований, за максимально широкий их размах и спрессованность во времени.

Однако была одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. Плановое руководство и государственная власть — так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил в 1917 г. В.И. Ленин. Еще в полемике пятнадцатилетней давности вокруг проекта партийной программы он обращал внимание на то, что планомерность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда осуществляется за счет и в интересах всего общества¹. Этот, действительно очень важный, момент оказался полтора десятилетия спустя трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование будут целесообразными только после прихода к власти пролетариата, а попросту говоря — самой большевистской партии.

Основная масса социалистов России возлагала большие надежды на активное вмешательство демократического государства в протекание экономических процессов. Они полагали, что сам факт такого регулирования не только обеспечит упорядочение хозяйственной жизни, преодоление присущего ей стихийного характера, но и переориентирует производственную деятельность предприятий на реализацию интересов всего общества.

Большевики же, напротив, до поры до времени считали целесообразным лишь один способ регулирования производства — систему рабочего контроля. О предложениях государственного контроля (с участием демократических организаций и рабочих) и в этой связи о едином государственном плане В.И. Ленин отзывался с сарказмом, переходящим в издевку. Подобная обструкционистская позиция вызывала в рядах социалистов, мягко говоря, недоумение и упреки в синдикализме. Разъясняя свою позицию, вождь большевиков подчеркивал, что он и его партия — за централизм и за план, но за централизм и за план пролетарского государства. «Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. под контролем рабочих организаций за выработку “плана”, за проверку его, за отыскание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232.

² Там же. Т. 34. С. 320.

Итак, надо “взять власть”, затем “посадить экономистов, инженеров, агрономов и пр.” и только после этого можно будет говорить о целостном плане народнохозяйственного развития. Такова логика В.И.Ленина.

В этой полемике между большевиками и другими социалистами обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в обеспечении социально-экономического развития на плановой основе? Социалисты исходили из того, что в демократическом обществе оно сможет обеспечить определенную взаимоувязку, согласование интересов и тем самым общественный прогресс. Оставался, однако, открытым вопрос: почему и при каких условиях государство будет справляться с решением этих задач? Для ответа на него требовался более тонкий социально-политический и социально-экономический анализ.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства: для них оно было не более (но и не менее!) чем “аппаратом насилия одного класса над другим”¹ — аппаратом, выполняющим волю господствующего класса и не способным ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные, “аппаратные” интересы. Можно сказать, что государство уподоблялось здесь автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли его хозяина-водителя. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось то обстоятельство, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстро растущего бюрократического аппарата, навязывать их всему обществу.

Но представления о необходимости активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, а фактически об административно-принудительном руководстве, хотя и получили широкое распространение в экономических и политических кругах, не остались без критического анализа современников. Некоторые экономисты и общественные деятели настойчиво предостерегали против чересчур примитивного, прямолинейного проведения аналогий между руководством монополистическими фирмами и всем народным хозяйством, обращали внимание на ошибочность выводов об угасании роли частной инициативы и классических рыночных категорий (стимулов) в функционировании экономического механизма. Им представлялись недоста-

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 318.

точно продуманными и чрезвычайно опасными явно проявившиеся тенденции тотального огосударствления хозяйственной жизни под флагом борьбы с разрухой и хаосом. Тем более что речь шла о стране с сильными традициями государственного бюрократизма, дополненного в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими им организационно-хозяйственными структурами. Кстати, предостережения такого рода высказывались не только со стороны экономистов, тесно связанных с интересами частного предпринимательства, но и со стороны революционной социал-демократии.

Прежде всего критика чрезмерного централизованного регулирования, и особенно высокого налогообложения прибыли, создания государственных монополий, доказывающая пагубность и неэффективность подобной деятельности, значительно слышнее была с правого фланга. Она, правда, не была тогда особенно популярна среди интеллигенции, поскольку воспринималась не иначе как попытка игнорировать объективный ход развития производительных сил и защитить узкоклассовые интересы предпринимателей в ущерб интересам всего народа. Тех, кто выступал тогда в России с критикой идеологии “государственно-планового хозяйствования”, воспринимали нередко как защитников узкоклассовых интересов буржуазии. Их не очень-то хотели слушать. Между тем их аргументы были довольно убедительны и уж во всяком случае прозорливы. А ведь речь шла о вполне очевидных вещах. О том, что чрезмерное налогообложение не только подрывает стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны¹. О том, что государственное перераспределение основной массы ресурсов может лишь усилить хаос как из-за ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки регулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий.

Выступления против государственных монополий со стороны предпринимательских кругов было принято игнорировать и отбрасывать как попытку “денежных мешков” защитить свои

¹И сегодня актуально звучат слова директора Кредитной канцелярии по поводу установленного летом 1917 г. (закон Временного правительства от 12 июня) существенного повышения прогрессивно-подходящего налога: “Подобного рода мера, принятая в условиях переживаемого времени, может привести к еще более усиленному сокрытию населением денежных знаков, стремительному отливу вкладов из банков и полному расстройству денежного обращения”.

капиталы и прибыли от вмешательства государственной власти. Однако если прислушаться к их аргументам более серьезно, то нетрудно заметить, что в первую очередь они обращали внимание на опасность дестимулирующего влияния государственных монополий на хозяйственный процесс именно из-за сворачивания в этих условиях конкуренции. И наиболее серьезные экономисты уже тогда ясно осознавали опасность парализации этого феномена — как путем “естественного” развития капитализма, так и вследствие осуществления хозяйственной политики на основе прямолинейного, примитивного понимания роли государственной власти, возможностей и инструментов регулирования ею социально-экономических процессов.

Ключевой тезис этих выступлений — несовместимость государственных монополий (и в первую очередь хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддержавшие Февральскую революцию. Цели планового урегулирования экономики, доказывали некоторые авторы, не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на эти интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход к решению задач может привести лишь к эскалации насилия и экономическим потерям.

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 г. с изложением подобной позиции — доклад И. Сигова под характерным названием “Аракчеевский социализм”. Автор утверждает, что, встав на путь административного давления в хозяйственной жизни, новая власть в соответствии с логикой развития событий может зайти и пойдет гораздо дальше в насилии над крестьянином, чем это позволял себе царизм: “И при старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба... провалилась с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревне повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже царское правительство” Иное дело — народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова имеют более серьезное значение и не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережений относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения за-

дач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все более отчетливо проступали на протяжении 1917 г., прибегая для этого к ставшему уже в наше время весьма популярным сравнению экономического механизма с человеческим организмом:

“(Государственная) монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу, на приспособление к новым волевым центрам и на страшную, необъятного значения работу осознания всех автоматически совершающихся процессов, из которых складывается повседневная экономическая жизнь. До сего времени мы не замечали сложности экономической жизни, она регулировалась как бы сама собой, причем источником регулирующих сил был личный интерес промышленника, торговца, потребителя. Теперь все это должно быть заменено заботами правительственных органов. Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать”¹.

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, выдвинувшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь такие идеи были исключительно редки. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А.А. Богданов — крупнейший марксистский мыслитель и один из немногих большевиков-неленинцев в истории нашей страны. “Требование планомерности есть самая сущность социализма”², — это вполне очевидное для всех социалистов положение он рассматривал с позиций своей “всеобщей организационной науки” (или тектологии), призванной дать комплексный анализ путей становления коллективистского строя и его хозяйственной системы, преодолевающей рыночную стихию.

¹Сигов И. Аракчеевский социализм: Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 13—14.

²Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 23. Эта книга была в основном подготовлена к середине 1917 г., но по ряду причин выход ее задержался.

А.А. Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах — однотипных с планомерностью будущего социалистического хозяйства. Для него задача планомерной организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не “как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, — только, разумеется, много крупнее по масштабу”¹), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. А.А. Богданов настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки будущей социалистической планомерности, создают для нее необходимые (или даже все) материальные предпосылки. Особой критике в этой связи были подвергнуты позиции как авторов “Новой жизни”, так и В.И. Ленина.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемый принудительным синдицированием и трудовой повинностью, утверждал А.А. Богданов, есть путь лишь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которого является “военный потребительский коммунизм” (термин А.А. Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной планомерности тем, что, во-первых, ориентирована на “прогрессивное разрушение общественного хозяйства” и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, ее механизм функционирования основан на нормировке, ограничении, осуществляемом авторитарно-принудительным путем”

Между тем “нормировка есть только одна сторона организационного процесса, и притом сторона ограничительная. Все положительное, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия. Нормировка сама по себе нового не создает, а только берет то, что уже есть или делается, и разными способами это ограничивает, ставит в рамки, чтобы устранить какие-нибудь нарушения или расстройства; а планомерная организация, кроме того, сама ставит свои задачи и в зависимости от них создает новое и перестраивает старое”.

Оценивая тот тип централизованного хозяйствования, признаки которого в 1917 г. уже отчетливо проступали в

¹Богданов А. Вопросы социализма. С. 37.

российской действительности и который многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики, А.А. Богданов не без сарказма писал:

«Эта система “непредусмотренная” и “ублюдочная”; но... родители этого ублюдка — совсем не те, которым его подкидывают. Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению, но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительский коммунизм.

Разница немалая. Социализм есть прежде всего новый тип сотрудничества: товарищеская организация производства; военный коммунизм есть прежде всего особая форма общественного потребления: авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует» (Богданов А. Вопросы социализма. С. 44, 87).

С этими предостережениями и вступала экономика России в новый этап своего существования. Начиналась следующая фаза революционного процесса.

К власти пришли большевики.

3. ... ЧТОБЫ СОТНИ МИЛЛИОНОВ ЛЮДЕЙ РУКОВОДСТВОВАЛИСЬ ОДНИМ ПЛАНОМ”

Октябрьская революция и захват большевиками политической власти знаменовали собой начало нового этапа в социально-экономической жизни нашей страны. С высоты прошедших лет, под грузом сложных проблем и противоречий нашей хозяйственной системы тот момент может оцениваться как коренной, переломный, решающий. Но с позиции исторической логики развития экономики, потребностей этого развития и путей их осуществления события октября—ноября 1917 г. и последующий затем период, получивший у его сторонников наименование “героический”, а у противников — “чудовищный”, были лишь естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила тогда вся страна. Не более, но и не менее. И как бы дико ни звучало слово “естественный” по отношению к военному коммунизму, надо признать, что этот крупномасштабный экономический эксперимент (подчеркиваю: имеются в виду экономические проблемы тех лет, а не гражданская война) был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства, его производи-

тельных сил и производственных отношений. Именно это я и стремился показать в предшествующих разделах данной работы.

Здесь не место рассматривать политические, экономические, социальные и психологические причины победы большевиков в 1917 г. Достаточно констатировать: началась очередная стадия революционного процесса — стадия радикализма (точнее сказать, экстремизма) и диктатуры. На этом этапе осуществляется курс на быстрый слом старых структур и предпринимаются усилия для решения задач, с которыми не удавалось справиться предшествующим революционным властям. И задача урегулирования хозяйственной жизни была тут одной из наиболее острых.

Построение плановой системы хозяйствования не могло не стать центром внимания практической политики правительства народных комиссаров. С одной стороны, это было одним из важнейших программных требований социал-демократии вообще и конкретно большевиков. С другой стороны, взятие политической власти в условиях мировой войны и постоянно усиливающейся разрухи требовало принятия быстрых, решительных и неординарных мер для улучшения хозяйственного положения. Некоторые общие моменты положительной экономической программы, рассчитанные на случай прихода партии к власти, содержались в ряде выступлений В.И.Ленина в апреле—сентябре 1917 г., о которых выше уже шла речь.

В декабре—марте 1917—1918 гг. эти идеи, получив некоторую конкретизацию, должны были реализоваться на практике. Однако было бы ошибкой думать, что политика, нацеленная на плановое урегулирование хозяйственной жизни, представляла собой лишь практическую реализацию идей главы правительства и самого авторитетного человека в правящей партии. На самом деле конкретные мероприятия оказывались лишь равнодействующей сложного конгломерата факторов — теоретических выступлений и практических действий различных большевистских лидеров, текущих потребностей функционирования производства, политической и военной обстановки в стране. Учет их важен при исследовании конкретных фактов становления новой хозяйственной системы. Но было много и такого, что делало экономический курс довольно целостным, хотя и не всегда последовательным.

Общим фундаментом мероприятий по построению хозяйственной системы, преодолевающей стихию, было представление о непосредственном возникновении ее из военно-капиталистических форм организации народного хозяйства. Герман-

ская милитаризованная экономика была для многих видных большевиков несомненным образцом для создания новых экономических отношений, для построения единого хозяйственного механизма, работающего, как часы, в котором миллионы людей руководствовались бы целостным планом. Большевики внимательно изучали и пропагандировали опыт организации народного хозяйства в Германии. В этом отношении особенно выделялись работы А.М. Лурье (Ю. Ларина), выступившего в 1917 г. с циклом статей о германской экономике, которые были довольно популярны в левых кругах России и стали существенным фактором упрочения в массовом сознании представлений о будущем плановом хозяйстве как о системе жестко централизованного производства и распределения, о строгом нормировании потребления и натурализации обмена.

Аналогичный подход характерен и для ленинских работ рассматриваемого периода. В них подробно обосновывается тезис о роли госкапитализма, который означал бы капиталистическую организацию производства под постоянным контролем и направляющим воздействием пролетарского государства. У В.И.Ленина появился и специальный термин, образно раскрывающий представления автора о характере планомерного социалистического хозяйствования и магистральном направлении движения к нему. Я имею в виду “цельный социализм”, под которым Председатель Совнаркома понимал соединение германской военно-хозяйственной системы («здесь мы имеем “последнее слово” современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации») с советской властью как неперенным политическим условием утверждения нового строя¹.

Принципиально важным моментом для понимания этой логики социального анализа является тот факт, что в мировоззрении марксистов-большевиков крупные индустриальные формы были несомненным атрибутом технического прогресса, показателем поступательного развития производительных сил. Соответственно и те формы регулирования, которые вытекают из подобной организации производства, рассматривались как естественные и необходимые. И подчинение крупных индустриальных единиц универсальному органу (центру) могло расцениваться как наиболее простой путь решения всех хозяйственных проблем.

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300.

“Мы за централизованное крупное производство, развивающее до максимума производительные силы”, — писал тогда Н.И. Бухарин¹, и здесь отчетливо проступает логическая ошибка, столь типичная в его кругу, — отождествление двух различных критериев общественного прогресса. С одной стороны, рост производительных сил, действительно характеризующий суть прогрессивного развития общества. А с другой стороны, централизация, выступающая лишь одной из форм функционирования производительных сил. Отождествление прогресса производства с централизацией, а этой последней — с планомерностью было присуще большинству партийных деятелей — как представителей “правого” крыла (к которому относили тогда и В.И. Ленина), так и остро полемизировавших с ними по вопросам хозяйственного переустройства страны “левых коммунистов” (во главе с Н.И. Бухариным).

Как аксиома принималось тогда положение, что уничтожение частной собственности на землю и другие средства производства не только требует плана, но и делает его разработку достаточно простой процедурой. Ведь ликвидируются все “юридические препятствия рациональному перераспределению ресурсов, материальных и человеческих... Нет ни межей, ни границ земельных владений; проезд, проведение новых путей, прокладка проводов, труд и проч. зависят от простого решения соответствующего органа” Тем самым проблема планового хозяйствования сводилась к решению серии конкретных задач поиска наиболее эффективных способов использования производственно-технического потенциала. Фактически планирование тем самым выводилось за рамки социально-экономической проблематики и ограничивалось кругом лишь технико-экономических (или даже просто инженерных) проработок. Иначе говоря, предполагалось, что национализация, в результате которой предприятия начинают работать исключительно для удовлетворения потребностей общества, а не ради прибыли, создает условия, когда собственно планирование становится делом техники и уже не связано с проблемами взаимодействия интересов реальных хозяйственных субъектов².

¹Бухарин Н. Анархизм и научный коммунизм // Коммунист. 1918. № 2. С. 12.

²Ларин Ю., Крицман Л. Очерк хозяйственной жизни и организации народного хозяйства Советской России. М., 1920. С. 113—114.

Подобный подход являл собой лишь другую сторону общепринятой тогда догмы об изначальном единстве интересов членов будущего социалистического общества. А потому согласование интересов не рассматривалось тогда в качестве функции планирования.

Наконец, отсюда следует еще одно положение практического свойства — коренное изменение критерия эффективности общественного производства, расширение свободы при выборе хозяйственных решений. Экономисты склонялись к мысли, что характерной чертой плановой социалистической экономики является удовлетворение насущных потребностей людей, по сути дела, безотносительно к трудовым затратам. Весьма показательны в этом отношении рассуждения И.И. Скворцова-Степанова, в которых отразились широко распространенные тогда (и впоследствии) подходы к пониманию принципов функционирования плановой экономики:

«С переходом от капитализма к социализму все многочисленнее будут становиться производства или даже целые отрасли хозяйства, от которых общество не будет требовать, чтобы они “сами себя окупали”...

Если социалистическое общество найдет, что необходимо создать известную новую отрасль производства и что без нее остались бы неудовлетворенными важные общественные потребности, оно создаст ее, не считаясь с трудовыми затратами. Эта отрасль будет обеспечиваться необходимыми для нее сырыми и вспомогательными материалами, орудиями и машинами, рабочими и техническим персоналом.

Словом, в упрочившемся социалистическом обществе, в обществе, которое не просто восстанавливается, но и быстро развивает свои производительные силы, регулирование всех производственных и распределительных отношений не представит сколько-нибудь серьезных, принципиальных затруднений»¹.

Практические шаги в направлении планового хозяйствования предполагалось делать как “снизу” (через рабочие организации на предприятиях и по регионам, берущие на себя сначала контроль за производством, а потом и управление им), так и “сверху” (путем создания единого центра руководства экономи-

¹Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 113—114.

кой страны, и в первую очередь национализированной ее частью)¹.

На рабочий контроль первоначально возлагались очень большие надежды. Он рассматривался не просто как ревизорская и надзорная деятельность по отношению к предпринимателям, но и как вмешательство самих трудящихся в хозяйственный процесс с целью организации его на наиболее рациональных основаниях. Тем самым в рабочем контроле видели важнейший инструмент регулирования хозяйственной деятельности в интересах широких трудящихся масс. Принятое уже 14 (27) ноября 1917 г. Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле подчеркивало, что последний вводится в интересах “планомерного регулирования народного хозяйства”², причем в первоначальных проектах этого документа содержалось положение, в соответствии с которым именно на всероссийский (центральный) орган рабочего контроля предполагалось возложить обязанность выработки общих планов, наметки технических и финансовых задач и т.д.³

Практика довольно быстро показала утопичность подобных проектов. Причину фиаско объясняли тем, что рабочий контроль не позволял “найти переходные организационные формы овладения хозяйственной жизнью”, — все дело ограничивалось “изменением функций существующих рабочих организаций, не создавая новых организационных форм, которых властно требует жизнь”⁴. Уже здесь вполне отчетливо проступало стремление решать проблемы планового хозяйствования путем изменения “организационных форм” Не умаляя значения преобразований

¹В среде руководящих деятелей большевистской партии были и сторонники иного подхода (напр., И.Э. Гуковский, Г.Я. Сокольников). Они делали акцент на урегулирование хозяйственной жизни России с учетом конкретных обстоятельств времени и места, а не с точки зрения чистой коммунистической перспективы. Основываясь на ленинских идеях о решающей роли банковской системы, нарком финансов И.Э.Гуковский выдвинул в начале 1918 г. программу реформ, которая предполагала формирование разветвленной системы специализированных банков, опосредующих всю хозяйственную жизнь и обеспечивающих ее эффективность. Одновременно предполагалось принять меры по стабилизации денежного обращения. Понятно, что это был иной подход к решению проблем планового регулирования, противоположный будущему военному коммунизму. Однако он встретил резкий отпор и так и не получил практического воплощения.

²Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 83.

³Там же. С. 82.

⁴Крицман Л. Об организационных путях социалистического строительства хозяйственной жизни // Коммунист. 1918. № 3. С. 12.

такого рода, надо видеть и опасность их абсолютизации — опасность тем более реальную, что подобные действия внешне представляются наиболее простыми и радикальными.

Однако при более тонком анализе выявились и весьма острые социально-экономические противоречия самой системы рабочего контроля. Регулирование промышленности хотели организовать в интересах всего трудового народа как верховного хозяина основной массы средств производства. Между тем первичные, базовые ячейки рабочего контроля (фабзавкомы) действовали прежде всего как представители своих предприятий, практически не считаясь с интересами региона и уж тем более народнохозяйственного целого. «Фабрично-заводской комитет во многих отношениях является преемником капиталистического предпринимателя. На все промышленные отношения он смотрит прежде всего глазами данной фабрики или завода... Этим определяются такие методы действия, которые способны не приблизить, а отдалить нас от основной задачи современности, от сознательного и планомерного урегулирования всех экономических отношений», — писал один из первых исследователей опыта рабочего контроля в нашей стране И.И. Скворцов-Степанов¹.

В.А. Базаров, который в отличие от Скворцова-Степанова находился тогда в оппозиции к большевистскому режиму, писал по тому же поводу гораздо более определенно, решительно и резко:

«Получился промышленный строй, который, не имея ни одной из положительных сторон частнохозяйственного капитализма, не только удерживал, но и утрировал все его отрицательные стороны. Новый коллективный хозяин быстро усвоил себе психологию старого, индивидуального: с таким же рвением отстаивал он интересы «своего» предприятия, старался перебить сырье и топливо у конкурентов и отнюдь не избегал спекулятивного использования случайных излишков. Но в противоположность капиталисту фабрично-заводской комитет был совершенно не осведомлен в вопросах административного и в особенности финансового ведения предприятием и к тому же не имел никаких побуждений экономно вести дело; в расчете на субсидии «своего» «пролетарского» правительства он с легким сердцем доводил эксплуатационные расходы до совершенно фантастических размеров» (Базаров В. Коммунизм или го-

¹Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. С. 7—8.

сударственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 2. С. 59).

Все это следовало бы учитывать тем, кто в наши дни, демагогически выдавая себя за “борца за интересы трудового народа”, апеллирует к героическому опыту подлинной самодеятельности трудящихся в первые месяцы существования Советской власти.

Подобная ситуация порождала феномены, казалось бы, невозможные в обстановке ожесточенной классовой войны: органы рабочего контроля на ряде предприятий начинали действовать единым фронтом с предпринимателями, поскольку цели и тех, и других оказывались близкими — обеспечение наиболее благоприятных условий для функционирования своего предприятия. Это наглядно свидетельствовало о том, что даже тогда, когда экономическая логика в значительной мере вытеснялась соображениями политической целесообразности, вопрос о реальных экономических интересах в конечном счете остается краеугольным камнем организации хозяйственной жизни.

Наконец, первичные органы рабочего контроля при решении хозяйственных задач явно отдавали предпочтение текущим вопросам по сравнению со стратегическими, не говоря уже о явном доминировании у них потребительского уклона. Неизбежным становилось здесь и обострение противоречий между работниками различных предприятий и областей.

Строящаяся “снизу вверх” (фабзавком предприятия — областное фабзавкомовское совещание — Всероссийский совет рабочего контроля) система управления была неспособна учитывать общественные интересы, а значит, и обеспечивать плановое, согласованное хозяйствование в сколько-нибудь существенных масштабах, позволяя достигать “только компромисса между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах”¹.

Впрочем, самостоятельный Центральный орган рабочего контроля просуществовал недолго. На его базе 2 (15) декабря 1917 г. был создан Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). Он замышлялся как прообраз единого центра руководства экономической жизнью всей страны. Его важнейшей задачей провозглашалась организация народного хозяйства и государственных финансов, для чего ВСНХ должен был вырабатывать “общие нормы и план регулирования экономической жизни страны”, согласовывать и объединять деятельность централь-

¹Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. С. 10—11.

ных и местных учреждений хозяйственного регулирования, хозяйственных наркоматов, органов рабочего контроля и т.д. Иными словами, ВСНХ выделялся как многоотраслевое наднаркоматовское образование, венчающее сеть региональных регулирующих центров.

Несмотря на формальную связь с рабочим контролем, ВСНХ с самого начала выступал как его альтернатива. Строясь “сверху вниз”, он должен был объединять экономику в централизованный организм. Многие большевики, стоявшие у его истоков, видели в ВСНХ организационную структуру, завершающую исторический процесс развития производительных сил в направлении единой фабрики. В основу регулирования производства был положен отраслевой принцип, причем опираться тут предполагалось прежде всего на синдикаты, тресты и их объединения, сложившиеся до и во время войны. Овладев уже существующими объединениями и сформировав новые, власти создали ряд всероссийских руководящих органов, которые и составили, по сути дела, ВСНХ. Именно отраслевые структуры стали играть реальную роль в системе Высшего Совета Народного Хозяйства. Они получили название главков и центров. За 1918—1920 гг. число главков приблизилось к пятидесяти.

Однако встав на этот путь, ВСНХ не мог уже играть той роли единого центра планового хозяйствования, которая предназначалась ему первоначально. Непосредственное подчинение ему значительной части промышленных предприятий, необходимость постоянного руководства ими в условиях свертывания товарно-денежных отношений и отсутствия у них внутренних, экономических мотивов эффективного ведения производства превращают ВСНХ в орган оперативного управления производственными единицами, в ординарное министерство промышленности, раздираемое к тому же постоянными противоречиями между составлявшими его мощными вертикальными образованиями. Быстро рос и количественный состав центрального аппарата ВСНХ: если в мае 1918 г. в нем работало 328 человек, то через четыре месяца, в сентябре, уже 3288.

Где же сосредоточивалась или должна была сосредоточиваться работа по подготовке плановых документов — отраслевых программ и народнохозяйственных планов? И каков характер этой деятельности? Ответы на эти вопросы раскрывают существо идеологии и практики складывающейся системы планового хозяйствования.

Что касается ВСНХ, то оперативные программы выпуска продукции предприятиями находились в ведении главков и центров, а разработку целостной концепции народнохозяйственно-

го развития предполагалось вести первоначально в рамках Комитета хозяйственной политики (созданного при ВСНХ в 1918 г.), а позднее — в Центральной производственно-технической комиссии (ЦПК). Последняя была образована при Президиуме ВСНХ весной 1920 г. Она должна была решать комплекс вопросов, связанных с производством отдельных продуктов: определять потребности и возможности их удовлетворения, устанавливать отраслевые программы для отраслей как промышленности, так и земледелия, потеснив в этом отношении главки.

Однако реально централизованное руководство основной массой предприятий демонстрировало свою неэффективность — часто по причине изменчивой военной обстановки, но в значительной мере из-за отсутствия реальных стимулов к устойчивому и поступательному хозяйственному росту. Программы исполнялись на 5—10 процентов и оказывались нереальными уже через несколько дней после их утверждения. В этих условиях центр тяжести руководства хозяйственной жизнью все более смещается на планово-регулирующую деятельность в области снабжения и распределения продукции. Такое развитие ситуации было в общем-то подготовлено практикой и идеологией 1915—1917 гг. и вполне объяснялось обстановкой “осажденной крепости”, когда не столько производство диктует распределение, сколько от организации распределения во многом зависит и само производство. Другое дело, когда подобные принципы централизованной организации экономики начинают рассматриваться в качестве фундаментальных черт нового хозяйственного механизма.

Дезорганизация, некомплексность снабжения предприятий сырьем и материалами, приводившие к омертвлению значительной части и без того крайне дефицитных ресурсов, породили даже особую теорию, по которой централизованная социалистическая экономика отличается от капиталистической тем, что в первой особенно остры проблемы правильного снабжения, а во второй — сбыта. (Заметим, что здесь была фактически сформулирована весьма здоровая, как показала вся наша дальнейшая история, мысль о неизбежно дефицитном характере центрально-управляемой экономики.)

Отсюда делался вывод, что централизация распределения — душа планового хозяйствования, а потому необходим мощный планово-распределительный орган, обладающий монополией на основную массу производимой в стране продукции. Именно этот орган должен был бы заменить собой рынок и денежное хозяйство, взяв на себя роль мозга новой экономики. Опять же

нетрудно заметить, что в этих идеях не содержалось чего-то принципиально нового. Еще до Октябрьской революции неоднократно высказывались мысли о необходимости в целях упорядочения хозяйственной жизни отчуждать всю производимую продукцию в государственный фонд и перераспределять ее в соответствии с интересами народнохозяйственного целого. (Правда, и тогда оставался открытым вопрос: почему, собственно, государство будет заниматься этой деятельностью действительно в интересах целого?) Но в годы военного коммунизма была предпринята широкомасштабная попытка практической реализации этой идеи. И при ВСНХ была организована Комиссия использования материальных ресурсов. Ее задачей стало распределение основной массы продуктов (с учетом подвидов, сортности, качества) по основным потребителям, для чего она должна была разрабатывать материальные балансы, нормы и порядок снабжения, нормы труда и т.д. В этом и видели важнейшие шаги к разработке целостного народнохозяйственного плана.

“Комиссия использования старше почти всех существующих плановых органов”, — писал идеолог и бессменный ее руководитель Л.Н. Крицман. Она была учреждена 21 ноября 1918 г. и набирала силу по мере укрепления военного коммунизма. Комиссия использования носила межведомственный характер и включала представителей ВСНХ, Наркомтруда, НКВТ и некоторых других органов. Она разрабатывала отдельные материальные сметы — числом около полутора сотен. Предполагалось, что с развитием учета и изучения реальных потребностей станет возможным переход к составлению планов использования всех продуктов. Пока же Комиссия использования была вынуждена отказываться от детального распределения.

Еще один любопытный штрих из “плановой” практики Комиссии использования: из-за слабой обоснованности производственных программ и более чем низкой вероятности их стопроцентного осуществления этот орган распределял лишь то количество продуктов, которое представлялось ему наиболее реальным, не считаясь с производственными программами. Это давало относительно высокий процент выполнения планов, составлявшихся самой Комиссией использования.

Однако Комиссии использования так и не суждено было сосредоточить в своих руках все распределительно-снабженческие нити. Практика командной экономики пошла по более извилистому, сложному, но и более естественному для громадной бюрократической машины пути. Было создано множество между-

ведомственных (по отдельным продуктам или группам однородных продуктов) планово-распределительных органов. Обычно они имели статус чрезвычайных и по отношению к производителям обладали директивными полномочиями. Они были также междуведомственными, поскольку для оперативного разрешения возникающих вопросов приходилось постоянно “увязывать” позиции различных ведомств — потребителей и производителей, а также других междуведомственных комиссий, связанных почему-либо с данной. Наконец, эти комиссии создавали разветвленную сеть местных органов, строившихся по тем же принципам, что и центральный.

Наглядный пример формирования и функционирования одной из таких комиссий приводит в свойственной ему фельетонной манере М.А. Ларин. Он описывает пресловутый “чеквалап” — Всероссийскую чрезвычайную комиссию по валенкам и лаптям. Комиссия должна была выработать и осуществлять планы заготовки и распределения по стране названных товаров. Товаров, имевших в разоренной России характер стратегических.

«А так как общей системы... еще не могло быть, то, чтобы за одни валенки не хватался каждый государственный орган, которому они нужны... “чеквалап” неизбежно приходилось строить в качестве междуведомственного. Раз народившись, он начинал затем почковаться, покрывал всю Россию “губчеквалапами” и сам уже начинал посылать представителей в новые междуведомственные комиссии, продолжавшие нагромождаться друг на друга по разным конкретным поводам. Так и народилось постепенно наше “всероссийское чеквалапство”» (Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252).

Помимо ВСНХ и междуведомственных комиссий, существовал еще ряд центральных органов, которые также призваны были выполнять планово-регулирующие и распределительные функции.

Прежде всего это Народный комиссариат продовольствия. Если Комиссия использования мыслилась как единый орган планирования и распределения всех непродовольственных ресурсов, то Наркомпрод должен был быть монополистом в сфере продовольствия. Регулирующая политика здесь непосредственно продолжала и развивала тенденции 1916—1917 гг. В ее основе лежали монополия государства на продукты сельскохозяйственного производства и изъятие их у крестьян по разверстке при помощи специальных продовольственных отрядов, формируемых из вооруженных рабочих. Отсутствие какой бы то ни было

заинтересованности крестьян не только в росте своего производства, но даже в сохранении его в прежних масштабах, вело к постоянным срывам намечавшихся планов заготовок, чему не могли воспрепятствовать никакие меры по стимулированию сдачи продуктов — ни выделение промышленных товаров при выполнении плана разверстки, ни натравливание крестьян друг на друга (бедняк, оказавший продотряду помощь по выявлению запасов хлеба у своих соседей, получал долю от изъятого).

Несмотря на разверстку и монополию, государство не могло обеспечить значительную часть своих граждан продовольствием, достаточным хотя бы для поддержания жизненных сил. Отсюда — неизбежная “двойная мораль” планирующего государства. С одной стороны, частная торговля хлебом была запрещена и сурово каралась. С другой же стороны, власти должны были закрывать глаза на таких торговцев (“мешочников”, “спекулянтов”, как они тогда официально именовались), поскольку иначе населению городов грозила голодная смерть. В результате подобного сочетания “высокой идеологии” с “суровой прозой будней” горожане удовлетворяли большую часть своих потребностей в продуктах питания за счет нелегальной торговли.

Вопросами регулирования хозяйственных процессов в государственном масштабе занимались также Высший совет по транспорту (железнодорожному), Трамот (по гужевым перевозкам), Чусоснабарм (Чрезвычайный совет по снабжению армии), главное управление советских хозяйств при Наркомземе и др.

Наконец, предпринимались шаги по введению планового начала того же рода в сферу трудовых отношений. Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда включали рабочую силу в орбиту формального контроля центра и вообще пролетарской власти. Были созданы специальные органы всеобщей трудовой повинности.

Итак, за годы военного коммунизма сложились и функционировали различные директивные органы, стремившиеся “в плановом порядке” руководить получением продукции (производство, заготовка, ввоз), распределением материальных ресурсов, средств транспорта, продовольствия и рабочей силы. Объединить всю эту сложную систему в некоторую целостность был призван Совет Труда и Оборона (СТО, первоначально — Совет рабоче-крестьянской обороны) — высший регулирующий орган, состоявший из представителей хозяйственных наркоматов.

Таковым оказалось практическое воплощение системы, замышлявшейся как планомерное ведение народного хозяйства пролетарским государством. Основными ее чертами являлись следующие.

Во-первых, жесткая централизация и отсутствие действенных горизонтальных хозяйственных связей между мощными вертикальными образованиями — главками и наркоматами. В результате принятие решений, диктуемых постоянно меняющейся ситуацией, или крайне тормозилось, или вынуждало предприятия к самостоятельным, но незаконным и все равно неэффективным действиям. Нередкими были и просто абсурдные ситуации, возникавшие из-за чрезмерного централизма формирования планов и принятия соответствующих хозяйственных решений. Так, Л.Д. Троцкий приводил ставший хрестоматийным пример: на Урале в одной губернии люди ели овес, тогда как в соседней лошадей кормили пшеницей, но местные губпродкомы не имели права обменять друг у друга овес и пшеницу.

Во-вторых, множественность плановых органов, их междоветовственный характер и стихийность возникновения. При всей директивности своих полномочий подобные комиссии нередко становились ареной выяснения отношений между различными ведомствами, что затрудняло принятие решений, не говоря уже об эффективности последних. Эти плановые органы в значительной мере порождались господствовавшими в экономике стихийными процессами и одновременно сами способствовали росту стихии и несогласованности. Тесная взаимосвязь административного планирования и анархии хозяйственной жизни явно проявилась уже с первых попыток “лобового” решения плановых проблем, когда для многих экономистов-большевиков (и вообще левых) план представлялся в качестве абсолютного антагониста рыночной стихии и ее преодоление ожидалось уже от самого факта разработки планового документа соответствующими органами пролетарского государства.

В жизни все оказалось не так просто, не так прямолинейно. Отсутствие реальной планомерности при ликвидации денежного хозяйства и обилии плановых комиссий отмечали даже ярые сторонники военно-коммунистических принципов, видя, правда, и здесь положительные черты нового строя — преодоление им фетишизма буржуазных производственных отношений. “Отсутствие планомерности, следовательно, отсутствие предвидения, означало непрерывные противоречия между многочисленными хозяйственными органами; но, в то время как в условиях товарного хозяйства эти противоречия принимают форму рыночной конкуренции, в условиях пролетарско-натурального хозяйства, которое является своего рода федерацией ведомств и главков, они делают необходимыми соглашения (пресловутое “согласование”) между соответственными органами. В соответствии с тенденцией пролетарско-натурального хозяйства к ра-

ционализации, к уничтожению фетишизма анархический хаос товарных отношений кристаллизуется в форме комиссий, становится явным, не переставая из-за этого быть хаосом”¹.

В-третьих, характерной чертой плановой практики 1918—1920 гг. был упор на централизацию распределительных функций. Это пытались объяснить скудностью ресурсов военного времени, хотя более глубокий анализ ставил совершенно четкий вопрос: в какой мере дефициты порождались самим характером централизованного регулирования народного хозяйства?

В-четвертых, концентрация плано-распределительных функций в руках управленческого аппарата государства сопровождалась отчуждением последнего от реального хозяйственного процесса и одновременно отчуждением широких масс трудящихся от возможности их активного влияния на принятие социально-экономических решений. Все это вело к формированию своеобразной идеологии — планового фетишизма — с типичным для нее представлением о том, что решение любой проблемы может быть достигнуто разработкой соответствующего государственного планового документа.

Негативные последствия подобного механизма “планового” хозяйствования быстро дали о себе знать. Они проявлялись и в стремлении предприятий занижать свои производственные возможности, и в диспропорциональности их централизованного снабжения ресурсами, и в крайней нерациональности использования последних (замораживание ресурсов на предприятиях из-за непропорционального из выделения, практики формального, процентного удовлетворения заявок на ресурсы), и в абсолютном доминировании ведомственного или местнического подхода в ущерб народнохозяйственному, и в пышном расцвете бюрократизма в планировании.

Никакие ведомства или междуведомственные комиссии не могли упорядочить хозяйственные отношения. Быстро пришлось расстаться с недавними иллюзиями, что, мол, установление пролетарской власти и национализация средств производства являются единственной предпосылкой торжества планового хозяйства, и даже менее туманными иллюзиями, ставившими знак равенства между национализацией и планомерным производством.

Единый интерес — главный признак плановой системы — напроочь отсутствовал в советской экономике, несмотря на настойчивое проведение курса на тотальное обобществление про-

¹Крицман Л. Героический период великой русской революции. М.—Л., 1926. С. 152.

изводства и распределения. Показательна в этом отношении горькая констатация Г. Крумина, сделанная им в середине 1920 г., т. е. тогда, когда национализация уже достигла своего апогея: “Согласование и объединение действий, а нередко и политики хозяйствующих органов, происходят еще до сих пор в порядке победы или поражения того или другого комиссариата”¹.

Понятно, что в такой ситуации невозможно не только проводить в жизнь, но даже выработать и принимать эффективные с народнохозяйственной точки зрения решения. Иными словами, для достижения общих целей, в чем, собственно, и состоит смысл планирования, недостаточным оказывается принять “простое решение соответствующего органа”, да и самого требуемого решения может не последовать.

Пресса 1919—1920 гг., строго контролируемая правящей партией, была переполнена примерами того, как политика учета, контроля и распределения прекрасно уживается с полной неразберихой в организации хозяйственных связей. В результате десятки тонн якобы дефицитных продуктов портятся и уничтожаются, так и не дойдя до потребителя. «Вот уже год с лишним, как мы довольно-таки смело и дерзновенно все возможное и, пожалуй, даже невозможное “берем на учет” Но мы, к сожалению, до сих пор не научились считать. Нам неизвестно в точности, чего и сколько у нас есть. Мы не имеем ясного представления о соотношении между расходуемыми нами запасами и пополнением того, что расходует. Никто из нас не может сказать, в какой мере доходят до населения товары, передаваемые в его распоряжение через государственные органы снабжения и кооперативы», — писал орган ВСНХ газета “Экономическая жизнь” уже в феврале 1919 г.

Несбалансированность поставок ресурсов, дезорганизация транспорта и, главное, отсутствие какой-либо заинтересованности производителей и транспортников в том, чтобы груз попал к потребителю, делали бессмысленными все попытки учета наличных ресурсов и централизованного планирования производственно-распределительных процессов. Приводимые ниже примеры говорят сами за себя и, к сожалению, весьма близки нашему современнику.

В то время когда Россия изнывала от дефицита табачных изделий, Главный табачный комитет информировал:

¹Крумин Г. Хозяйственный план // Экономическая жизнь. 1920. № 118.

“Губпродкомы не берут назначенный им по плану табак. В большом количестве скопляется он на фабриках, а происходящее вследствие этого уменьшение оборотных средств угрожает сокращением производительности фабрик и остановкой их... Даже в центре России, в Москве, при полном отсутствии табака на рынке и царящей вследствие этого спекуляции фабрики завалены невзятыми московским городским продовольственным комитетом готовыми изделиями, и на 9 октября оставалось на фабриках 149 млн. курительных единиц. Технических препятствий для распределения табака и табачных изделий нет (не приходится преодолевать особых транспортных затруднений, стратегических препятствий и пр.)” (Известия ВСНХ. 1919. № 8).

“Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца приходится одна коробочка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики “Солнце” заявил, что фабрика в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя” (Всегда вперед. 1919. 11 февраля).

“Вследствие несвоевременной приемки и вывоза рай-продуктом заказанных им на петроградских конфетных фабриках готовых изделий, несмотря на многократные напоминания, товар от долгого лежания портится, между тем нужда в сладких веществах повсюду огромна. На фабрике Ландрина лежат с ноября и декабря 1918 года невывезенными свыше 860 пуд. шоколада и карамели” (Экономическая жизнь. 1919. 12 февраля.).

“На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахара. На ст. Москва-П 28 вагонов сахарного песка и 28 вагонов рафинада; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится. В Саратове на берегу Волги имеется 1 млн. пуд. рыбы, 400 тыс. пуд. соли, 500 тыс. штук шпал, 13 тыс. пуд. хлопка, в баржах находится 1470000 пуд. грузов, в том числе 326 тыс. пуд. находятся под угрозой потопления вследствие порчи баржи. В Рязани не разгружено свыше 100 вагонов продуктов первой необходимости. Большие запасы хлеба обнаружены в Орловской губ. ...” (Экономическая жизнь. 1919. № 23).

Аналогичная ситуация складывалась и с ресурсами производственного назначения.

4." ЧТО ДЕЛАТЬ?" ПОИСКИ, СОМНЕНИЯ, ВОЗРАЖЕНИЯ, КРИТИКА

По мере становления военно-коммунистического механизма "планового" хозяйствования усиливалась и его критика не только со стороны представителей других политических сил (и особенно социалистов), но и из рядов самих же большевиков. Критика началась уже в первые месяцы существования новой системы и в рамках РКП (б) всегда велась с точки зрения решения общей экономической задачи — построения единого хозяйственного плана как важнейшего условия преодоления социально-экономических невзгод, выпавших на долю страны.

Одними из первых в правящей партии серьезные сомнения в правильности складывающегося механизма планового руководства высказали левые коммунисты. Мы привыкли видеть в них "экстремистов в квадрате", слишком левых даже для большевистской платформы. И, казалось бы, они должны требовать наиболее активного и жесткого вмешательства государственных органов в хозяйственную жизнь, выступать за быструю национализацию, за ускоренное преодоление денежного хозяйства и усиление роли планирующей пролетарской власти. Все это так и не так.

Считая возможным энергично приступить к осуществлению экономической политики, решительно порывавшей с практикой рыночного хозяйства, левые коммунисты более чем осторожно относились к усилению государственного начала в регулировании хозяйственной жизни. С этих позиций они резко критиковали ленинскую концепцию государственного капитализма, протестовали против механического применения опыта кайзеровской Германии или дореволюционной России к проблемам экономического урегулирования в условиях нового режима.

Так, в апреле 1918 г. в "Тезисах о текущем моменте" левые коммунисты высказали серьезные опасения, что «форма государственного управления должна развиваться в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющего с низов "государства-коммуны"»¹. Если отвлечься от упоминания утопичного "государства-коммуны", подобное предостережение весьма тонко улавливало существо складывавшейся системы планового руководства уже на начальной стадии его формирования.

¹Коммунист. 1918. № 1. С. 8.

Выше речь уже шла о том, что А.А. Богданов обращал внимание на опасность отождествления планового социалистического хозяйства с военно-коммунистической пародией на него. На то же, хотя и с другими аргументами, указывал Н.И. Бухарин. Для него, безусловного сторонника централизованной хозяйственной организации, государственный капитализм является крайне опасной в социальном отношении системой, поскольку “здесь господство капитала достигает своей высочайшей силы, чудовищной величины, которая сокрушает всех своих врагов, в первую голову пролетариат, закрепощаемый разбойничьему государству”¹. Неплохо сказано. Дальновидно. И отчетливо перекликается с известными нам (но не Бухарину!) размышлениями К. Маркса из экономико-философских рукописей 1844 г., где говорится об опасности превращения всех трудящихся в наемных рабочих у государства, становящегося совокупным капиталистом.

Н.И. Бухарин уподобляет такую организацию общественного производства рабовладельческому хозяйству, подчеркивая, что гигантский шаг вперед в смысле организации производства при государственном капитализме имеет оборотной стороной серьезные социальные последствия: “рост милитаризации, военной опасности, угнетения рабочего класса, растущей угрозы социалистической революции” Это очень важный момент анализа: автор разделяет техническую (техничко-экономическую) и социальную (социально-экономическую) стороны планового хозяйствования, что позволяет видеть данную проблему комплексно. Поэтому удается приблизиться и к существенному выводу: сами по себе материальные условия планирования, технические предпосылки централизации еще не гарантируют тех социальных последствий, которых ждали от организованного хозяйственного строя идеологи марксистского учения.

На начальных этапах становления советской системы планирования ее недостатки было также принято связывать с бюрократизмом, объяснявшимся в свою очередь влиянием чиновников буржуазного аппарата, проникших в органы новой власти. Такое понимание вообще весьма типично для доктрины, отрицающей сколько-нибудь существенное значение экономических стимулов и интересов в посткапиталистическом народном хозяйстве. Возникавшие проблемы оставалось объяснять факторами политического или идейно-воспитательного характера, что являлось также одним из признаков или, вернее, специфиче-

¹Бухарин Н. Некоторые основные понятия современной экономики// Коммунист. 1918. № 3. С. 9.

ских форм планового фетишизма. В 1918—1919 гг. эта сторона дела выступила вперед. VIII съезд РКП(б) уделил особое внимание опасности бюрократических тенденций и для борьбы с ними признал необходимым осуществить ряд организационно-политических мер, среди которых назывались “орабочивание” управленческих органов, усиление контроля трудящихся за их деятельностью, за исполнением принимаемых решений.

С течением времени постепенно приходит признание того, что пороки утвердившейся системы могут быть связаны и со сверхцентрализацией организации хозяйственного процесса. Об этом уже идет речь на VIII Всероссийской партконференции и VII Всероссийском съезде Советов (начало 1920 г.). “Мы имеем спор о том, насколько больше или меньше централизма нужно в данной области и в данный момент”, — констатировал суть проходивших тогда дискуссий В.И. Ленин¹.

На важную роль максимальной инициативы местных органов в экономическом строительстве обращал внимание и III Всероссийский съезд совнархозов (январь 1920 г.). Тогда было принято решение о выводе части предприятий из непосредственного подчинения главков и передаче их в ведение губернских управлений СНХ. Одобренная по этому поводу сессией ВЦИК инструкция о местных экономических органах содержала весьма примечательный пункт, который разрешал правлениям предприятий выполнять заказы по удовлетворению местных потребностей, если это не мешает выполнению плановых заданий².

Но ведь централизованные плановые задания и без того практически не выполнялись. В подобном решении проглядывает фактическое признание того, что само по себе централизованное планирование неспособно обеспечить удовлетворение реальных потребностей страны.

Здесь, кстати, прослеживается аналогия и с отношением центральной власти к “мешочникам” (спекулянтам): несмотря на декларативные угрозы и некоторые жесткие меры скорее показательного характера, политика государственной монополии вынуждена была соседствовать с подпольной торговлей. В этой аналогии есть известная доля условности, но суть в обоих случаях одна — невозможность последовательно проводить курс на жестко централизованное руководство хозяйством.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 429.

² СУ. 1920. № 9. Ст. 55.

Другой вопрос — может ли оно в принципе быть эффективным, или, иначе говоря, обеспечивать подлинную планомерность, согласованность всех сторон экономической жизни. Эта проблема тогда же остро стала в центре внимания экономистов и политиков и активно обсуждалась на протяжении 1920 — начала 1921 г. Суть дискуссии — единый хозяйственный план, принципы его формирования и механизмы реализации.

Задача разработки единого хозяйственного плана, выдвинутая как непосредственно практическая еще в первой половине 1917 г. и активно поддержанная многими экономистами, была, разумеется, и одним из программных требований большевиков. На необходимость ее решения неоднократно обращалось внимание в различных официальных документах и публикациях первых послеоктябрьских месяцев и лет¹.

Однако в бурной обстановке того времени дело до практических попыток ее реализации дошло не сразу. И только в 1920 г. активизируются как теоретические, так и практические постановки в этом направлении. Пороки утвердившейся системы хозяйствования, углубление разрухи и господство стихии, несмотря на обилие планово-директивных органов и разного рода программ, толкали к более решительным шагам по урегулированию социально-экономической жизни. В стране, то ослабевая, то обостряясь, шла вооруженная борьба, однако для руководства, по-видимому, становилось все менее возможным объяснять лишь этим обстоятельством всеобщую дезорганизацию и хаос. Надо было предпринимать какие-то более серьезные меры, чем постоянное латание дыр путем апеллирования к классовой сознательности пролетариата и объявления тех или иных сфер “ударными”.

В этой ситуации в повестку дня, в перечень непосредственных проблем, выдвигается разработка единого хозяйственного плана. Интерес к нему резко возрос в феврале — марте 1920 г.,

¹Если в мае 1917 г. В.Г. Громан считал возможным разработать единый хозяйственный план в ближайшие месяцы, то состоявшийся в декабре 1918 г. II съезд совнархозов проявил в этом вопросе некоторый “реализм” — план должен был быть подготовлен в течение 1919 г. Таково романтическое видение экономических проблем, столь характерное для революционной эпохи: не зная существа единого хозяйственного плана, не определив методов его разработки, живя в обстановке напряженной политической борьбы, способной перечеркнуть любые хозяйственные решения, участники революции полагают, что достижение целей, ради которых совершался переворот, должно произойти в ближайшем будущем — пользуясь выражением К. Каутского, “на другой день после революции”.

что нашло отражение в решениях IX съезда РКП(б). Именно в нем видели тогда способ преодоления рассогласованности действий различных хозяйствующих субъектов, волокиты, местничества и некомпетентности при принятии управленческих решений относительно направлений развития отдельных отраслей и производств.

Весь 1920 г. в экономической жизни страны прошел под знаком решения проблемы единого хозяйственного плана. Уже весной работа развернулась как в теоретическом, так и в практическом направлении. С одной стороны, начала функционировать Комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО), которая должна была подготовить целостный план преобразования общества на новой энергетической базе. С другой стороны, в печати развернулась широкая дискуссия по методологическим проблемам разработки единого плана.

Комиссия ГОЭЛРО была создана для переработки контуров общего хозяйственного плана с точки зрения вероятного и желательного развития производительных сил в ближайшие десятилетия. Методологическую основу здесь составил принцип ведущего звена. При определении задач ГОЭЛРО руководители страны пришли к выводу о целесообразности выделения некоторого ключевого момента в развитии производительных сил и развертывания на этой базе всего дальнейшего анализа.

В качестве ведущей была выбрана задача электрификации России. Энергетические проблемы являются универсальными, пронизывая все хозяйственные процессы в любом обществе. А анализ тенденций технического прогресса совершенно определенно свидетельствовал о быстром возрастании значения именно электрической энергии. Произошел своеобразный синтез социальной доктрины коммунистов и отвлеченного от социально-экономических противоречий мышления инженеров. В 1919 г. вышла книга видного и весьма авторитетного среди научно-технической интеллигенции профессора Гриневецкого, рассматривавшего перспективы хозяйственного возрождения России сквозь призму развития ее энергетической базы. Книга очень понравилась В.И. Ленину, который, с тех пор как возглавил правительство, стал особенно высоко ценить конкретные деловые предложения. Тем более если конкретность сочеталась в них с широким взглядом на перспективу.

Одновременно свою роль сыграло здесь и характерное для марксистского мышления стремление непосредственно связывать динамику производительных сил с коренным переворотом в общественной жизни. Известный инженер и марксист с четвертьвековым стажем Г.М. Кржижановский, назначенный пред-

седателем комиссии ГОЭЛРО, объяснял выбор приоритетов емкой и недвусмысленной формулой: век пара — это эпоха капитализма, а век электрической энергии — время торжества социализма и коммунизма.

Образованная в начале 1920 г. комиссия ГОЭЛРО представила в декабре VIII Всероссийскому съезду Советов доклад о плане электрификации России, который нашел горячую поддержку лично В.И. Ленина (считавшего выполненную работу “обширным превосходным научным прогнозом”¹) и делегатов съезда. На основе одобренного проекта был разработан “План электрификации”, утвержденный съездом Советов годом позже.

Документ, получивший название “План ГОЭЛРО” и ставший весьма популярным в экономических кругах как первый масштабный прогноз народнохозяйственного развития, был по характеру своей разработки прямым порождением военного коммунизма и той идеологии планового хозяйствования, которая практически безраздельно господствовала в руководящих кругах. Прежде всего речь шла о документе, анализирующем направления развития производительных сил России и технико-экономические возможности практического осуществления этих тенденций. Где, как и в какой последовательности можно развивать национальное производство, учитывая ведущую роль электроэнергии, — на такой вопрос должны были ответить авторы разрабатываемого плана. Социально-экономические возможности роста и уж тем более оценка потребных финансовых ресурсов, соотношение затрат и результатов — эта сторона дела осталась вне внимания исследователей. Да иначе и быть не могло, так как комиссия ГОЭЛРО работала в период расцвета военного коммунизма, когда товарно-денежное хозяйство практически полностью распалось и возврат к нему многим казался невозможным.

Характерным был и состав комиссии, в которую были включены многие видные инженеры. В ней не было экономистов, да они и не требовались для разработки замышлявшегося документа. И это вполне соответствовало представлениям того времени о плане, как и все более упрочивавшееся у В.И. Ленина предубеждение по отношению к советским экономистам. (В ленинском блокноте появилась даже такая запись: “Лошадь везет, крестьянин пашет, совслужащий ворует, экономист пишет тезисы”.)

Параллельно с комиссией ГОЭЛРО разрабатывались и обсуждались теоретические проблемы единого хозяйственного

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 341.

плана. В выступлениях ряда видных экономистов, хозяйственников, политических деятелей рассматривались существо и роль плана в советских условиях и при социализме, механизмы его реализации, пути преодоления недостатков современной системы.

Эта дискуссия знаменита, кроме всего прочего, тем, что в ней принял непосредственное участие В.И. Ленин. Он опубликовал 22 февраля 1921 г. статью “Об едином хозяйственном плане”, в которой критически оценивал как общий ход обсуждения, так и позиции отдельных его участников. Отзывы — самые резкие: “Тяжелое впечатление производят и разговоры на эту тему... Пустейшая говорильня, литературщина” А то и: “...скучнейшая схоластика вплоть до болтовни о законе цепной связи и т. п., схоластика то литературская, то бюрократическая, а живого дела нет”¹. (Заметим, что недовольство “законом цепной связи” объясняется “богдановскими” корнями этого понятия, а все, связанное с А. А. Богдановым, всегда вызывало у предсовнаркома реакцию более чем острую).

В.И. Ленин увидел в дискуссии попытку ряда экономистов принизить значение плана ГОЭЛРО — плода талантливой инженерной мысли. Он указывал в этой связи на “коммунистическое чванство”, неспособность многих коммунистов изучить и оценить работу, сделанную “буржуазными спецами”, попытки игнорировать практическую работу и подменить ее говорильней. Все это действительно имело место в правящих кругах и в какой-то мере могло сказаться на обсуждении проблем единого хозяйственного плана.

Но решительно борясь с издержками нового бюрократизма, В.И. Ленин все-таки недооценил значение тех вопросов, которые поднимались экономистами на страницах печати в 1920 — начале 1921 гг. Между тем речь шла об анализе плана с социально-экономической точки зрения, о принципах его разработки и механизмах реализации. И сколь бы поверхностными, упрощенными и схоластическими ни были отдельные положения или даже статьи, общий ход полемики позволял сформировать в ней некоторые общие подходы, имеющие концептуальное значение для последующих разработок в области народно-хозяйственного планирования. Ряд сформулированных тогда положений оказал влияние на хозяйственную практику последующих десятилетий.

В дискуссии, о которой пойдет речь, можно отчетливо проследить две линии в понимании проблем единого хозяйственно-

¹Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 332.

го плана, причем представители обеих сторон не выходили за рамки логики и принципов военного коммунизма.

Прежде всего выделяется концепция, теоретики которой пытались прямо и непосредственно увязывать решение проблем единого хозяйственного плана с тенденциями развития производительных сил, как они виделись в то время: крупное машинное производство, проникающее во все области жизнедеятельности рабочего класса и одновременно способствующее относительно быстрому превращению всех трудящихся в рабочих одной фабрики. Отрицая личный интерес как мелкобуржуазную категорию, эти экономисты подчеркивали быстрое приближение царства труда, в котором “нет места свободе”, а “работник, функционируя в процессе труда в качестве винтиков механизма, будет желать именно так функционировать”.

Приведенные слова принадлежат Л.Н. Крицману — уже известному нам экономисту, который высказывал обычно типичные в соответствующих кругах идеи в наиболее яркой, четкой и, надо отдать ему должное, даже эффектной форме. Он писал также:

“Рабочий класс знает, что крупное производство — не куча песку, который можно насыпать и так, и этак, а железный механизм и что производительный труд суров; чем совершеннее немые рабы-машины, тем в большей мере напрягается внимание рабочего. Работа и разговор становятся несовместимыми. Машина полностью овладевает вниманием повелителя. В современном предприятии одетые в синее люди теряются среди громады суровых, ни на секунду не останавливающихся машин. Производительный труд — необходимый труд и в том смысле, что всецело подчинен логике движения железных машин... Но планомерное общественное хозяйство — единое предприятие. И потому, что оно гигантски велико и сложно, особенно необходимо внимание к железной логике его движения. **В царстве труда нет места свободе, в нем царствует необходимость**”¹.

Еще дальше шел в своих рассуждениях известный впоследствии специалист по организации труда А.К. Гастев. Железные законы тотального централизма, нормирование социального процесса он распространял на все сферы человеческой жизни: “Чисто человеческое рабочее нормирование труда было смутным предчувствием твердого машинного нормирования труда, в котором тонет всякий субъективизм и торжествует голый принцип технологии, превраща-

¹Крицман Л.Н. О едином хозяйственном плане. М., 1921. С. 10, 11. (Выделено мной. — В.М.)

ющейся мало-помалу из чисто технической проблемы в социальную... Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в... питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь вплоть до эстетических, умственных и интеллектуальных запросов пролетариата...

Методическая, все растущая точность работы, воспитывающая мускулы и нервы пролетариата, придает психологии особую настороженную остроту, полную недоверия ко всякого рода человеческим ощущениям, доверяющуюся только аппарату, инструменту, машине... В его психологии из края в край гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллионов голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий...

Мы идем к невиданно-объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного или лирического” (Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры//Пролетарская культура. 1919. № 9—10. С. 43, 44, 45).

В этой системе ценностей единый хозяйственный план не мог выступать не чем иным, кроме как инструментом, позволяющим охватывать директивными заданиями все ячейки и звенья хозяйственного процесса. Это — государственный документ, указывающий всем, “кто, что и в каком размере должен производить”; это колонки цифр, устанавливаемые центром и по мере необходимости корректируемые им. “Подготовка единого хозяйственного плана заключается в выяснении, во-1-х, того, сколько чего есть и сколько может быть получено, во-2-х, сколько чего требуется, — самый хозяйственный план в решении, сколько чего должно быть получено... и в предоставлении каждому органу народного хозяйства всего того, что ему необходимо для выполнения возложенной на него задачи”¹.

При анализе организации планового хозяйствования особый упор делается на необходимость полного и всеобщего отчуждения продуктов у производителей и передачи их в распоряжение государства, являющегося монополистом в распределении всех ресурсов, причем по мере построения и упрочения планового хозяйства органы управления должны все больше становиться и

¹Крицман Л. Единый хозяйственный план и Комиссия использования. М., 1921. С. 7.

органами распределительными, выбирая наиболее важные направления дальнейшей передачи продуктов потребителям.

Построение единого хозяйственного плана, усиление организованности и преодоление хаоса военного коммунизма связывались с усилением централизации при регулировании процессов производства и распределения. Конкретно речь шла о необходимости немедленного образования единого центра, способного заменить собой многочисленные планово-распределительные комиссии. Большие надежды возлагались, естественно, и на усиление роли Комиссии использования.

Л.Н. Крицман, М.А. Ларин и другие решительно возражали против предложений о предоставлении некоторой самостоятельности местным органам власти по хозяйственным вопросам. Например, в определении своих потребностей по отдельным ресурсам. Объяснялось это неспособностью мест к подобным оценкам. Все издержки главкократии представлялись гораздо предпочтительнее последствий, к которым может привести местное регулирование. (В категориях планово-распределительного хозяйства эта проблема формулировалась как право мест “брать все, что им необходимо, в том размере, в каком они — искренне — считают это необходимым”).

Кстати, вывод этот был не столь уж несправедлив. Местные органы власти, не являясь хозяйствующими субъектами и не имея соответствующих интересов (которыми руководствуются собственники-производители), не могли реалистично оценивать потребности в тех или иных ресурсах. Другое дело, что по аналогичным причинам центр также неспособен эффективно решать эти вопросы. И если идущие “снизу” заявки, как правило, оказывались завышенными, то “наверху” их просто механически урезали.

Словом, закладывалась одна из наиболее характерных черт советской “плановой” экономики на протяжении всех последующих десятилетий — механическая, необоснованная, но зато централизованная увязка ресурсов с их потреблением. “Снизу” просят больше, так как не знают реальных потребностей и возможной степени удовлетворения заявки. “Верхи” дают меньше, предполагая заведомое завышение потребностей. Так начиналась “борьба за план”, так она продолжалась все последующие десятилетия.

Энергичные выступления сторонников данной концепции, их дискуссии друг с другом по поводу того, какой орган должен выполнять функции планово-экономического центра с всеобъемлющими директивными полномочиями, на поверку выливались в сугубо бюрократические предло-

жения о переформировании одних органов и формировании других. Так, например, в итоге резкой полемики между М.А. Лариным и В.П. Милутиным о построении действенной системы планирования противники пришли к важному взаимоприемлемому решению: ввести народного комиссара земледелия в СТО, который тем самым, наконец-то, сможет стать подлинным центром хозяйственной жизни и источником целостного плана. Современники не без основания иронизировали над подобными изысканиями. А С.И. Гусев сравнивал их с проектами, “заключавшимися в том, что 4-е отделение 2-го департамента переводится в 3-й департамент, 3-е отделение 1-го департамента сливается со 2-м отделением 4-го департамента, а 5-й департамент упраздняется”¹.

Иное видение проблем преодоления бюрократизации планирования и скорейшего укрепления планового начала выдвигали Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев и некоторые другие. Их подход получил отражение и в официальных документах XI съезда РКП(б). На нем Троцкий выступал со специальным докладом “О хозяйственном строительстве”, написал по этому вопросу и проект резолюции. С.И. Гусев в период подготовки партийного съезда опубликовал брошюру с анализом проблем единого хозяйственного плана. Ее содержание так понравилось В.И. Ленину и ряду других руководителей, что значительная ее часть была дословно включена в резолюцию съезда. В ней появился особый раздел “Единый хозяйственный план”.

Здесь ни в коей мере не отрицалась необходимость построения народного хозяйства тотальной централизации, которое работало бы по всеобъемлющему плану, охватывающему единой волей движение всех ресурсов (материальных и трудовых). Как и другим большевикам, идеал планового хозяйства виделся ему в превращении страны в единую фабрику, головная “контора” которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами.

Рисую плановую систему, в центре которой высится “трест трестов” — ВСНХ, Л.Д. Троцкий так говорил о ней: “По идее это есть объединение главков наверху, внизу до дна нет никаких клапанов, которые соединяли бы эти тресты друг с другом. Такой принцип организации нашего хозяйства по замыслу, если брать его как грубый черновой набросок, есть правильное социалистическое хозяйство, есть плановое хозяйство, оно организу-

¹Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920. С. 114.

ется по основным производствам, оно объединяет сверху донизу, но это предполагает, что центральный аппарат управления промышленности является идеальным аппаратом учета и распределения в соответствии с соединением хозяйственных планов”¹.

Аналогично рассуждал и С.И. Гусев, оценивая выдвигавшиеся его современниками предложения по организации планирования в виде сложной последовательности процедур с участием работников управленческого аппарата различных ступеней при встречном движении плановых предположений “снизу” и “сверху”

Суть позиции Л.Д. Троцкого и С.И. Гусева состояла в том, что план современного хозяйства должен содержать концепцию развития страны, централизованно разработанную и предлагающую последовательность действий при решении крупных проблем на основе выделенных приоритетов того или иного этапа. “Этот план должен дать то главное, чего мы не должны забывать ни при каких обстоятельствах”².

Иными словами, речь шла о необходимости построения плана как последовательности ведущих звеньев. Этот план должен был быть первичен по отношению к заявкам с мест и к отраслевым производственным программам и определять исходя из тенденций технического прогресса наиболее обоснованный путь к достижению общих для всего народного хозяйства целей.

В документах IX съезда партии намечалась такая цепочка целевых установок будущего единого хозяйственного плана:

улучшение состояния транспорта, подвоз и образование необходимых запасов хлеба, топлива и сырья;

развитие машиностроения для добычи и транспортировки топлива, сырья и хлеба;

развитие машиностроения по производству продуктов массового потребления;

расширение производства продуктов массового потребления (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 242).

Внедрение планового начала в экономическую жизнь страны виделось сторонникам рассматриваемой концепции одновременно на путях усиления централизма в принятии решений, расширения самостоятельности местных органов, а также сти-

¹Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 104.

²Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. С. 7.

мулирования трудовой активности и самодеятельности трудящихся масс, привлечения их к управлению производством.

Укрепление централизма связывалось с отказом от межведомственности плановых органов и переходом к “единоначальной диктатуре единого хозяйственного органа, состоящего из людей, не связанных ни с какими ведомствами”. Не очень-то доверяя беспристрастности большинства руководящих работников и учитывая неспособность их в силу объективного положения вещей отрешиться от ведомственных привязанностей при формировании экономической политики, С.И. Гусев продемонстрировал весьма своеобразный подход к созданию высшего планово-регулирующего органа. В состав последнего предлагалось ввести наиболее авторитетных (и, пожалуй, наиболее авторитарных) деятелей верхнего эшелона власти — В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.И. Рыкова, А.Д. Цюрупу и представителя ВЦСПС.

Подчеркивалась также необходимость децентрализации хозяйственного руководства (в части проблем, не имеющих решающего значения), передачи ряда функций областным и местным органам, расширения их самостоятельности в целях повышения гибкости аппарата планирования и управления.

Наконец, необходимым условием действенности планирования считалось привлечение трудящихся к управленческой деятельности, стимулирование их интереса к труду и его результатам. Правда, этот аспект рассматриваемой концепции не следует переоценивать. Привлечение трудящихся к управлению, превращение их в хозяев производства наталкивались на единый центр в экономике — именно ему отводилась решающая роль в системе отношений собственности. Он — источник планомерности и носитель хозяйственной власти, на него возложена и задача организации самодеятельности рабочих. Сам же единый хозяйственный план рассматривался и как важный инструмент “производственной пропаганды” среди трудящихся. Поэтому, помимо других его качеств, план должен был быть “ясен, груб, прямолинеен, беспощаден”

Иными словами, стимулирующая роль плана на практике виделась в первую очередь как пропагандистская. И потому все рассуждения о плане ни в коей мере не противоречили тесной связи между ним и курсом на широкое применение трудармий и трудмобилизаций. Значение последних, кстати, настойчиво подчеркивали тогда Л.Д. Троцкий и С.И. Гусев, а IX партсъезд принял на сей счет соответствующие решения.

Несмотря на довольно острую полемику, между двумя рассмотренными подходами к проблемам единого хозяйственного плана было гораздо больше общего, чем различий. Их анализ не

выходил за пределы идеологии военного коммунизма, что предопределило общность позиций и принципов.

Во-первых, в понимании роли плана и путей его реализации доминировал организационный подход в ущерб проблеме согласования экономических интересов. Построение единого хозяйственного плана сводилось к поиску новых организационных форм, к структурным перестройкам аппарата управления. Характерно, что и предложения о некоторой демократизации планирования состояли в предоставлении самостоятельности местным органам, т. е. ограничивались перераспределением прав между различными “этажами” управленческой иерархии, не затрагивая прав самих производителей (предприятий) как реальных субъектов системы производственных отношений.

Во-вторых, основной упор делался на решение задачи прямого, централизованного распределения ресурсов, позволяющего якобы реализовать наиболее рациональные формы разделения труда. Плановое хозяйство оказывается тут неотделимым от мощной системы централизованного распределения продуктов и милитаризации труда. Только при этих условиях становится возможным решать задачу быстрой переброски материальных и трудовых ресурсов на разные участки производства в зависимости от складывающейся ситуации в экономике.

В-третьих, априорное признание за центральными государственными органами способности и права всегда четко знать подлинные, коренные интересы всего общества, заботиться о них, принимая для этого наиболее эффективные решения.

Наконец, в-четвертых, представление о плановом хозяйстве лишь как о хозяйстве натуральном, полное исключение из анализа любых проблем, связанных с рынком. План и рынок несовместимы — этот тезис оставался по сути ключевым в работах всех большевистских деятелей того периода. И вполне естественно, что параллельно с дискуссиями о едином хозяйственном плане ряд советских экономистов активно занимался поиском нестоимостной системы учета, видя в этом необходимую методологическую предпосылку собственно планирования.

Но помимо рассмотренных доминировавших представлений о существовании планового хозяйствования и путях его практической реализации, в тот же период можно проследить существование и иных взглядов, не вполне связанных с господствующей системой военного коммунизма или прямо критикующих ее.

В данном случае я имею в виду даже не тех буржуазных ученых и политиков, которые изначально были противниками марксистской экономической доктрины и предупреждали, что коммунистические эксперименты над народным хозяйством непремен-

но закончатся крахом в силу противоестественности принципов, закладываемых в основу хозяйственной постройки. Важно, что и в рядах правящей партии появляются идеи и течения, никак не вписывающиеся в плановую идеологию “героического периода” и вообще “единой фабрики”. В этих работах, хотя и не всегда последовательно, делается акцент на необходимость отказа от административно-организационной интерпретации плана, ставится проблема согласования интересов хозяйствующих субъектов.

Наиболее очевидной и насущной была в этом отношении проблема взаимосвязей промышленности и сельского хозяйства. Последнее оставалось необобществленным, а потому в военно-коммунистической логике — стихийным. Возникал вопрос о включении сельского хозяйства в систему единого хозяйственного плана, о механизме увязки в единый плановый организм государственной промышленности и мелкособственнической деревни. Занимаясь этим вопросом в связи с поиском “формулы плана”, С.Г. Струмилин пришел к выводу о принципиальной возможности включения в единый план обеих основных отраслей народного хозяйства России на базе согласования интересов городских и сельских производителей.

С.Г. Струмилин предпринял тогда попытку специально проанализировать данный сюжет, преодолев тем самым типичное для военно-коммунистической литературы игнорирование взаимосвязи проблем планирования и стимулирования. Другой стороной этого анализа, тесно связанной с задачей согласования интересов, был вывод о несовместимости планирования с нормированным распределением продуктов — “этим незаконным плодом милитаризма и нищеты”¹.

Еще более широкий подход проступает в работах А.М. Кактыня, подчеркивавшего недопустимость сведения вопроса о едином хозяйственном плане к изменению лишь организационных форм. Плановое ведение народного хозяйства связывалось им не с появлением тех или иных государственных плановых органов, а с реальным превращением самих трудящихся “из объекта нашего хозяйственного процесса в его субъект”, т. е. с решением задачи реального обобществления, с преодолением, как это принято теперь называть, “бессубъектности” общественной собственности².

¹Струмилин С. Плановое хозяйство в деревне //Экономическая жизнь. 1921. № 8; Он же. Проблемы трудового учета//Там же. № 14.

²Кактынь А. К вопросу о создании единого хозяйственного плана // Там же. № 23.

А.М. Кактынь ставит проблему заинтересованности всех хозяйственных звеньев в реалистичном планировании, указывает на необходимость понимания качественных различий между плановым ведением дел на фабрике и планомерностью как макроэкономической категорией, не вписывающейся в логику военного коммунизма. Важной чертой его анализа является отчетливое понимание реальных экономических (а не только организационных) трудностей построения планового хозяйства и поиск путей их преодоления. Прежде всего Кактынь указывает на постоянно воспроизводящуюся рассогласованность интересов центра и нижестоящих субъектов, ведущую к дезорганизации экономической жизни.

Итак, дело в интересах! Но что же предпринять? Автор предлагает, отказавшись от попыток построить идеальный, точно выполнимый план, пойти по пути расширения самостоятельности низовых звеньев, и не только при выполнении плана, но и при его разработке. “Правильный хозяйственный план должен быть построен из частей, разработанных периферийными органами на основании заранее данных центром заданий”¹. Важно, что определенные возможности воздействия на централизованный план имеют здесь не только пресловутые “места” (местные органы хозяйственного управления), но и сами непосредственные производители.

Однако анализ проблемы интересов на этом не останавливается. А.М. Кактынь четко формулирует еще одну грань — “места” не только не могут знать свои реальные потребности и возможности, но они и не заинтересованы в том, чтобы предоставлять по ним центру достоверную информацию. Такова, как показал весь последующий опыт, классическая, фундаментальная черта системы планирования, основанная на административном принуждении (директиве).

Наш автор ищет выход из этой ситуации, естественно, не на пути лишения “мест” каких-либо реальных хозяйственных прав. Он предлагает ввести в систему отношений “полную ответственность местного органа за исполнение плана, также обеспечив участие в работе местных плановых органов представителей центра”. Это, конечно, не решение проблемы, которого вообще нельзя найти в рамках административной (или военно-коммунистической) доктрины. Однако любопытен сам факт: не преодолевая этих рамок в самом решении проблемы, А.М. Кактынь

¹Кактынь А.М. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр. М., 1920. С. 15, 43.

смог выйти за них в ее постановке, что позволило значительно углубить социально-экономический анализ планирования.

Еще один важный вывод А.М. Кактыня — признание ошибочности выведения планового начала из вертикального обобществления производства, ведущего к созданию гигантских монополий и сверхмонополий. Социалистическая экономика рассматривалась им не как простая иерархия производственных и управляющих звеньев, но как плотная ткань переплетающихся горизонтальных и вертикальных структур. Более того, вертикальная централизация, по мнению Кактыня, была скорее характерна для капитализма, а новый плановый строй должен как раз преодолеть ее.

Критикуя взгляды Л.Н. Крицмана и других близких ему экономистов, наш автор пишет об “утопичности предложений ультрацентралистов” построить все плановое хозяйствование по жесткому отраслевому принципу: “Это — полнейшее абстрагирование хозяйственного процесса, отрывание его от окружающей хозяйственной среды, игнорирование сугубого значения этой последней в рационально построенном социалистическом хозяйстве, выделение одних лишь технических функций, составляющих хозяйственный процесс. Нелегко управлять одними и теми же методами из одного центра...”¹.

Наконец, надо обратить внимание на еще один важный вывод — новый для господствующей доктрины. А.М. Кактынь разграничил социально-экономическое и технико-экономическое понимание планомерности. Преодолев столь типичное для его современников (причем не только большевиков, но и основной массы социалистов) сведение планирования к учетно-технической стороне дела, Кактынь не позволял ставить знак равенства между управлением предприятием и всем народным хозяйством. Тем самым открывался путь для более глубокого осмысления планомерности — как сложного социального процесса, не связанного с движением к “единой фабрике”

Впрочем, все это были лишь подступы к сложным проблемам функционирования социальной системы на началах планомерности, но еще никак не решение самих этих проблем. В логике подобных рассуждений сохранялось еще одно принципиальное препятствие — рубеж, который в силу понятных политических и идеологических факторов еще не был преодолен. Хотя некоторые, наиболее чуткие исследователи хозяйственных процессов уже вплотную приблизились к нему. Речь идет о товар-

¹Кактынь А.М. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр. С. 15, 43.

но-денежных отношениях. Для всех рассуждений, о которых только что шла речь, было характерно исследование проблем планирования в условиях отсутствия денег и рынка, хотя последнее никак не вытекало из внутренней логики трактовки планомерности сквозь призму согласования интересов самостоятельно хозяйствующих субъектов.

С иных позиций и, конечно же, в резко критическом ключе анализировали военно-коммунистический опыт централизованного хозяйствования социал-демократы, находившиеся в оппозиции к большевикам. Особенно показательным в этом отношении является журнал “Мысль”, выходивший в 1919 г. в Харькове при непосредственном участии Л. Мартова, В. Базарова, М. Кричевского, Д. Далина и других видных деятелей российской социал-демократии.

Отправная точка их выступлений — централизованное плановое натуральное хозяйство не может быть в настоящее время осуществлено в российских условиях за отсутствием необходимых для этого предпосылок, прежде всего культурных. Колоссальный рост бюрократизма, падение производительности труда, разруха и анархия на производстве — прямое порождение “планового” военно-коммунистического хозяйствования. Не существование плана, не методология его разработки занимают авторов журнала “Мысль” Их внимание сосредоточивается, во-первых, на социальной природе утвердившейся в 1918 г. системы “планового” хозяйствования и, во-вторых, на поиске путей реального регулирования экономической жизни, обеспечивающих быстрый подъем производительных сил страны.

Анализ сложившейся планово-распределительной системы вполне определенно показывал, что ее существование соответствует в первую очередь интересам потребительских слоев населения, доля которых за годы войны резко возросла в ущерб производителям. Действительно, кому служит хозяйство, основанное на плане тотального перераспределения? Разумеется, тем, кто сам не производит, какими бы причинами это ни объяснялось. Результатом оказывается объективная склонность подобного хозяйства к милитаризму (именно армия является одним из главных носителей потребительской мотивации), к росту бюрократизма и расширенному воспроизводству люмпенских слоев.

Но дело не только в том, что планово-распределительный строй создает благоприятные условия для существования и роста потребительских слоев общества, причем, как правило, за счет ослабления производящих. Он вместе с тем, как выясняется, может существовать, лишь порождая в расширенных масш-

табах силы, которые при поверхностном взгляде как будто бы не имеют с ним ничего общего.

Прежде всего принудительный характер организации производственного процесса, отсутствие нормальных экономических побудительных мотивов к труду требуют все более мощного аппарата насилия. Одновременно место реального хозяина средств производства занимает разрастающийся бюрократический класс. «И по мере роста “государственного аппарата” растет его принудительная сила, направлявшаяся уже не столько на борьбу с поумневшей и притихнувшей буржуазией, сколько на дисциплинирование трудящихся масс»¹, — писал тогда В.И. Базаров.

Далее, стремление охватить всю хозяйственную жизнь единым планом в отсутствии стимулов к росту производства порождает огромный паразитический слой среди самих трудящихся. Особенно ярко это проявляется в деревне, в работе комбедов, где сосредоточивались в основном босяцкие, деклассированные элементы, заброшенные революцией в деревню и живущие за счет получения доли от реквизиций продукции у трудящихся крестьян.

То же можно сказать и о спекуляции. Каким бы антагонистом существующему режиму ни представлялся спекулянт на поверхности, по существу они (военный коммунизм и спекулянт) не могут существовать друг без друга. Политика тотального государственного давления, стремление сосредоточить в своих руках все ресурсы дезорганизуют производство, нарушая сложившиеся товарообменные связи, препятствуют нормальному движению транспорта и в конечном счете оказываются на руку спекулянтам: ведь власти не могут накормить людей. И при сохранении государственной монополии на снабжение населения жизненно важными продуктами эту задачу выполняют мешочники и спекулянты.

“Заградительные отряды и прочие решительные меры дополняют естественные затруднения транспорта искусственными, которые окончательно выбивают из строя простодушных торговцев старого типа, но ничуть не обескураживают истинного спекулянта по призванию. Этот последний легко находит ключ, отмыкающий перед его товаром все замки правительственных запретов; для него наличность заградительного отряда — не политическая, а чисто экономическая категория: повышение накладных расходов

¹Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм // Мысль. 1919. № 3. С7, 57—58.

по доставке продукта и устранение с рынка менее ловких мешочников, сбивающих цены своей конкуренцией.

Таким образом, запретительная политика не уничтожает, а совершенствует спекуляцию, производит своего рода естественный отбор спекулятивных талантов, способствует процветанию наиболее искусных, изобретательных и энергичных, наилучше приспособленных к своей профессии капиталистов первоначального накопления. Не удивительно, что советский государственный корабль густо обрастает спекулянтами. И напрасно начальство думает, что корпус правительственного корабля можно очистить от спекулянтов механически, как очищают морское судно от присосавшихся к нему ракушек.

Нет, спекуляция не только извне налипла, она насквозь пронизывает всю систему современного государственного регулирования, составляет самую его душу. Спекулянт — не просто паразит, но вместе с тем и действительная опора правительства, герой, спасающий власть в критических случаях.

Когда внезапно обнаруживается острый недостаток продовольствия на каком-нибудь фронте, когда грозит замереть из-за недостатка топлива какой-нибудь стратегически важный участок железных дорог, кто спасает положение? Советский или околосоветский спекулянт! Это он из-под земли откапывает до зарезу необходимую партию угля или хлеба; это он, платя бешеные цены, вырывает продукт из рук десятка других претендентов; это он преодолевает таинственными способами трудовую дисциплину товарищей-железнодорожников и доставляет груз на место назначения с волшебной, почти дореволюционной быстротой” (Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи “текущего момента” //Мысль. 1919. № 10. С. 356).

Отсюда делался парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно этот социальный слой является в настоящее время в России господствующим.

Каким же представлялся выход из сложившейся ситуации? Возвращение к капитализму старого образца, равно как и сохранение военно-потребительских форм организации хозяйства, авторы “Мысли” считали невозможным принципиально. Они искали тот экономический механизм, который давал бы максимальный простор для развития производительных сил. Именно этот критерий выступает здесь на первом месте, никакие формы функционирования народного хозяйства не рассматривались сами по себе как прогрессивные или консервативные. Утвержда-

лось, что переход к мирным условиям непременно приведет к отмиранию многих мер прямого государственного регулирования производства, хотя роль самого регулирования будет гораздо значительнее, чем до войны¹. И Запад, и Россия пойдут по этому пути.

По мнению авторов “Мысли”, основная задача ближайшего будущего состоит для России в том, чтобы преодолеть «господство “потребительского коммунизма” над мотивами организации производства на коллективных началах»² и перенести тем самым упор в деле планомерной организации хозяйственной жизни на формирование устойчивых стимулов к производственной деятельности. Имелось в виду отказаться от таких фундаментальных черт существующей системы, как продрозверстка (с заменой ее натуральным налогом), внеэкономическое принуждение к труду. Важнейшим пунктом программы была задача поставить доходы рабочих в зависимость от результатов труда, а служащих — от прибыли предприятия.

В соответствии с этой логикой предлагалось разработать и собственно план восстановления и развития народного хозяйства. В отличие от концепции Л.Д. Троцкого и С.И. Гусева усилия в первую очередь предполагалось сосредоточить на удовлетворении неотложных нужд в области производственного и личного потребления, что сделало бы более действенными стимулы к труду. И лишь на основе этого курса становилась необходимой и возможной “планомерная общественная организация производства и распределения”³.

Развивая подобные взгляды, их авторы смогли заглянуть немного вперед. Ведь их предложения вполне соответствовали здравому экономическому смыслу, они предвосхищали будущую систему новой экономической политики, причем в ее развитых формах 1922—1923 гг. Высказывались и предупреждения о социальных сложностях преодоления планово-распределительной системы, чему будут энергично противостоять люмпенство и бюрократия, интересы которых все более сращиваются.

“Так как всякое оздоровление нашей экономической политики ударило бы как раз по люмпен-пролетарским элементам бюрократической армии, то, естественно, малейшие намеки на возможность поворота в эту сторону вызывают с их стороны от-

¹Колокольников П. Капитализм и социализм в советской России // Мысль. № 13, С. 532.

²Мартов Л. Мировой большевизм // Мысль. 1919. № 10. С.339.

³Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Там же. № 3. С. 57—58.

чаянные вопли о нарушении священных принципов пролетарской диктатуры и т. п.”¹.

Последовательно придерживаясь также марксистского принципа взаимосвязи базиса и надстройки, социалисты из “Мысли” считали неизбежным и проведение политических реформ, адекватных хозяйственным преобразованиям, т. е. переход от советской конституции к буржуазно-парламентской.

Этого, однако, не произошло, что в конечном итоге оказало серьезное, если не сказать роковое, влияние на развитие и судьбу грядущего нэпа.

¹Базаров В. Последний съезд большевиков и задачи “текущего момента” //Мысль. 1919. № 10. С. 357.

Нэп открыл новый этап в развитии советского народного хозяйства. Многие пришлось ломать, многое строить заново. Но многое из того, что должно было быть сломано, так и осталось нетронутым или, в лучшем случае, слегка перекрашенным. Политика, экономика, идеология, культура — все это представляло собой в 20-е годы сложный клубок старых догм и новых подходов, попыток оставить в неприкосновенности великие принципы “героического периода” (так иногда называли период военного коммунизма его активные приверженцы) и отбросить их, очистив дорогу рыночной экономике и здравому смыслу. Элементы хозяйственного либерализма совмещались с ужесточением внутривластного режима, шаги к деbüroкратизации экономических связей — с дальнейшим укреплением позиций партийно-государственной бюрократии.

Драматическая история советского общества 20-х годов является в наши дни предметом многочисленных исследований, которые еще долго не смогут исчерпать эту тему. Слишком значительно влияние того периода на все последующее развитие страны и ее народного хозяйства. Ведь именно тогда, а отнюдь не в годы военного коммунизма (во всяком случае, не только в годы военного коммунизма) были заложены некоторые основополагающие элементы экономического мышления советского руководителя и советского человека на десятилетия вперед.

Постепенный поворот к рыночным отношениям, составивший сущность новой экономической политики, потребовал глубокого переосмысления возможностей и механизмов практической реализации идеи планомерности. Ведь до сих пор она мыслилась как антагонист рынку. Означает ли нэп свертыwanie или отступление от “единого хозяйственного плана”? Или, напротив, требует усиления внимания к нему? Да и что следует понимать под планом? Готовых ответов на эти вопросы не было, да и быть не могло. И вовсе не потому, что де страна Сове-

тов находилась в уникальном положении первопроходца на социалистическом пути.

Определенные ограничения рыночных механизмов и замена их прямым государственным вмешательством стали реальностью большинства рождающихся стран. Еще в годы войны многие серьезные наблюдатели писали о невозможности простого возврата к практике свободного рынка, равно как и сохранения военно-хозяйственного строя, предсказывали, что государственное регулирование сохранит важное значение, хотя и изменит формы. Разумеется, характер и конкретные направления этих модификаций, темпы их осуществления до поры до времени оставались неясными.

В Советской России при всех особенностях политической ситуации проблема в общем-то была аналогичной. Правда, основная масса экономистов считала, что по характеру, по действительности, по социальной направленности регулирование советского хозяйства должно качественно отличаться от буржуазного. Но надо было разобраться, как конкретно его осуществлять, как именно планировать. Или, если повернуть проблему другой стороной: какова связь будущей плановой системы с тем, что было опробовано за годы военного коммунизма.

Обсуждение этого круга вопросов велось на протяжении всего “славного десятилетия” нэпа. Споры то разгорались, то ослабевали, что в немалой мере определялось общей политической ситуацией в стране, а также борьбой в партийном руководстве за “ленинское наследие”. Но в общем обсуждение фундаментальных проблем планового хозяйствования в логике противостояния “военный коммунизм — нэп” было постоянным идеологическим фоном всех дискуссий по вопросам методологии, методики и организации планирования. С этого мы и начнем очерк о формировании планового хозяйствования в условиях новой экономической политики.

1. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ: НЭП И ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ В ПЛАНИРОВАНИИ

Исходным пунктом дискуссии и противостояния, которое уже наметилось даже в сугубо большевистской литературе на рубеже 1920—1921 гг., стало отношение к принципам военно-коммунистического строя с точки зрения социально-экономических перспектив страны и возможностей

“пролетарского государства” направлять это развитие, руководить им. Речь шла именно о принципах и основных чертах хозяйственной организации “героического периода”, а не о конкретных решениях и результатах, которые всеми признавались неудовлетворительными. Практически все экономисты — теоретики и практики — были согласны с оценкой ситуации, данной в афористичной форме председателем Госплана Г.М. Кржижановским: “Наш хозяйственный механизм еще ждет своего Октября” Но о конкретном приложении этой идеи к решению практических задач представления расходились диаметрально.

Отказ от военного коммунизма как целостной хозяйственно-политической системы не сопровождался, конечно же, преодолением или даже ограничением военно-коммунистической по существу своему доктрины планомерно организованной экономики. Можно даже утверждать обратное: в новых условиях гражданского мира и относительной стабильности идеологи военного коммунизма (которые так в нем и не разочаровались) получили возможность обдумать и уточнить свои аргументы для защиты от несправедливых, как им представлялось, оценок этого этапа в жизни советской страны.

Нэп устанавливался всерьез и надолго. Но не навсегда. В этом, а также в традиционном коммунистическом постулате о несовместимости планомерности с рынком видели приверженцы военно-коммунистической доктрины (“певцы героического периода”, как назвал их современник) фундамент, на котором строилась вся система их рассуждений. Стоит обратить внимание на такой любопытный факт: хотя значительная часть коммунистов оставалась в годы нэпа скрытыми или явными приверженцами методов 1918—1920 гг., идеологов и теоретиков этой системы было немного. Наиболее видное место среди них занимали, пожалуй, Е.А. Преображенский и Л.Н. Крицман. Работы первого составляли общий фундамент идеологии военно-коммунистического плана, но его собственные высказывания о недавнем прошлом были весьма сдержанными. Л.Н. Крицман же в своей широко известной книге “Героический период великой русской революции” дал подробный анализ хозяйственной системы того периода как прообраза светлого будущего нашей страны. (Не обошлось и без недоразумений. Автор видел свою задачу в том, чтобы дать конкретный, отражающий именно российскую специфику, анализ вопросов, которые в общем виде были рассмотрены Н.И. Бухариным в “Экономике переходного периода”, опубликованной, как известно, в 1920 г. А ведь сам

“любимец партии” к этому времени уже радикально пересмотрел свои теоретические позиции.)

Воззрения Л.Н. Крицмана и других представителей этого направления советской экономической мысли практически не изменились по сравнению с 1920 г. Они были устремлены к социализму как к натурально-централизованно-плановому хозяйству и именно в военном коммунизме видели первую попытку практической реализации самого передового строя, оценивая ее как “предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее”.

Как и раньше, в его представлениях доминирует по преимуществу технико-экономическое отношение к плану. Понимаемый как расписание того, “кто (т.е. орган), что и в каком размере должен производить”, план должен конкретизировать политику государственной власти и проработать естественно-технические условия ее осуществления (установить последовательность действий для достижения поставленных целей, сбалансировать ресурсы с потребностями в них и т.д.).

Противопоставляя закономерности развития рыночного хозяйства плановому, сторонники рассматриваемой концепции связывали с планом появление новых факторов роста, вытекающих именно из природы пролетарской власти. И чем глубже государственное планирование проникает в экономическую жизнь общества, чем шире сфера, охватываемая непосредственным воздействием управленческих органов, тем в меньшей мере действуют традиционные (объективные) экономические закономерности. Из характера власти выводился и такой неотъемлемый признак плановости, как единство интересов субъектов производственных отношений. Оно трактовалось исключительно как социально-политический феномен, априорно присущий государственному хозяйству диктатуры пролетариата, т. е. как предпосылка планирования, а не как его результат.

Наконец, эффективность планирования связывалась с самим фактором осуществления его пролетарским государством. Отсюда следовал еще один важный, имеющий практические последствия вывод: задача планирования почти исключительно сводилась к описанию желательных перспектив развития общества, не уделялось должного внимания другой стороне планирования — обеспечению необходимых экономических условий эффективного роста народного хозяйства.

Однако вернемся к идеологии военного коммунизма. Оставался открытым вопрос: почему же военно-коммунистический режим, обеспечив централизацию и натурализацию хозяйственной жизни, потерпел фиаско, попытавшись утвердить плано-

мерность?¹ Ведь плановое хозяйство мыслилось как натуральное и централизованное. Возникшую ситуацию Л.Н. Крицман, естественно, объяснял неподготовленностью российской социально-экономической среды к восприятию передовых хозяйственных форм, слабым развитием крупной индустрии, высоким удельным весом мелкого производства. Попытки включения последнего в жестко централизованную систему повлекли за собой “сопротивление материала”, выразившееся в падении производительных сил и повлекшее серьезные извращения внутренних отношений “пролетарско-натуральной системы” Особо в этой связи выделялся бюрократизм, объяснявшийся, впрочем, той же логикой “сопротивления материала” — т. е. наличием внешних для плановой системы элементов, которые деформируют идею планирования и являются для нее чуждыми. Тем самым закладывались основы весьма популярных в недалеком будущем объяснений пороков государственного планирования при помощи ссылок на некоторые “внешние” факторы (плохо разрабатывающие план чиновники, плохо исполняющие задания работники, не говоря уже о вредителях и других “остаточных явлениях” капитализма), закрывая путь к анализу внутренних противоречий системы.

Приверженцы военно-коммунистической доктрины в общем-то нэп не отвергали. Но отнюдь не по причине конформизма, хотя последний уже проникал в общественные науки. Просто не лишенные прагматизма Л.Н. Крицман и его единомышленники оценивали нэп как очевидное и вынужденное отступление, которое не следует пропагандировать в качестве нового завоевания Советской власти. Они не ждали укрепления планомерности и организованности непосредственно от нэпа. Их логика была иной: нэп должен обеспечить замену рынка планом в тех масштабах, в каких это физически возможно и же-

¹Впрочем, в этой оценке идеологи военного коммунизма высказывали различные мнения — в зависимости от характера дискуссии и собственного темперамента. Более сдержанный и стремящийся к респектабельности Л.Н.Крицман вынужден был признать отсутствие реальной планомерности в “героическую эпоху” А увлеченный борьбой с оппонентами М.А.Ларин сетовал на “ослабление планового руководства и плановой организованности государства”, происшедшее с переходом к нэпу. В последнем случае имелось в виду некоторое ослабление возможностей административного воздействия на предприятия со стороны управленческих органов в 1922—1923 гг. (См.: Крицман Л. Героический период великой русской революции. М., 1925. С. 115; Ларин Ю. Истоки, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 28).

лательно для нормального функционирования государства, освободив его от всего, что было пока обузой. Это должно создать условия для последующей эмансипации государственного (социалистического) сектора, втягивающего “периферию” в орбиту единого плана.

Представления о плановой социалистической экономике, аналогичные изложенным выше, были характерны не только для многих марксистов, но и для ряда буржуазных экономистов, анализировавших гипотетическую модель социализма как общества, противоположного капитализму. Может показаться странным, но нередко бывает, что жесткая приверженность определенным доктринальным установкам сближает принципиально различные позиции. И при абсолютной противоположности выводов и оценок социалистической плановой системы (как самой эффективной или абсолютно неэффективной) логика, построенная на схожих исходных постулатах, оказывается у ортодоксальных марксистов и ортодоксальных буржуазных либералов (в строгом экономическом значении понятия “либерал”) во многом схожей. Этим общим исходным пунктом было перенесение из теоретических схем в конкретную хозяйственную практику абсолютного противопоставления либерализма и этатизма, или, говоря иначе, свободного рынка и государственного плана.

Представления буржуазных ученых наиболее открыто и последовательно выражал журнал “Экономист”, выходявший в течение нескольких месяцев 1922 г. — в непродолжительный период политической либерализации. Самым ярким исследованием, содержащим теоретический анализ социалистического планового строя, стала, безусловно, большая статья Б.Д. Бруцкуса, опубликованная в первых трех номерах журнала и имевшая, как показало время, не только программное, но и прогностическое значение. В данном случае будет очень полезно сосредоточить основное внимание именно на этой работе, не упуская, конечно, из виду размышления и других экономистов.

Б.Д. Бруцкус основывал свой анализ на том в общем-то справедливом положении, что отрицающий рынок и рыночные цены единый хозяйственный план есть центральная идея марксизма, и план этот требует тотального социалистического учета и контроля. В отсутствие рыночного механизма “государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, позволяющим контролировать все стороны общественной жизни, — аппаратом очень гибким и действующим непрерывно, чтобы учитывать все изменения, происходящие в этой жизни”. Иными словами, необходим но-

вый институт, способный постоянно обеспечивать рост и совершенствование производства и увязывать его с потребностями.

На этой базе разворачивается всесторонняя критика планового социалистического хозяйствования, чреватого серьезными опасностями для общества. Прежде всего было показано, что подобный механизм не сможет эффективно функционировать не только в силу технической сложности (или невозможности) тотального учета, но и по ряду соображений принципиального характера. Во-первых, многообразие и динамизм потребностей, усиливающиеся по мере прогрессивного развития общества, делают нереальными попытки априорного их определения в плане. Во-вторых, централизация хозяйственной жизни и замена объективного (рыночного) механизма взаимодействия между производством и потреблением на субъективный (через аппарат управления, ведающий всеми распределительными процессами) будут иметь результатом лишь усиление бюрократии и ее влияния на хозяйственные процессы, поскольку теряется единый критерий оценки эффективности функционирования предприятий. Таким образом, всеобщий бюрократизм как концентрированное выражение порочности нерыночной системы “хозяйствования по плану” рассматривался в качестве внутренне присущего “единому плану” атрибута, а вовсе не навязанной извне черты¹.

Конкретизируя эти постановки вопроса, Б.Д. Бруцкус и его коллеги принимают принципиальную схему всеобщего социалистического плана: отсутствие прямой связи между производителем и потребителем, опосредование их взаимоотношений аппаратом экономического центра. Это значит, что оценка результатов производственной деятельности первого оказывается относительно независимой от отношения к этим результатам второго — сдача своей продукции в “общий котел” в соответствии с централизованным планом гарантирует поступление новых ресурсов для продолжения производства безотносительно к его эффективности и качеству.

Однако экономика такого типа имеет еще одну особенность: ведущую роль в ней играет посредник — власть. Бруцкус вносит в анализ этого феномена принципиальное уточнение, подчеркивая наличие собственных интересов у центрального аппарата и отдельных его чиновников, что еще более запутывает ясную (“прозрачную”) схему “единого плана”, вносит в нее немалую

¹Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1. С. 51; № 2. С. 163, 166—167, 170—172.

долю субъективизма и неопределенности относительно эффективности любых хозяйственных решений.

Эффективность здесь, разумеется, связывается с созданием наиболее благоприятных условий для максимального прогресса производительных сил. Этот критерий и кладется в основу выбора курса экономической политики. Но оказывается, что ему — как раз и противоречит единый хозяйственный план, поскольку сковывает хозяйственную инициативу в производственной деятельности и не дает простора для проявления свободы в потреблении. Отсюда — тесная связь плана с принудительностью в труде, неизбежной в отсутствие конкуренции. Поскольку заранее нельзя точно определить и структуру потребностей, то оказываются неизбежными постоянные дефициты. А это влечет за собой принудительность в распределении — нормирование одних продуктов и навязывание других.

“В социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное разделение труда в соответствии с общественными потребностями, но так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Трудармии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма.

Надо ли в XX столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?” (Экономист. 1922. № 3. С. 59).

Заметим, к слову, что последний вопрос, как показала история XX в., оказался, к сожалению, вовсе не риторическим.

Отсюда возникал еще один постоянно действующий фактор дезорганизации, стихийности, а значит, и замедления темпов роста социалистического хозяйства. Речь идет о повсеместном торжестве духа и стереотипов поведения наемного работника при полном уничтожении предпринимательского (или хозяйского) начала, без которого невозможно упорядочить воспроизводственный процесс.

Не могу отказать себе в удовольствии привести еще одно рассуждение Бруцкуса. Напомним, что было это написано на рубеже 1921—1922 гг.!

“Мы не можем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации, не только технической, но и

экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда... Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется — он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удачи...

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгноили; привезли дрова — их разворовали... На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы, пролетарии, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием...

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности, даже для такой, казалось бы, более простой задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же несостоятельной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовывается оборудование” (Экономист. 1922. № 3. С. 65—66).

Естественно, что отсутствие действенного механизма согласования интересов производителя и потребителя, отсутствие мотивации хозяина и существенное ослабление стимулов к труду неумолимо подводили к выводу о несостоятельности социалистической плановой системы, которая, стремясь преодолеть «анархию капиталистического производства»... может подвергнуть народное хозяйство «суперанархии», по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии».

Как видим, в этих работах содержится яркая и справедливая критика складывающихся принципов функционирования народного хозяйства, претендующего на “плановость”, а также выдвигаются серьезные предостережения относительно будущего подобных экспериментов.

Но все-таки неясным остается главный вопрос экономической жизни того времени, да, пожалуй, и вообще истории XX в. В каких формах и при помощи каких механизмов может осуществляться государственное регулирование хозяйства в масштабе страны? Особенности развития производительных сил все настойчивее ставили такие вопросы. Поиск ответов на них все более занимал мировую экономическую мысль. Но и Б.Д. Бруцкус, и другие близкие ему по взглядам исследователи пока обходили эти проблемы. И хотя наши авторы отмечали ограниченные возможности последовательного проведения в экономической политике принципов либерализма в чистом виде (невмешательства государства в хозяйственный процесс), они в основном лишь призывали к особой осторожности в этом деле.

Отсюда вытекали и нестандартные рекомендации относительно оздоровления хозяйственной ситуации в стране. В противовес широко распространенным представлениям о необходимости активности государства в организации народнохозяйственного восстановления, авторы “Экономиста” обращали внимание на опасность сведения хозяйственной политики к решению фискальных задач и выдвиганию социально-идеологических лозунгов в ущерб стимулированию быстрого роста производительных сил. Именно на это, на интересы непосредственного производителя, как бы нравился или не нравился властям его социальный портрет, следует делать ставку при разработке восстановительной программы. И лишь в этом случае “снизу”, самими производителями будут разрабатываться реалистичные и полезные для страны планы подъема своих (а значит, и общенациональных) производительных сил. Естественно, значение “единого хозяйственного плана” в этой логике становится минимальным¹.

Наконец, сформировался и другой путь исследования этих сложных проблем. Путь, который получил мощный импульс в 20-е годы, чтобы к началу 30-х “уйти в подполье”, возрождаясь впоследствии вновь и вновь всегда, когда на повестку дня вставали задачи реформирования хозяйственной системы, получив-

¹Рафалович А.Л. Новая экономическая политика // Экономист. 1922. № 2; Чубутский П.П. Предпосылки реальной экономической политики // Там же. № 3. С. 46—51.

шей в конце 60-х годов наименование “реальный социализм” С практической точки зрения вопрос заключался в поиске механизмов планового регулирования экономики в условиях развития рыночных отношений, а не вместо их.

Иными словами, начала свой путь проблема “план и рынок при социализме”, имевшая в дальнейшем богатую и драматическую историю. Многим экономистам, стоявшим у истоков этой проблемы, в скором времени суждено было стать и ее первыми жертвами. Но все это — в будущем, хотя и недалеко. Пока же быстро сформировавшаяся новая идеология хозяйствования закладывала основы будущих дискуссий.

Суть концепции — в выявлении тенденций и потребностей развития социально-экономической системы и в выборе таких хозяйственных форм, которые, учитывая объективные обстоятельства, позволяли бы обеспечивать сознательную управляемость функционирования советского народного хозяйства. Начался поиск механизма, в котором централизованное планирование органически сочеталось бы со всемерным развитием инициативы, личной заинтересованности людей и исключались бы кризисы и диспропорциональность. Среди экономистов, внесших существенный вклад в исследования этого рода, можно увидеть уже знакомые нам имена — и большевиков, и социал-демократов, и тех, кого в ходе будущих процессов станут клеймить как буржуазных экономистов.

Исходным пунктом системы взглядов, о которых теперь пойдет речь, было понимание нэпа не только и даже не столько как уступки частному капиталу, но в первую очередь как перехода к нормальным условиям экономического развития в противовес чрезвычайным установкам военного времени. Именно в принципах новой экономической политики видели здесь правильный путь к социализму вообще и к реальному, а не формальному плановому хозяйствованию, в частности.

“Как ни странно и парадоксально, но новая экономическая политика, при ее правильном проведении, не только настойчиво требует от нас созидания этого единого плана, но и значительно облегчает нам самое его составление... Пользуясь умело силой и мощью крупной концентрированной промышленности, транспорта, банков и синдикатов, мы можем легче коммерческими, банковскими методами регулировать сельское хозяйство, мелкую промышленность и торговлю, чем мелочной нормировкой их и административным нажимом на них. Тем самым мы получаем возможность охватить их единым планом, предусматривающим их реальную, а не воображаемую зависимость от

основных регуляторов хозяйства так же как и обратную зависимость этих последних от первых”¹.

Разрабатывая подробные вопросы, экономисты показывали, как и почему лишь в условиях рыночных отношений оказывается возможным планомерное функционирование всего народного хозяйства. Ведь проблема не сводилась к техническим сложностям охвата из центра всех производителей единым планом. Главное — социально-экономический механизм, побуждающий у непосредственных производителей стремление к согласованию интересов и координации своих действий.

Нэп же, легализуя рынок и вводя хозрасчет, давал новый шанс планированию. В. Базаров, пришедший на работу в Госплан в 1921 г., был одним из первых, кто обратил внимание на эту сторону нэпа. “Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда и личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование”. Отсюда, естественно, следовал принципиальной важности вывод, в соответствии с которым “на той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является... диалектическим, движущим противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между капиталистическим и социалистическим началом”².

Понятно, что такая система планового хозяйствования предполагала наличие массы самостоятельных экономических субъектов — как государственных, так и частных, имеющих возможность открыто следовать собственным интересам. В этой связи некоторые экономисты-практики подчеркивали, что усиление централизма в планировании (обеспечение реальности и эффективности плановой деятельности по сравнению с периодом военного коммунизма) должно осуществляться при децентрализации управления. Лишь возможность самостоятельного принятия решений при полной экономической ответственности за их результативность предопределяет развитие инициативы трудящихся и не позволяет плану превратиться в оторванный от жизни бюрократический документ, стоящий на пути прогрессивных акций.

¹Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 8—9.

²Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1923. № 6. С. 10.

Понимая, что государство, каким бы прогрессивным оно ни было, монополизировав всю полноту хозяйственных решений, становится источником бюрократизма, неизбежно порождает “казенную рутину и мертвенный застой”, А.М. Гинзбург руководивший тогда плано-экономической службой ВСНХ, писал:

“Плановое начало ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязаны жизни... Составление и утверждение хозяйственных планов не должны убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме. Лишенные оперативной самостоятельности, низшие хозяйственные органы вынуждены были бы по всем поводам, и существенным, и несущественным, апеллировать к вышестоящим и строить работу не на основании реального опыта жизни, а на основе нежизненных схем, предписываемых сверху”¹.

Соответственно предполагалось осуществить и коренную реконструкцию органов планового управления народным хозяйством, сосредоточив у Совета Труда и Оборона, а также существующей при нем плановой комиссии (Госплана) функции определения стратегических направлений хозяйственного роста и сделав упор при решении задач текущего регулирования на финансово-кредитные органы. Регулирующие и плановые органы должны были быть решительно отделены от оперативных. Вместо “громоздкого бюрократического аппарата прежних главков и комиссий использования” плановое регулирование предлагалось осуществлять через банковскую систему и иные коммерческие организации. Особая роль в деле планового хозяйствования отводилась кредитному механизму, способному заменить собой неэффективную систему “планового” снабжения².

Серьезные изменения должны были претерпеть органы, представляющие единый, общехозяйственный интерес, — Совет Труда и Оборона (СТО), Госплан. Повышение их действенности было неотделимо от преодоления в них самих ведомственных тенденций. Причем особую тревогу вызывало здесь будущее Госплана, опасность вырождения его в заменитель военно-

¹Законодательство о трестах и синдикатах. М., 1926. С. LIV, XII—XIII.

²Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 28,30.

коммунистических планово-распределительных учреждений (типа “чеквалапов”). Ведь концентрируя внимание на материально-ведомственных потоках, он мог постепенно превратиться в директивно-распределительного монстра, занимающегося увязкой натуральных пропорций и решением текущих проблем в ущерб стратегическим.

“Решительно приходится возражать против загрузки Госплана всякого рода чисто регулирующими функциями, касающимися уже выполнения тех или иных хозяйственных планов, вроде распределения и отпуска материальных ресурсов всякого вида, — писал тогда А.М. Кактынь. — Госплан должен, в целях достижения единства и систематичности в его работе, сохранить за собой лишь функции плановые; в противном случае он вырождается в расплывчатый политический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения”¹.

Особый разговор — о перспективах развития механизма планового хозяйствования. В отличие от военно-коммунистических идеологов, видевших неизбежность перехода к жестко централизованному национальному (а то и мировому) хозяйству, в отличие от буржуазных либералов, отстаивавших незыблемость принципа хозяйственной свободы и рыночных отношений, позиции теоретиков “планово-рыночной” экономики не могут быть определены однозначно.

В ряде исследований 20-х годов содержатся оригинальные и важные для того времени выводы о том, что принципы нэпа вводятся не просто “всерьез и надолго”, но несут в себе фундаментальные черты будущей системы хозяйствования, принципиально отвергающей администрирование. Определяя существо связанной с нэпом плановой системы, А.М. Кактынь видел в ней прежде всего переход от методов чисто административных к преимущественно экономическим и указывал на ошибочность воззрений на последние как на специфически капиталистические. Он резко критиковал характерные как для леворадикальных, так и для буржуазных идеологов утверждения, что “эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм... может производить это регулирование лишь самым грубым административно-бюрократическим способом, подавляя всякую инициативу и т.д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его”².

¹Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 21.

²Там же. С. 20.

Как бы развитием этих идей является и сформулированное в то время В.Н. Сарабьяновым предположение относительно перспектив развития планирования при социализме. В корне отрицая какое бы то ни было реальное социалистическое содержание в принципах 1918—1920 гг., он подчеркивал, что ничего подобного главкизму управления и централизму снабжения не будет знать не только переходный период, но и сам коммунизм, поскольку нельзя управлять из центра общественным производством, базирующимся на высокоразвитой и постоянно прогрессирующей технике.

Последовательно проводя мысль о том, что эффективное плановое хозяйство требует всестороннего развертывания самоуправленческих начал, В.Н. Сарабьянов пришел к следующей гипотезе: “В будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения, как и Центр.(альное) Стат.(истическое) Упр.(авление), к сведению, но не к обязательному выполнению”.

Разумеется, особенностью такого рода рассуждений авторов-марксистов было признание того факта, что в конечном итоге сохранение этих важнейших черт, означающих по сути дела своеобразное саморегулирование планового хозяйства, будет сопровождаться постоянным отмиранием товарно-денежных отношений. “Мы придем к натурально-социалистическим формам, но путь к ним лежит через товарно-социалистические”, причем “централизация будущего коммунистического Земного шара — это плод головы, работающей по логическим, мертвым схемам” Как точны эти слова Сарабьянова¹!

Однако большинство марксистского направления, активно развивающее плановую идеологию нэпа, перспективы социалистического хозяйства (хотя и очень далекие) видело все-таки в возвращении по существу к военно-коммунистической модели. Разумеется, речь не шла о признании исторически перспективными конкретных форм и методов организации хозяйства в те годы, но экономика “светлого будущего” представлялась неотделимой от прямого административного руководства со стороны центра деятельностью всех хозяйственных ячеек. Упрощение и нормализация хозяйственных процессов сделают их бесконфликтными, полагали экономисты социалистической (коммунистической) ориентации. А очевидность и однозначность наилучшего для всех варианта развития общества в каждый данный плановый период снимают сложность проблемы согласования интересов, и план сможет, наконец, стать “познанием естест-

¹Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа. М.—Л., 1926. С. 192.

венно-технической необходимости и сознательным проведением ее в жизнь через директивы планирующего центра”¹.

Обратим внимание, что приведенные здесь слова принадлежат известному представителю “бухаринской школы” Вероятно, такая позиция была характерна и для других приверженцев этого авторитетнейшего в 20-е годы направления марксистской мысли в СССР.

У многих исследователей склонность к подобным представлениям проявлялась также и в практических рекомендациях, когда задача определения общих перспектив социально-экономического развития страны оказалась тесно связанной с достижением текущей управляемости народного хозяйства. Особенно наглядно это проявлялось, например, в приверженности ряда видных экономистов догме о разграничении сельского хозяйства и промышленности (точнее, частного и государственного секторов советской экономики) с точки зрения различия механизмов планового воздействия на них. Многие марксистски образованные исследователи были склонны планирование и регулирование государственного хозяйства осуществлять по преимуществу методами прямыми (административными), связывая косвенное регулирование в основном с частным производством².

Впрочем, отмеченное различие в понимании далекого будущего плановой социалистической экономики еще не стало в рассматриваемый нами период предметом особых дискуссий, хотя этот фактор и оказывал определенное влияние на взгляды авторов — сторонников последовательного проведения новой экономической политики. С принципиальных позиций все они связаны были принадлежностью к одному направлению хозяйственной философии. Всех их объединяет понимание того, что не государственная власть (даже если это “власть победившего пролетариата”, владеющая значительной частью средств производства), диктует логику экономического развития, но, наоборот, экономика как целостный организм приемлет государственное вмешательство лишь тогда, когда оно осуществляется в логике развития этого организма.

Итак, уже в первые послереволюционные годы оформились две противоположные концепции планового хозяйствования. Разумеется, в работах одних экономистов определенная линия

¹Айхенвальд А. Советская экономика. М.—Л., 1928. С. 296.

²Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 8; Сокольников Г.Я. Осенние “заминки” и проблемы хозяйственного развертывания // Вестник финансов. 1925. № 11—12. С. 5—15.

проводилась более последовательно, другие работы отличались непоследовательностью. Но так или иначе противостояние идеологических доктрин было важным фактором развития теории и практики планирования и регулирования советской экономики на всем протяжении 20-х годов. Это противостояние постоянно, хотя и по-разному, проявлялось в дискуссиях и оказывало влияние при принятии практических решений.

Авторы “Экономиста” утверждали, что существуют некоторые общие предпосылки, без которых невозможен эффективный и динамичный прогресс социально-экономической системы. К ним они относили заинтересованность индивида в постоянном творчестве и всемерном проявлении личной инициативы, условием чего является свобода в производстве, в труде и в потреблении, полагая, что плановое хозяйство несовместимо с подобными принципами. Теоретики военного коммунизма были убеждены, что эпоха этих идей уходит в прошлое вместе с капитализмом. И, наконец, часть экономистов искала механизмы, при помощи которых можно согласовывать хозяйственный план с инициативой и предприимчивостью отдельных хозяйствующих субъектов. Возможно ли последнее? Если возможно, то при каких материально-технических, социально-экономических, политико-административных условиях? В каких хозяйственных формах? Только практика хозяйствования могла дать ответы на эти вопросы.

2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СРЕДА ПЛАНИРОВАНИЯ (РЫНОК ДЛЯ ПЛАНА)

Развитие теории и практики планирования в 20-е годы, решение разнообразных теоретических и прикладных проблем планового регулирования советской экономики неотделимы от реальных процессов и противоречий, которыми характеризовалось хозяйство в условиях нэпа. История нэпа и история планирования тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены, и кризисы одного становились одновременно и кризисами другого. Судьба нэпа в значительной мере зависела от того, будут ли найдены эффективные решения сложного комплекса проблем планового регулирования. Могут ли быть найдены такие решения в принципе.

В экономическом мышлении постепенно происходил сдвиг, имевший поистине революционное значение. До сих пор вопрос об утверждении плановой системы осознавался как самодостаточный по существу: имеется национализированное хозяй-

ство и в него должен быть “внесен” план, выражающий сознательное, волевое начало. Все дело заключается в том, чтобы правильно выработать этот план, максимально полно охватить им хозяйственные связи. Теперь же приходило понимание, что планомерность экономической жизни уходит корнями в механизм функционирования воспроизводственного процесса.

М. Савельев, активно участвовавший в дискуссиях начала 20-х годов, так характеризовал происходившие изменения в отношении к проблемам планирования:

«Некоторое время могло еще казаться, что все дело в отсутствии хорошего плана, что мы просто просчитались и переоценили свои силы, что стоит лишь этот “единый, хорошо подогнанный всеобъемлющий план” как следует “обмозговать”, свести концы с концами, а главное, найти ту аriadнову нить, при помощи которой можно было бы двигаться дальше по запутанному лабиринту разрозненных производственных программ и среди груды взятых с потолка цифр, и дело в шляпе. Но кончик этой магической ниточки все не давался нам в руки. И после длинной дискуссии и скучных прогулок по “бесплодным полям общепланового хозяйства” даже наиболее упорные оптимисты должны были признать, что с помощью одной общеплановой алхимии — как ни переставляй наличные народнохозяйственные элементы и как их ни комбинируй — не выйдешь на столбовую дорогу расширенного воспроизводства необходимых хозяйственных благ» (Савельев М. Перспективы хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1922. № 2. С. 3).

Итак, реальная планомерность предполагала наличие определенной экономической среды, в которой интересы участников воспроизводственного процесса могли бы открыто проявляться и согласовываться. Эту задачу и призван был решить нэп. Поскольку же нэповская экономика была прежде всего экономикой рыночной, а плановое регулирование мыслилось здесь как система государственного воздействия на рыночные отношения, постольку само становление плана, его конкретные формы и механизмы могут быть правильно поняты или оценены сквозь призму ломки и противоречий становления реального рынка, решения или нерешения возникающих в этой связи разнообразных проблем. Становление рынка происходило не просто.

Поворот к новой экономической политике в том виде, как она впоследствии вошла в историю нашей страны, произошел не сразу. Как-то принято ставить знак равенства между хозяй-

ством времен нэпа и широким развертыванием рыночных процессов. Однако будучи верным по существу, такое представление ошибочно с исторической точки зрения. Ведь X съезд РКП(б) принял решение лишь о замене продрозверстки продналогом, что, конечно же, далеко еще не тождественно утверждению рынка.

Нэп воспринимался поначалу как новый подход к решению пресловутой задачи укрепления “смычки” между рабочим классом города и трудовым крестьянством деревни — очень важной, но все-таки не единственной проблемы функционирования советского хозяйства. Ни о каком рынке или хозрасчете весной 1921 г. речь еще не шла. Лишь со временем внутренняя логика экономического развития приведет к таким существенным изменениям в первоначальном замысле, что нэп станет как бы синонимом регулируемого рыночного хозяйства, а планирование при нэпе будет рассматриваться как планирование в условиях господства рыночных отношений. Рынок должен был еще сформироваться. И для этой сложной системы экономических отношений недостаточно было принять соответствующие правительственные решения.

Ключевыми, конституирующими элементами рынка, без которых он не может эффективно выполнять роль объективного “счетчика” затрат и результатов (по образному выражению В.А. Базарова), а значит, и обеспечивать благоприятные условия для действенного планирования, являются следующие. Во-первых, основу хозяйственного процесса должны составлять самостоятельные субъекты производственных отношений, независимые друг от друга и от государственных органов управления. Во-вторых, отсутствие монополизма отдельных производителей или органов, а также прямого внеэкономического диктата со стороны государства или отдельных субъектов экономической жизни. В-третьих, финансовое оздоровление и наличие твердой валюты, способной обслуживать хозяйственный процесс, формируя устойчивые стимулы для расширенного воспроизводства, обеспечивая основы трудовой и предпринимательской мотивации, а также необходимые условия для объективной оценки вклада предприятий и отдельных лиц в рост народного благосостояния.

Воссоздание названных элементов рыночного хозяйства осуществлялось постепенно, на протяжении 1921—1923 гг., причем происходило оно в острой борьбе с идеями и практикой военного коммунизма. На этом пути было много противоречий, ошибок, проблем. Ведь приходилось переосмысливать очень многие фундаментальные положения, отказываться от многих тезисов, ранее высказывавшихся партийными вождями и счи-

тавшихся незыблемыми установками для построения нового общества.

Прежде всего надо было на практике преодолеть столь характерное для военно-коммунистической (да и вообще марксистской) доктрины понимание социализма как гигантской монополии, руководствующейся одним интересом. Этот процесс начался уже в 1921 г. Сперва преодоление тотального монополизма и появление отдельных хозяйствующих субъектов связывались с денационализацией части промышленности, с передачей ряда предприятий в частные руки, арендаторам, кооператорам или концессионерам. Ставя вопрос о необходимости “раскрепощения” известной части промышленности, М. Савельев обращал внимание на то, что именно “излишняя централизация и связывание всякой частной инициативы и явились серьезной причиной наших неудач”¹.

Но вскоре были сделаны новые шаги по расширению круга экономически самостоятельных предприятий. Если в первой половине 1921 г. в представлении многих экономистов и политиков этот процесс ограничивался еще рамками частичной денационализации, то с середины лета ситуация меняется кардинально. Во второй половине года предпринимаются практические действия по снятию предприятий с государственной дотации и переводу их на принципы хозяйственного (коммерческого) расчета. Формируются новые управленческие структуры, более соответствующие новой ситуации. На передний план выходит хозрасчетный трест.

Здесь уместно обратить внимание на несостоятельность еще одной иллюзии, широко распространенной в советской историко-экономической литературе в течение многих десятилетий. Поскольку хозрасчет стал действительно одним из существеннейших атрибутов нэпа, принято было видеть в переводе предприятий на новые условия выполнения изначально намеченного плана. Между тем первые шаги в этом направлении были порождены сложной хозяйственной ситуацией лета 1921 г. Обстановка не позволяла государству нести ответственность за обеспечение предприятий всеми необходимыми ресурсами. Производство останавливалось. Развал промышленности был дополнен невиданным неурожаем и голодом. Ничего более не оставалось, как по возможности предложить государственным предприятиям самостоятельно решать вопросы своего дальнейшего функ-

¹Савельев М. Очередные задачи хозяйственной политики // Народное хозяйство. 1921. № 4. С. 11.

ционирования. Однако это решение принималось в рамках логики рыночного хозяйствования, логики нэпа.

Формирование хозрасчетных трестов началось в августе 1921 г., когда СНК и СТО приняли ряд документов, центральным среди которых был “Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики” Завершением же этого процесса можно считать утверждение в апреле 1923 г. ВЦИК Декрета о трестах. Внедрение хозрасчета наносило серьезный удар по концепции плана-расписания. Хозяйственные отношения переводились в качественно новую плоскость. “Мы заранее ограничиваем себя от такой хозяйственной конструкции, когда бы отдельная человеческая личность коллектива рассматривала себя исключительно как винтик единого коммунистического организма, чувствовала бы, что она работает не под давлением материальной и прочей необходимости, а свободно, на основе отсутствия всякого принуждения”, — писал тогда М. Савельев¹.

Одновременно встал вопрос и о характере взаимоотношений государственных органов управления (точнее, ВСНХ) с хозрасчетными трестами, и о степени независимости последних, а также об их месте в системе будущего единого хозяйственного плана. Официальные документы не давали здесь четких ответов, что, впрочем, неудивительно — многое должна была подсказать сама жизнь. Типичной в этом отношении является резолюция IX Всероссийского съезда Советов, где говорится, что “хозяйственный расчет и общегосударственный план промышленности, основанный на точном учете ресурсов, производства и бюджета каждого государственного предприятия в отдельности и всех их вместе, должны лежать в основе всей государственной промышленности”².

Параллельно был поставлен на обсуждение и немислимый еще недавно вопрос о допущении конкуренции в советском народном хозяйстве. Уже в мае 1921 г. эта тема остро звучит в выступлении А.И. Рыкова на IV съезде совнархозов:

“Я должен здесь подчеркнуть одну из отрицательных черт, которая выработалась у многих из нас за период четырехлетней работы в области экономической жизни. Эта черта выросла у нас и воспиталась благодаря нашему монопольному положению в этой области. Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали путем реквизиции, конфискации и т.д. даже в том случае, если кон-

¹Савельев М. Организация крупной промышленности // Народное хозяйство. 1921. № 11—12. С. 24.

²Постановления IX Всероссийского съезда Советов. М., 1921. С. 15.

куренты были более толковы, чем наши органы. Мы, пользуясь преимуществом государственной власти, всегда имели возможность удалить конкурента из экономической деятельности и экономической жизни.

Этому должен быть положен самым решительным образом предел. Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы. Совершенно ясно, что не все из нас будут лучшими администраторами и более умелыми, чем концессионеры или даже старые фабриканты, вернее, они будут лучше; вместе с тем нами должно быть признано, что необходима громадная выучка. И потому плюс новой экономической политики свободного обмена — и большой плюс — заключается в том, что она заставит каждого из экономических работников подтянуться, дабы победить в открытом бою экономической конкуренции” (Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990. С. 195—196).

Такой же подход применительно и к внутреннему, и к внешнему рынкам со свойственным ему темпераментом отстаивал годом позже на XI съезде РКП(б) В.И. Ленин. Ему вторил Н.И. Бухарин.

Как видим, здесь пока дело ограничивается конкуренцией государственного сектора народного хозяйства с частным. Однако сама постановка проблемы была уже знаменательным фактом. Плановое хозяйство оказывалось системой, сочетаемой с конкуренцией, и в процессе конкуренции оно должно было продемонстрировать свое преимущество. Если раньше пролетарское государство выступало своеобразным носителем абсолютного экономического знания (которому известны все потребности и наилучшие пути их удовлетворения), то теперь речь пошла об экономических условиях, побуждающих государство и его предприятия функционировать эффективно, лучше удовлетворять запросы контрагентов, внимательнее относиться к положению своих работников. Иными словами, был поставлен вопрос о необходимости внешних экономических стимулов для эффективного функционирования государственной собственности, о недостаточности для этого государственного плана как источника эффективного пролетарского хозяйствования.

Позднее рамки этой проблемы были расширены до признания необходимости стимулирования конкуренции между государственными трестами с целью побуждения их к наращиванию выпуска продукции и снижению цен. Как ни покажется неожиданным, но подобный подход решительно пропагандировал, за-

няв пост руководителя НКПС, не кто иной, как Ф.Э. Дзержинский.

Естественно, что в такой ситуации остро встал вопрос о конкретных задачах планирующего экономического центра по отношению к самостоятельным и конкурирующим друг с другом предприятиям. Отмечая полезность возникновения отношений конкуренции внутри самого национализированного сектора, многие экономисты призывали дополнить эти решения укреплением государственного контроля за предприятиями. “Эта развивающаяся конкурентная борьба, может быть, имеет и положительные стороны, но она же таит и некоторые опасности, не учитывать и не предвидеть которых было бы большой ошибкой. Она открывает простор народнохозяйственной стихии... Контроль и регулирование работы предприятий осуществляются выработкой производственных планов и наблюдением за их выполнением; регулирование взаимоотношений осуществляется нормированием их торговой и меновой деятельности”, — писал, например, Л. Намарский¹. В этой связи постепенно формируется столь популярное впоследствии представление о “двухступенчатости” системы интересов субъектов планового хозяйствования, в которой государство выступает носителем общих, а предприятие — локальных интересов.

Все это были важные шаги в сторону, противоположную концепции “единой фабрики” и “плана-расписания”. Однако подобное понимание проблемы предполагало и сохранение за государственными органами управления права прямого руководства деятельностью подведомственных производителей. Этому в известной мере способствовало и сложившееся определение хозрасчетных трестов как органов государственного управления входящими в их состав предприятиями.

Проблема взаимоотношений самостоятельных хозрасчетных единиц и ВСНХ так и не получила четкого решения. Знаменитый Декрет о трестах, официально провозгласивший их автономию в первой статье, ниже так формулировал роль ВСНХ, что последний получал возможность вмешиваться в деятельность трестов практически по всем вопросам текущей хозяйственной жизни. Именно ВСНХ принадлежали такие важнейшие рычаги, как рассмотрение и утверждение плана трестов, назначение и утверждение членов их правлений. ВСНХ был обязан непосредственно вмешиваться в деятельность треста, если находил в ней “вредное направление” Столь же условной, как и возможность

¹Намарский Л. Организационные проблемы новой экономической политики // Народное хозяйство. 1921. № 10. С. 6—7.

самостоятельного принятия плановых решений, была и ответственность трестов за эффективность своей деятельности.

Наконец, надо также подчеркнуть, что в первые годы нэпа проходила интенсивная работа по оздоровлению финансов, стабилизации денежного обращения. Решение этих задач также происходило в сложных идеологических и хозяйственных условиях. Ведь многие считали, что время существования финансовой системы Советской России сочтено. Логика нэпа обусловила движение в диаметрально противоположном направлении.

В печати 1921—1922 гг. начинают активно обсуждаться вопросы формирования валютной системы, государственного бюджета, налоговой политики и др. Ключевым моментом экономической жизни того времени стало проведение с конца 1922 по начало 1924 г. денежной реформы, в результате которой падающий совзнак был вытеснен червонцем. Вместе с тем довольно противоречивым оставался сам механизм осуществления кредитно-денежной политики, что оказывало в ряде случаев дестабилизирующее воздействие на положение дел в народном хозяйстве. Искусственным оказался и курс червонца, что обуславливало в дальнейшем дополнительные сложности планового регулирования народнохозяйственных процессов.

Помимо трех уже рассмотренных нами собственно экономических условий, необходимых для свободного проявления экономических интересов как предпосылки их сознательного регулирования, существовала и еще одна проблема, без решения которой невозможно было поддержание устойчивых взаимоотношений между участниками хозяйственного процесса. Речь идет о правовом фундаменте, на котором строится хозяйственная жизнь. Плановое регулирование в нормальной, а не в чрезвычайной ситуации требовало и стабильного правового механизма, юридических норм, четко фиксирующих “правила игры” субъектов экономической жизни, переходя от абсолютного господства принудительных норм к нормам по преимуществу диспозитивным. Это — обязательный фактор преодоления анархии, создающий адекватные условия для предвидения хозяйственных последствий принимаемых решений. “Без законности не может быть экономического строительства”, — настаивал уже осенью 1921 г. С. Членов.

Он подробно развивал эту свою основную мысль:

«Всякое частное предприятие построено на предвидении будущего, на калькуляции. Без этого его нет. Всякая калькуляция исходит из некоторого числа постоянных данных и старается учесть некоторое количество переменных. Чем меньше постоянных и больше переменных, тем больше

калькуляция переходит в спекуляцию, предприниматель в спекулянта. Возможность, опираясь на закон, предвидеть юридические последствия как своих действий, так и действий своих контрагентов и вообще других лиц есть основа всякой частнохозяйственной деятельности. Там, где эти юридические последствия учтены быть не могут, там нельзя ничего предпринимать, ничего организовывать, нельзя вступать ни в какие договорные отношения...

Если мы не хотим, чтобы весь частный оборот свелся к спекуляции, паразитарной торговле и “кооперативному” и индивидуальному расхищению остатков государственного товарного фонда, то нужно создать правовую основу для существования здоровых частных предприятий. Нужно создать гражданские законы и гражданский суд. Суд независимый, революционный, неподкупный и юридически грамотный».

Приводимый здесь же пример наглядно свидетельствовал, как неустойчивость в области правопорядка может влиять на хозяйственную ситуацию, ограничивая возможности государственного маневра и государственного регулирования, противодействуя необходимому в этих целях упорядочению финансово-кредитной системы:

«Понесет ли буржуазия теперь деньги в банк?», спросили мы одного российского буржуа в день выхода декрета о неприкосновенности вкладов. Он нам ответил: “Неприкосновенность вкладов? А где неприкосновенность вкладчиков? Никто не понесет» (Членов С. Экономическая политика и революционная законность // Народное хозяйство. 1921. № 8—9. С. 26—27. Подчеркнуто мной. — В.М.).

Сама же политика реализации принципов нэпа оказалась еще более сложной и противоречивой. Военно-коммунистический угар сохранялся в сознании многих рядовых и нерядовых большевиков. План-расписание вовсе не отступил в сферу идеологии. Спротивление новой системе было ожесточенным. Представление о нэпе как об отступлении играло здесь свою роль. Теоретики военного коммунизма постоянно следили за тем, чтобы “отступление” не зашло слишком далеко. Они настойчиво предостерегали от “перегибов” в реализации нэпа, призывали одуматься, остановиться, не заходить “слишком далеко”, требовали противопоставить “коммунистическую реакцию” чересчур активным шагам по переводу предприятий на хозрасчет.

Резкие возражения вызывали предположения о развитии конкурентных начал в советской плановой экономике. Е.А.

Преображенский, полемизируя с идеями относительно конкуренции государства с частником, по сути дела выводил национализированный сектор за пределы общепринятых понятий экономической целесообразности, сопоставления затрат и результатов. Более высокая эффективность (выгодность, рентабельность) капиталистических производителей по сравнению с госпредприятиями не рассматривалась как существенный, критериальный фактор. По Преображенскому имеет значение лишь большая прогрессивность всей социалистической системы по сравнению с капиталистической. Отсюда — апология государственной монополии в условиях “диктатуры пролетариата” “Ограничение или даже ликвидация свободы конкуренции, всемерное использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими” — так кратко формулировал он свое кредо. И кредо это не оставалось лишь в сфере чистой теории.

Во многом аналогичных взглядов придерживался тогда и Л.Д. Троцкий. Было бы неверно зачислять его в разряд противников нэпа, как это было еще недавно принято. Он сделал немало для перевода российского хозяйства на рельсы новой экономической политики. Однако надо видеть и то, что, призывая к сочетанию на данном этапе планового регулирования с активным использованием рыночных категорий, Троцкий определяет основную задачу плана как создание наиболее благоприятных условий для развития госпромышленности — априорно самого передового сектора советской экономики. “Государственный план хозяйства в условиях нынешнего периода не ставит себе утопической задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка как основной формы распределения хозяйственных благ и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими факторами максимальное предвидение и единообразие и, таким образом, опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению”¹.

Последний вывод станет позднее весьма популярным среди наших коммунистических идеологов. Анафемы в адрес Троцко-

¹Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции. М., 1923. (Выделено мной. — В.М.)

го не помешали включить этот тезис, несколько его перефразировав, в принятую в 1961 г. третью программу КПСС.

Правовая ситуация была далека от того, чтобы обеспечить стабильность экономического поведения — как государственных, так и частных производителей. Частники сталкивались с поражением в политических правах. Юридические нормы были весьма противоречивы, позволяли двусмысленное толкование и тем самым — простор для беззаконий. Показательной в этом отношении являлась уже первая статья гражданского кодекса РСФСР — кодекса, призванного регулировать экономическую жизнь в государстве. Здесь говорилось, что государство охраняет всякие частно-правовые отношения, поскольку это не противоречит его социальному назначению. Понятно, такие формулировки могли стать источником злоупотреблений властей.

Более того, уже знакомые нам экономисты “героического периода” нередко апеллировали к революционному энтузиазму рабочих, видя в нем противовес всему тому, что казалось им возрождением буржуазных порядков. Вот характерный пример.

«Атмосфера рабочей диктатуры разлита в нашей стране. Мы писали постановления о почитании спецов “зеницами ока”, мы уславливались считать, что профсоюзы “не имеют отношения” к управлению предприятием, мы шумно насаждали “гарантирующий приложение частного капитала правопорядок” (даже ВЧК превратили в ГПУ) — и на днях у меня было два посетителя.

Председатель одного губпрофсовета на вопрос “Сколько процентов среди директоров предприятий вашей губернии составляют рабочие?” обстоятельно ответил: “На предприятиях, подчиненных губпрофсовету, мы провели почти все 100 % рабочих, а о предприятиях, подчиненных центру, у меня точных сведений нет”. По всем законам, собственно, не существует предприятий, “подчиненных губпрофсовету” Но он, рабочий этой губернии, член губкома, председатель губпрофсовета, и делая не официальный доклад, а просто разговаривая, он и говорит “по неписаной конституции” А когда вы обращаете внимание на обмолвку, он приятно ухмыляется во всю ширину. Для “высшей политики”, надо понимать его усмешку, мы проголосуем все, что надо, но какая цена “зеницам ока” и у кого в руках остаются вожжи, про то все мы превосходно знаем без всяких разговоров.

Другой товарищ из Ростова-на-Дону. Оказывается, они по “нэпу” перешли на снабжение города хлебом частными булочными. Владельцы пекарен, “вложив частный капитал”, пожелали с течением времени покруче использовать конъюнктуру (положение рынка) и взвинтили цены. Им предложили понизить, но, ссылаясь на условия рынка и свои интересы, они отказались. “Что же у вас сделали?” — “А у нас реквизировали все булочные” — “А потом что?” — “Отдали все булочные кооперативам, помогли им, и они организовали выпечку” — “Что же владельцы сделали?” — “А владельцев посадили в тюрьму за сговор с целью повышения цен на хлеб”» (Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923. С. 53).

Понятно, что в этих условиях у хозяйствующих субъектов не могло сформироваться никакой устойчивой мотивации расширять производство. А ведь плановое регулирование рынка все основывается на такой мотивации и возможности воздействия на нее со стороны государства при помощи экономических рычагов. Плановое регулирование оказывалось в крайне неустойчивом состоянии. Эффективность подобной деятельности оказывалась минимальной. План-расписание не уходил, а оставался рычагом, еще ждущим своего применения вместо сомнительного планового регулирования рынка.

* * *

Противоречия экономической среды периода становления нэпа нашли отражение не только в дальнейшей хозяйственной практике, но и в конкретных вопросах планового регулирования народного хозяйства. Соответственно развивалась и методология планирования. В напряженной борьбе формировались и институциональные основы планового хозяйствования. Об этом и пойдет у нас теперь речь.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ ИЛИ ИЗ БУДУЩЕГО В НАСТОЯЩЕЕ?

По мере восстановления рыночного хозяйства происходило постепенное формирование методологических основ макроэкономического планирования, и особенно планирования перспективного. Ведется работа по уточнению и конкретизации

новых методических, организационных и иных условий, необходимых для появления целостного и реалистичного плана.

Военно-коммунистический опыт здесь мало чем мог быть полезен. Зарубежная практика также отсутствовала — регулирование народного хозяйства в капиталистическом мире, миновав военно-централистскую стадию, решительно отказывалось от приобретений экономической жизни того периода. Словом, проблему колоссальной сложности приходилось решать в одиночестве, так как задачи целенаправленного воздействия на национальное хозяйство станут вновь актуальными для Запада несколько позднее. Советская Россия, однако, должна была заниматься вплотную этими вопросами уже теперь — в силу идеологических (социализм не мыслился вне планирования), а главное, социально-экономических причин, связанных с существованием гигантского госсектора, деятельность которого следовало направлять, контролировать и координировать с остальной частью народного хозяйства.

Формирование новых методологических подходов происходило постепенно. Весь 1921 г. уровень развития идеи планирования еще не позволял существенно продвинуться за рамки военно-коммунистической методологии. Прозрачность заменялась продналогом, часть предприятий денационализировалась, часть переводилась на хозрасчет, а экономисты продолжали свою старую дискуссию о путях построения единого хозяйственного плана. Выходят статьи, авторов которых интересует, как же точнее сконструировать всеобъемлющий план-расписание, причем особое внимание уделялось осмыслению и использованию накопленного в 1918—1920 гг. опыта. Планы и программы военного коммунизма оценивались как непосредственные шаги к подлинному плановому хозяйству уже в новых условиях, а сам этот план предстает лишь как количественное развитие характеристик прежних усилий и мероприятий. Вновь и вновь подтверждается, что именно национализация средств производства, “овладение” вольным рынком и замена его государственным распределением создают благоприятные условия для общехозяйственного плана. В то время как дискуссия по проблемам планирования все еще сводится к обсуждению технологии разработки плана, т. е. к совокупности процедур, позволяющих получить директивный документ, взаимосвязанный во всех его частях.

Однако постановки такого рода были обречены. Ведется работа по уточнению и конкретизации новых методических, организационных и иных условий, необходимых для появления целостного и реалистичного плана.

Первоначально дело ограничивалось разработками экономико-статистического характера применительно к отдельным отраслям народного хозяйства. Стабилизация финансово-экономической обстановки, появление устойчивой валюты повышали реализм подобных расчетов. Будучи зачастую еще весьма предварительными, эти разработки все-таки могли играть роль каких-то ориентиров для оценки перспектив хозяйственного роста.

В течение 1921—1923 гг. разворачиваются исследования советского рынка, его основных характеристик, особенно емкости, как исходного пункта народнохозяйственного плана. Предметом специального внимания становится анализ состояния и перспектив развития производительных сил вообще и основного капитала в частности, ведутся работы по экономическому районированию, налаживаются конъюнктурные наблюдения. На этой, пока еще довольно рыхлой, почве были приготовлены в 1923 г. Госпланом доклады о перспективах развертывания ряда крупных отраслей советской экономики — промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Во всем этом специалисты видят первые шаги по направлению к полноценному плановому хозяйству. Удастся ли? И от этих ли шагов в действительности зависит эффективность планового механизма? Или важны какие-то иные факторы? Ответ могли дать лишь время и опыт. Пока же вопросы ставились гораздо более узко и конкретно. В основном они носили прикладной характер. Время абстрактных рассуждений и грандиозных проектов пока прошло, они ассоциировались с бесполезными фантазиями военного коммунизма. Разумеется, это не означало невнимания к макроэкономическому анализу: народнохозяйственное планирование не могло мыслиться иначе, как комплекс крупных общеэкономических проблем. Но ставились и решались они теперь по преимуществу в экономических категориях в противовес экономико-организационному подходу недавнего прошлого. Первостепенное внимание уделялось уже не тому, какие органы и в какой последовательности должны вырабатывать плановые документы, но поиску и совершенствованию экономического инструментария, обеспечивающего тонкий анализ ситуации, динамики хозяйственных процессов, характера ближайшего и отдаленного будущего.

Особый интерес вызывали вопросы теории и практики балансового метода, считавшегося с самого начала одним из ключевых вопросов планирования. Прежде всего речь шла об изучении реальной хозяйственной ситуации сквозь призму межотраслевых связей. Отчетный баланс, проблема-

ми которого в той или иной мере занимались многие видные экономисты страны, должен был стать основой для построения в дальнейшем баланса планового.

“Вне балансового построения никакие перспективные планы немыслимы, нужно все соразмерить и соотнести друг с другом, иначе у вас или окажется, что нет экономических ресурсов... для прекрасных технических возможностей, или окажутся экономические ресурсы для использования этих технических возможностей, но не окажется надобности, для которой эти продукты будут произведены вами, а может быть, и надобность будет колоссальная, а купить никто не сможет и они будут лежать на складах и затруднять дальнейший процесс воспроизводства”, — энергично говорил в конце 1923 г. В.Г. Громан, выступая со специальным докладом о проблемах народнохозяйственного баланса в СССР¹.

И действительно, в ведущих экономических органах страны разворачивалась интересная работа по определению методологических подходов к построению балансовых схем, а также по изучению на этой основе состояния и перспектив развития советского народного хозяйства. В 1923 г. экономико-статистическая секция Госплана приступила к построению итоговых народнохозяйственных балансов за 1923 г., а также за 1920—1922 гг., данные которых могли сыграть вспомогательную роль при оценке макроэкономических показателей, необходимых для определения перспектив. В отличие от первоначальных “натуралистических” представлений о задачах балансовых исследований в этот период происходит ясное осознание того, что планирование в не меньшей мере, чем материально-вещественной пропорциональности, требует балансовой проработки проблем реализации. Госплан особо подчеркивал важность выработки единого — стоимостного, материального и трудового — баланса как для всей страны, так и для отдельных ее регионов.

Уникальная работа была выполнена сотрудниками ЦСУ во главе с П.И. Поповым — разработан первый отчетный баланс народного хозяйства на 1923/24 г. Для этого пришлось решить ряд специальных методологических проблем, среди которых особое место занимает идея, получившая впоследствии название “затраты — выпуск”. К сожалению, практика разработки таких документов на этом оборвалась на весьма длительный период, да и сами итоги работы ЦСУ могли оказать лишь косвенное воздействие на собственно плановую работу. Баланс на

¹ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 122.

1923/24 г. был опубликован только в 1926 г., и для многих экономистов, включая специалистов Госплана, он оставался до этого времени недоступным.

Я считал особенно важным обратить внимание именно на данный момент в становлении плановой методологии, поскольку в недалеком будущем проявится довольно двусмысленное положение балансовых проблем в общей теории планирования народного хозяйства. Балансовые схемы, с одной стороны, смогут образовать жесткий каркас тотального плана, связанного со сломом нэпа и последующим торжеством административно-директивного хозяйствования в СССР. Но, с другой стороны, развиваясь в обстановке рыночной экономики и политической демократии на Западе, анализ балансовых проблем будет нести в себе и высокий интеллектуальный потенциал, позволивший качественно углубить макроэкономические исследования (начиная с работ эмигрировавшего в США В.В. Леонтьева).

Повышенное внимание экономистов к конкретным вопросам методологии планирования не означало, однако, принижения роли проблем принципиального характера, крупных альтернативных подходов, лежащих в основе самой системы регулирования рыночного хозяйства. Пожалуй, лишь на какое-то время ослабло напряжение в полемике на эту тему, но не надолго. В центр дискуссии встают собственно методологические основы планирования. Анализируя их, экономисты стремятся ответить на ключевой вопрос, суть которого можно сформулировать примерно так: как добиться органического сочетания в рамках переходного хозяйства значительных потенциалов рыночных стимулов и предпринимательской инициативы с преимуществами координирующей деятельности центра, позволяющей экономить силы, избегать напрасной потери ресурсов.

При решении возникающих здесь задач можно было двигаться двумя принципиально разными путями. Один предполагал делать акцент в политике центра на всесторонний учет рыночных тенденций, содействуя их наиболее полному выявлению и амортизируя неизбежные тут негативные моменты. Другой, принимая рынок как объективную реальность, дающую определенные преимущества на нынешнем этапе развития страны, — проводить такой централизованный курс, который по возможности нейтрализовал бы стихийные проявления товарно-денежных отношений. В первом случае целевые установки централизованного регулирования выступают как результат тщательного анализа объективно складывающихся экономических тенденций, альтернатив и возможностей, заключенных в наличных ресурсах (социальных, материальных, финансовых). Во втором —

цели плана основываются на социальных установках и потребностях политической власти (правящего класса), а рынок, создавая определенные стимулы для хозяйствующих субъектов, не имеет решающего значения в собственно плановой деятельности — целеполагании, выборе приоритетов роста и последовательности предпринимаемых мер; рыночные тенденции и индикаторы следует учитывать и при необходимости нейтрализовать.

Понятно, что названные подходы имеют весьма различную методологию. Было бы неоправданным упрощением сводить размежевание между ними к рассмотренному выше противостоянию плановой идеологии нэпа и военного коммунизма. Связь здесь есть, но она не столь прямолинейна. Различие в методологии планирования по критерию той или иной оценки роли рынка проходило между экономистами — активными приверженцами принципов новой экономической политики. И если с начала нэпа противостояние в области идеологии между его сторонниками и противниками приняло открытые, непримиримые формы, то альтернативность методологического характера, о которой мы сейчас ведем речь, проступала гораздо менее отчетливо. В отличие от первого разделения здесь нередко были колебания отдельных экономистов, причем весьма крупных, между двумя направлениями. Эта противоречивость позиций исследователей на первых порах оставалась элементом научного поиска и лишь позднее вышла за рамки науки, став фактором идеологического противостояния.

Пока же, в первой половине десятилетия, происходило только формирование двух качественно различных подходов к методологии построения плана, остававшийся еще в системе новой экономической политики. Рассматривая их, мы будем обращаться к работам ряда видных советских экономистов. Однако надо иметь в виду, что из-за определенной нечеткости позиций многих из них разграничение может быть проведено лишь условно. Но оно ни в коем случае не сохранится таким позднее, когда научные дискуссии будут переведены в идеологическую и политическую плоскости.

Одно направление в методологии планирования связывается с именем Н.Д. Кондратьева, его соратников и единомышленников по Наркомзему и Конъюнктурному институту. Этот видный экономист, известный своими работами в области макроэкономического анализа, подходил к народному хозяйству, как к живому организму, тщательнейшее изучение которого позволяет определить направление его развития и основные характеристики его состояния по прошествии определенного времени. Этот подход можно было бы сравнить с ролью врача, главным прави-

лом поведения которого является “Не навреди!” Вмешательство в организм с целью ли его лечения или профилактики допустимо лишь при знании его “анамнеза”, характера прошлой жизни и внутренних ресурсов, имеющихся на данный момент в наличии.

Н.Д. Кондратьев видел в плане по возможности точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Чем точнее прогноз, тем он лучше. Естественно, прогноз не должен был ограничиваться описанием тенденций социально-экономических изменений в стране вообще, но иметь достаточно четкие временные рамки, придающие ему необходимую степень конкретности. Пожалуй, имея альтернативу: точный прогноз на ближайшее будущее или приблизительная обрисовка общих перспектив на длительный срок, Н.Д. Кондратьев отдал бы предпочтение первому варианту.

Роль научно-прогностической деятельности здесь не связывалась исключительно с особенностями советской хозяйственной системы, с ее социально-политической природой (диктатура пролетариата) и особым экономическим режимом (высокий удельный вес национализированного сектора). Эта проблема рассматривалась в широком контексте развития мировой цивилизации и научной мысли, всегда пытавшейся соединить прошлое, настоящее и будущее. “Стремление человека приподнять завесу грядущего и предвидеть ход событий имеет такую же длинную историю, как и его попытки понять окружающий мир”, — напишет немного позднее Кондратьев¹, четко формулируя тем самым общую основу своего подхода к планированию.

Все это, однако, вовсе не означало сведения роли прогноза к пассивному наблюдению за “ходом болезни” пациента — народного хозяйства, за стихийным развитием организма, предоставленного исключительно самому себе. Такие обвинения в адрес кондратьевской школы станут неотъемлемыми аргументами борьбы с “кондратьевщиной”. Разумеется, “кондратьевцы” признавали необходимость учета особенностей планирования и прогнозирования в советских условиях — их было бы просто невозможно игнорировать. Также признавалось необходимым и возможным активно вмешиваться “в ход событий окружающей социально-экономической среды” для овладения стихийными процессами и подчинения их сознательному руководству со стороны государства. Другое дело, что планы будущего развития

¹Кондратьев Н.Д. Проблемы предвидения // Вопросы конъюнктуры. 1927. Т. 2. № 1. С. 1.

хозяйства тесно связывались с предвидением этого будущего. А предвидение требует объективного анализа. В этой связи Кондратьев и его единомышленники разрабатывали широкий круг теоретических проблем экономической динамики, позволяющей выявлять тенденции развития народного хозяйства, их связь с текущей конъюнктурой¹.

Предполагалось получить таким путем важную информацию, необходимую для построения самого народнохозяйственного плана. “Совершенно очевидно, что проблема планового руководства социально-экономической жизнью органически связана с проблемой предвидения. План, конечно, — не только предвидение стихийно развертывающихся событий. План одновременно есть и программа сознательных действий. Но план без всякого предвидения ничто”².

По мнению Н.Д. Кондратьева, высказанному еще в ходе дискуссии о методологии планирования в Госплане в ноябре 1923 г.³, перспективный план должен включать четыре части. Во-первых, анализ фактического положения, оформленный по возможности в виде баланса народного хозяйства. Во-вторых, оценку выявившихся реальных тенденций с точки зрения тех принципов экономической политики, которые можно принять для ориентировки в обстановке.

В-третьих, некоторую характеристику будущего состояния хозяйства. Но, в отличие от обрисовки исходного состояния, в этой части плана балансовую форму Кондратьев считал недопустимой. Упор предполагалось делать на качественные характеристики, в минимальной мере дополняя их количественными. Это был, пожалуй, ключевой момент данной позиции: “Я лично считаю применение метода баланса в тесном смысле слова к перспективному плану в смысле построения баланса будущего невозможным. Мы можем иметь баланс, но я считаю, что построение баланса перспективного — это задача утопическая”.

Н.Д. Кондратьев пояснял свою мысль примером, который был тогда у всех перед глазами: “Если нота Керзона в состоянии изменить баланс угольной промышленности, то о каком балансе всего народного хозяйства, построенном на 5—10 лет, можно говорить” Нетрудно заметить, что в этих словах содержится решительный протест против фетишизма плановых показателей, ставшего неременным атрибутом административного

¹Кондратьев Н. К вопросу о понятиях экономической статистики, динамики и конъюнктуры // Социалистическое хозяйство. 1924. Кн. II.

²Он же. Проблемы предвидения. С. 3.

³ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 98—99.

планирования и заставлявшего игнорировать объективную логику хозяйственной жизни. Очевидно, уже тогда проявилась склонность центральных органов решать экономические проблемы одним путем — простым фактом фиксации их в плановом документе в виде определенных количественных параметров. В дальнейшем при разработке проектов пятилетних планов этот вопрос встанет с еще большей остротой и приобретет непосредственно практическое звучание.

Наконец, в-четвертых, план, по Кондратьеву, должен включать систему принципов, методов и мероприятий по осуществлению намеченных перспектив. Во главу угла здесь ставился вопрос об организованности и упорядоченности рынка¹. Кстати, акцент на товарные, рыночные механизмы постоянно звучал в выступлениях Н.Д. Кондратьева. Это смущало многих плановиков, в том числе и придерживавшихся в общем умеренных взглядов. “Н.Д. Кондратьев неправ в своей попытке идти по линии нэпа к законченному товарному рынку”, — заметил как-то Г.М. Кржижановский, солидаризировавшись в этом пункте с таким радикально левым участником дискуссии, как Е.А. Преображенский².

Начало другого направления в плановой методологии связано с именем В.А.Базарова. Я написал здесь его имя не без внутреннего сопротивления. Подход, который получил в работах Базарова первоначальное и, пожалуй, наиболее глубокое обоснование, вскоре окажется идеологическим орудием, использованным для интеллектуального террора и по отношению к кондратьевской школе, и по отношению к самому В.А. Базарову и близким ему экономистам. Разумеется, не в постановках Базарова кроется причина этого террора. Но факт остается фактом — идеи, впервые получившие развернутое обоснование в базаровских работах, были использованы в политической борьбе и послужили целям безусловно преступным.

А начиналось все просто, безобидно и с научной точки зрения чрезвычайно интересно. Анализируя проблемы восстановления и дальнейшего развития российской экономики, В.А. Базаров и ряд его коллег поставили проблему оптимального (в техническом, экономическом и социальном отношениях) пути, позволяющего обеспечить коренную реконструкцию народного хозяйства страны. Развитие альтернативно, рассуждали они, и надо из множества вариантов выбрать наиболее предпочтительный. Тем более, что в советских условиях возможности влияния

¹См.: ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 127. Л. 357.

²Там же. Л. 324.

на экономический процесс становятся весьма значительными благодаря активной роли в этом деле государства.

Определение крупной цели общественного развития, этапов на пути к ней и механизмов ее достижения — в этом видел суть народнохозяйственного плана В.А. Базаров. Строго говоря, в его логике не было места планированию обычного, плавно функционирующего народного хозяйства, когда все параметры известны и осуществляется нормальный, так сказать, процесс расширенного воспроизводства, т. е. рост масштабов хозяйственной системы без качественных преобразований в ней, вызванных социальными потрясениями или техническим прогрессом. Иное дело, когда возникает потребность глубоких структурных перестроек. Именно здесь и необходим настоящий перспективный план.

В.А. Базаров достаточно осторожно интерпретировал свое понимание роли плана и методологии его построения. С одной стороны, он не считал возможным ориентироваться при определении количественных параметров плановой цели на достижение пропорций 1913 г., что в общем-то было типично для многих его современников и имело под собой определенные основания. Такой подход, придавая формальный реализм плановым расчетам, мог вести к выбору отнюдь не оптимального пути решения задач реконструкции экономики.

Но Базаров ясно видел опасность увлечения радужными проектами светлого будущего, предостерегал против романтизма и волюнтаризма в определении плановых целей и механизмов. “План должен дать не вдохновляющую широкую картину возможных или желательных достижений, а точный чертеж и строгий учет тех объективно необходимых ближайших преобразований, без которых здоровое развитие народного хозяйства невысказано”¹.

Выступая в Госплане с докладом о методологии перспективного планирования (ноябрь 1923 г.), В.А. Базаров так определил свое понимание в тот период целевой установки плана: “Конечным пунктом перспективного плана мы должны поставить такой базис народнохозяйственной жизни России, при котором развитие производительных сил, достигая примерно довоенного уровня, характеризовалось бы максимальными качественными сдвигами, которые уничтожили бы явные аномалии довоенного хозяйства, в частности, существенно сгладили бы противоречия между городом и деревней”².

¹Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. С. 6.

²ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 113.

Механизм достижения цели был другим важнейшим элементом данной концепции. Именно здесь принцип оптимальности должен был проявиться наиболее полно. Размышляя об этом, В.А. Базаров пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу. Неверным оказался очевидный, казалось бы, тезис, согласно которому о качестве плана можно судить по степени его выполнения. Сквозь призму оптимизационного подхода ситуация оказывается иной — совпадение плановых установок с результатами при определенных условиях может свидетельствовать лишь о том, что планом намечался неоптимальный путь, который и был реализован на практике.

В.А. Базаров конкретизировал свои рассуждения, сформулировав важнейшие критерии оптимальности планов, которые имеют общеэкономическое значение и стали важным моментом становления в будущем оптимизационных исследований. Во-первых, плавность движения народного хозяйства от исходного состояния к нормативному, что предполагает наличие определенных хозяйственных резервов. Во-вторых, “соразмерность и внутренняя согласованность отдельных элементов реконструктивного процесса”, что означает обеспечение в любой точке движения хозяйственной системы максимально устойчивого подвижного равновесия, обеспечиваемого системой среднесрочных планов. В-третьих, выбор кратчайшего, при соблюдении первых двух условий, пути к достижению намеченной цели, что выдвигает вперед в качестве актуальнейшей проблему темпа, по отношению к которой иные критерии становятся вторичными. Если первые два критерия играют роль ограничений в формуле оптимизации, то третий задает целевую функцию (Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9—13).

Наконец, еще одной принципиальной для базаровской логики планирования чертой являлся отказ от определения жестких календарных сроков выполнения намечаемых целей, достижения искомого качественного состояния общества. Вряд ли, указывая на это, В.А. Базаров мог предвидеть те уродливые формы “календарно-планового” фетишизма, которые очень скоро займут прочное место в нашей политической и экономической жизни. Выполнение планов к праздникам еще не стало обычным явлением советской действительности в начале — середине 20-х годов. Однако имеющуюся здесь опасность формализации планового механизма предчувствовать, наверное, уже было можно. В отличие от сторонников рассмотренного выше направления в методологии планирования Базаров считал необхо-

димым намечать качественные характеристики целевого состояния и промежуточные этапы, а не привязывать их к каким-то календарным датам. Упор здесь делался на достижение искомого равновесия, т.е. пропорционального прохождения системы через определенные рубежи при движении к цели. Конкретные же сроки зависят от экономических, политических, социальных и иных обстоятельств, многие из которых невозможно учесть заранее. Иными словами, целевое состояние экономики описывается балансом, но сам этот баланс будет достигнут не к такой-то дате, а тогда, когда обстоятельства позволят его достичь. Зато в результате система будет находиться в равновесии, и ей удастся избежать кризисов и потрясений роста.

Зигзаги неизбежны, утверждал В.А. Базаров:

“И как раз на фоне неустранимых фактических зигзагов регулятивное значение тщательно продуманного плана выступает особенно ярко, ибо только идеальная линия плана дает возможность своевременно заметить каждый отдельный зигзаг, оценить его опасность и сосредоточить все усилия на подтягивании отстающих отраслей хозяйственного строительства. При отсутствии перспективной плановой директивы такое выравнивание линии развития происходит лишь на основании уроков опыта, лишь по мере того, как оказывающиеся в минимуме отрасли приводят к фактической дезорганизации все хозяйственное целое, т.е. сопровождается громадной добавочной растратой производительных сил и государственных средств”

“План дает лишь координаты той точки, какой мы во что бы то ни стало должны достигнуть, если желаем хозяйственного возрождения страны; отдельные отрезки пути к этой точке могут быть определены по величине и направлению лишь в конкретной обстановке места и времени; претендовать на сколько-нибудь точный априорный расчет погодного осуществления перспективной программы было бы или наивным утопизмом, или прямым шарлатанством”

Впрочем, такой подход не отрицал возможность проработки в аналогичных целях проблем хозяйственного роста в 5-, 10- и даже 15-летней перспективе, имея в виду, однако, “грубо приближительный характер” подобных расчетов (Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. С. 10—11).

Как видим, логика построения плана здесь существенно отличалась от кондратьевских представлений. На основе определенной целевой установки Базаров предлагал осуществлять следующие шаги к плану. Во-первых, составлять перспективный и

текущий балансы народного хозяйства; во-вторых, учитывать изменения в области техники, которые были бы важны для достижения цели; в-третьих, определять на этой основе размеры необходимых затрат; в-четвертых, рассчитывать ориентировочные данные по финансам и календарные сроки (в той мере, в какой это целесообразно). Подчеркивая необходимость балансовой проработки перспектив хозяйственного роста, В.А. Базаров уточнял, разумеется, что речь не идет о “бухгалтерски-безукоризненном балансе”: “Полного баланса не будет, но необходимо создать некоторую схему балансового типа”¹.

Отдельные этапы на пути к коренной реконструкции советской экономики должны были характеризоваться определенными качественными признаками. Обычно выделялся один из таких рубежных моментов — переход от преимущественно восстановительного роста к реконструктивному. Отрицая необходимость последовательного решения задач первого и второго этапов, многие экономисты подчеркивали переплетение обоих процессов в реальной жизни и крайнюю условность разграничения их во времени. Однако надо было ответить: когда наиболее целесообразно отказаться от политики сознательного стимулирования именно восстановительных тенденций и переключиться на поддержку реконструктивных задач. От этого зависела и стратегия экономической политики — ведь закономерности развития обоих процессов противоположны. Экономический рост, осуществляющийся под воздействием восстановления, с течением времени замедляется, а реконструктивный — ускоряется.

Проведя подобный анализ, И.Г. Александров (один из ведущих сотрудников Госплана) показал, что наиболее выгодным моментом перехода от восстановления к реконструкции является момент, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно равным. Если реконструкция начинается раньше или позже, то государство может понести крупные убытки из-за совершенно излишней и невосполнимой растраты производительных сил².

Как видим, данный методологический подход не отрицал важности изучения реальных тенденций и закономерностей хозяйственной жизни. Кроме того, он содержал в себе еще один важный принцип, который, с одной стороны, был призван конкретизировать методологию планирования, опираясь на особенности советского хозяйства, а с другой стороны — явился базой

¹ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 138. Л. 102, 113.

²Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924. С. 1—3.

для многочисленных политических спекуляций конца 20-х годов.

Работая над проблемами методологии планирования, В.А. Базаров в том же 1923 г. выступал с идеей необходимости разграничения двух качественно различных подходов — “генетического” и “телеологического”. Пользуясь этой терминологией, изложенные выше взгляды Н.Д. Кондратьева следует характеризовать как генетические. Под этим термином понималось выведение контуров будущего из тенденций настоящего и прошлого. Напротив, телеологический подход предполагал построение плана, опираясь на стоящие перед обществом цели путем осуществления таких преобразований, которые являются наиболее желательными и выражают “тенденции здорового и прочного развития”

В.А. Базаров предложил четко разграничивать эти подходы по секторам народного хозяйства. Понятно, что телеология связывалась им с развитием промышленности и национализированных отраслей. Генетика же относилась к необобществленному хозяйству, и особенно к сельскому, поскольку “здесь государство не является хозяином и может лишь косвенно стимулировать те или другие естественно намечающиеся тенденции мерами экономической политики”.

В.Г. Громан, в то время близко друживший с В.А. Базаровым, определял соотношение генетики и телеологии более решительно:

“Учет объективных тенденций не равнозначен пассивному преклонению перед ними. Можно и должно противопоставлять этим тенденциям определенные телеологические цели, но лишь при условии, если в самой жизни могут найтись элементы, развитию которых можно оказать содействие и которые объективно изменят указанные тенденции, можно рассчитывать на успех в осуществлении и поставленных телеологических задач. Пока таких объективных элементов нет, от данного телеологического намерения надо отказаться” (ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 191. Л. 241).

Базаров признавал известную условность своего разграничения и вместе с тем приходил к заключению об определяющей (из-за аграрного характера российской экономики) роли генетически выведенного плана сельского хозяйства как основы телеологических мероприятий в других отраслях. В этой логике уже содержался искусственный разрыв, опасность противопоставления одного другому, на что несколько позднее обратили внимание экономисты. Однако если бы все дело ограничилось чисто научной полемикой, то никаких особых сложностей и трагедий

в анализе методологических проблем вообще, и соотношения генетики и телеологии в частности, наверное, и не возникло бы.

Кстати, и в более широком смысле рассмотренные общие методологические подходы, хотя и были качественно различны, оставались доступными для принципиального согласования: они не несли в себе еще идеологической несовместимости. Естественным и желательным было совмещение прогноза объективной ситуации и поиска оптимального пути социально-экономического роста. Важным фактором согласования обоих подходов могло стать изучение объективных закономерностей восстановительного процесса, которое действительно началось на рубеже 1922—1923 гг. Наконец, нельзя не заметить, что они дополняли друг друга даже в осмыслении тех признаков планового фетишизма, которые угрожали системе централизованного планового руководства народным хозяйством. Н.Д. Кондратьев предостерегал от увлечения формальной, количественной стороной дела, В.А. Базаров — от увлечения имеющими столь же формальное значение календарными сроками. Плановый фетишизм, действительно, особенно ярко проявился именно в этом.

Однако... В научную дискуссию вскоре были привнесены политика и идеология. Это оказалось губительным и для исследований, и для исследователей. Концептуальные и методологические расхождения приняли непримиримые формы. Но здесь мы опять забежали немного вперед.

4. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ (ГОСПЛАН И НАРКОМФИН В 1922—1925 ГОДАХ)

Важной особенностью экономической жизни начала 20-х годов было отсутствие монополизма и жесткой иерархии в планово-экономической деятельности. Помимо основных общехозяйственных органов (Госплана, Народного комиссариата финансов), различные отраслевые и региональные органы также разрабатывали плановые гипотезы, выходившие, как правило, за рамки подведомственного характера и содержавшие предположения общеэкономического смысла. В этой деятельности не обходилось, разумеется, без противоречий и ведомственных амбиций. Но очень быстро выделилась одна проблема, занявшая ключевое положение и выражавшая глубинное, сущностное противоречие. В основе регулирования хозяйственной жизни лежат два принципиально важных элемента, трудно согласуемых на практике, но одинаково необходимых для выработки и осуществ-

вления экономической стратегии. С одной стороны, это текущее регулирование народного хозяйства, поддержание в нем постоянного рыночного равновесия — подвижного, динамичного и в то же время устойчивого. Здесь — основное условие управляемости хозяйственно целого, то есть действенности мер экономической политики и адекватной реакции на них производителей и потребителей. С другой стороны, существуют и проблемы собственно планирования, определения целевых установок народнохозяйственного роста, механизмов и путей их достижения. Оба элемента не могут существовать друг без друга.

Однако в советской экономике решение этих двух задач не было институционально согласовано. Регулированием текущей хозяйственной жизни занимался в основном Наркомфин, а проработка общехозяйственных перспектив изначально вменялась в обязанность Госплану. Этот разрыв дорого обошелся нашей экономике. Дело здесь, конечно, не сводится к тому, что различные составляющие процесса планового хозяйствования оказались закреплены за различными ведомствами. Такая точка зрения являла бы собой лишь склонность к фетишизации организационных форм — черте, весьма характерной для советской экономической науки на всех этапах ее существования. Но в этом конфликте отразились более сильные противоречия социального и методологического характера, специальный анализ которых весьма интересен и должен составить предмет самостоятельного исследования. Пока же мы сосредоточим внимание именно на институциональной стороне дела.

Характерная черта первых лет нэпа — фактическое доминирование Народного комиссариата финансов в планово-регулирующей деятельности. И это вполне объяснимо. Оздоровление финансовой системы, стабилизация денежного обращения и кредита, возвращение деньгам их нормальных функций создавали необходимые предпосылки для устойчивого, поступательного развития экономики, для полнокровного возрождения страны. Однако возможности восстановления и реконструкции в условиях рыночного хозяйства напрямую зависели от выделения соответствующим отраслям и предприятиям ассигнований. Кредитная же система и бюджет находились с началом проведения денежной реформы под жестким, если не сказать жестоким, контролем НКФ и лично его руководителя Г.Сокольникова, для которого обеспечение устойчивости новой советской валюты (червонца) являлось основой его политической позиции в партийной и государственной элите.

От деятельности НКФ по существу зависел весь ход развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер. Разраба-

тываемые им контрольные цифры государственного бюджета становились наиболее важным плановым документом — на практике реализовалось лишь то, что могло быть профинансировано. Основным же критерием для принятия решений в НКФ являлось недопущение обесценивания валюты, поддержание активного государственного бюджета, исчисленного в чевопцах.

Особую и чрезвычайно важную роль деятельности Наркомфина и вообще финансово-кредитной системы в становлении планирования признавали в то время и руководители СТО, и Госплан. “Контрольные цифры НКФ явились прецедентом для контрольных цифр Госплана”, — отмечал Г.Кржижановский. А как писал в начале 1925 г. Л.Каменев, “централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способные вызывать и предотвращать кризисы”

Хотя формально Наркомфин существовал на протяжении всего периода военного коммунизма и как бы был унаследован от него нэпом, на самом деле несомненно решительное размежевание между одноименными ведомствами этих совершенно различных периодов в нашей истории. В 1918—1920 гг. руководители финансов не прочь были подчеркнуть в своих выступлениях неизбежность постепенного отмирания их органа по мере укрепления нового хозяйственно-политического режима. Еще в марте 1921 г., в дни работы X съезда РКП(б), “Экономическая жизнь” публиковала статью Р.Альского, считавшего актуальным в ближайшее время переориентировать его в подобие гигантской бухгалтерии единой фабрики. Но последовательное проведение принципов нэпа потребовало крутого поворота, который и был осуществлен с приходом к руководству финансовым ведомством Г.Сокольников. На работу в НКФ были приглашены многие крупнейшие российские экономисты безотносительно их партийной принадлежности и политической ориентации. Они просто знали существо рыночного хозяйствования и умели решать вопросы его стабилизации и регулирования. Именно рынок с его тенденциями и законами мог стать и стал основным полем плано-регулирующей деятельности НКФ. И понятно, что в силу естественных экономических причин ведущее положение этого органа в плано-регулировании должно было повлечь за собой углубление рыночной (можно сказать, экономической) логики в процессе формирования системы народнохозяйственного планирования.

Иное положение занимал Госплан — и логически, и исторически. Одной из весьма популярных в советской экономической

науке догм стала увязка возникновения этой организации с переходом к нэпу. Такие представления как будто бы должны доказывать изначальную гибкость Госплана, его способность эффективно сочетать в своей деятельности административно-директивные рычаги управления с косвенными, рыночными. Однако подлинное развитие событий было совсем другим.

Во всех отношениях Госплан явился прямым порождением военного коммунизма, периода его наибольшего расцвета и глубокого кризиса. Достаточно вспомнить, что образование Государственной общеплановой комиссии приходится на февраль 1921 г., когда сама идея возвращения рынка для правящих кругов страны была крамольной. Госплан создавался на базе Комиссии ГОЭЛРО с целью продолжения и расширения начатого ею дела. То было время неколебимой уверенности высшего руководства (и прежде всего В.И.Ленина): ГОЭЛРО является наиболее важным шагом к построению единого хозяйственного плана, если не самим этим планом. Между тем результаты работ Комиссии по электрификации были весьма далеки от анализа собственно экономических проблем развития России вообще и достижения намечавшихся ею целей в частности.

Выросший из ГОЭЛРО Госплан не мог не воспринять всех иллюзий и противоречий своего предшественника, что нашло отражение и в первом положении о Государственной общеплановой комиссии (декрет СНК от 22 февраля 1921 г.). Возлагая на нее задачу разработки на базе плана электрификации "единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления", Совнарком вменял в обязанность Госплану согласование ведомственных и территориальных программ и предложений по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ, выработку общегосударственных мер по развитию исследований, пропаганду сведений о плане и путях его выполнения. Из этого краткого перечня вполне проступает административно-пропагандистская природа данного органа, что в дальнейшем оказывало существенное влияние на положение его в системе общеэкономических учреждений правительства, на его будущую роль в организации хозяйственной жизни.

Преимственность Госплана и ГОЭЛРО проявилась вообще-то отнюдь не однозначно. Сохранилась тенденция видеть в первую очередь технико-экономический расчет, а уж потом дополнять его финансовой программой, комплексом мер экономической политики. В то же время, несмотря на многочисленные декларации о преимственности между ГОЭЛРО и Госпланом, о стратегическом характере разработок последнего, призванного

конкретизировать программу электрификации и намечать общие перспективы развития советской экономики, с самого начала функционирования этого органа на него настойчиво возлагалось решение текущих задач, требовавших принятия директивно-распределительных решений. Сперва Госплану поручили оперативно заняться ликвидацией острейшего топливного кризиса весны 1921 г. и разработкой плана распределения топлива на год. Через полтора месяца председатель СТО потребовал в срочном порядке провести предварительные расчеты распределительных планов по всем “минимальным ресурсам”. Так, постепенно центр тяжести в деятельности Госплана сосредоточивается на вопросах организации распределения и составлении оперативных планов государственного хозяйства, на утверждении программ развития отдельных отраслей и территорий.

Даже беглое знакомство с протоколами президиума Госплана в 20-е годы, не говоря уже о заседаниях его секций, поражает обилием частных отраслей и подотраслей народного хозяйства. И хотя руководители Госплана постоянно жаловались на чрезмерную загруженность своего учреждения “вермишелью”, ни они, ни руководители правительства не были склонны решительно изменить положение дела. В сознании, а может быть, в подсознании у многих сохранялось представление о превращении в будущем Госплана в центральный штаб, мозг той единой фабрики, светлый образ которой оставался слитым с грядущим социализмом.

Другая сторона вопроса связана с тем положением в хозяйственной системе, которое занимал (точнее, должен был по идее занимать) Госплан. Ориентация по преимуществу на долгосрочные перспективы при отсутствии на самом деле возможности через экономические рычаги влиять на состояние рынка и, следовательно, несвязанность ответственностью за него делали Госплан в какой-то мере заложником стратегических решений. Последние же обычно находили и находят выражение не в категориях рыночного равновесия. Физические результаты прогресса — вот ориентир перспективного плана, а ради этого можно пренебречь и текущими проблемами, рассматривать их как неизбежные тернии на пути к звездам социализма.

Правда, надо подчеркнуть, что недооценка текущих проблем рыночного равновесия, выразившаяся особенно ярко в подходе к финансово-кредитным проблемам воспроизводственного процесса, не всегда являлась осознанной и тем более не примитивно-военно-коммунистической, но представление о том, что такая позиция может дать долгосрочный стратегический выигрыш, было довольно распространенным. Еще в первые месяцы

существования Госплана подобное отношение к финансово-экономической стороне плановой работы с предельной откровенностью выразил его вице-председатель, а в прошлом видный участник проекта ГОЭЛРО П.С.Осадчий: "К числу благоприятных условий для проведения начинаний в области электрификации следует отнести упразднение у нас бюджетных рамок, препятствовавших в прежнее время осуществлению многих полезных начинаний". Словом, дезорганизация финансовой системы рассматривалась как благоприятный фактор для налаживания планового хозяйства и стратегического планирования¹.

По мере становления нэпа подобные откровенно антиэкономические постановки станут уже невозможны, однако отношение к финансовой стороне воспроизводства как к проблеме вторичной, полностью подчиненной задачам собственно производственным, будет сохраняться и постоянно проявляться в многочисленных дискуссиях, которые вели сотрудники Госплана с представителями Наркомфина и Госбанка.

Было бы неверно, впрочем, понимать дело так, что с самого начала своего существования Госплан являлся оплотом консервативных экономических сил. Все было гораздо сложнее. После первых месяцев ставки исключительно на опыт ГОЭЛРО к работе в Госплане стали привлекать многих видных экономистов (правда, в отличие от НКФ, ЦСУ, НКЗ — почти исключительно социал-демократической или коммунистической ориентации). Предложения, высказывавшиеся в ходе разнообразных и весьма продолжительных дискуссий в его рамках, нередко были внутренне (идеологически) противоречивыми, что отражало реальные сложности хозяйственной политики и хозяйственной идеологии периода нэпа. Стремление увязать всю государственную экономику в единую фабрику соседствует с предложениями о существенном расширении самостоятельности госпредприятий. Предложение об отделении от предприятий функций сбыта и монополизации их в руках центра уживаются с призы-

¹Научно-технический вестник. 1921. № 3. С. 12. Отвечая на эти слова П.С.Осадчего, видный российский экономист Н.Шапошников иронически замечал: "В нормальных условиях приход хозяйства определяет его расходы, но в условиях свободной денежной эмиссии нет никакого такого предела. Здесь хозяйственные возможности ограничены только производительностью печатного станка. В меру этой производительности, с бюджетной, по крайней мере, точки зрения, все возможно: и по университету в каждом уездном городе, и немедленная электрификация всей России. Здесь никогда не сводятся концы с концами, здесь нет и не может быть нормального бюджета" (Экономист. 1922. № 4—5. С. 51—52).

вами бороться с монополистическими тенденциями в деятельности предприятий. Подход с позиции экономической эффективности переплетается с предложениями основывать хозяйственные решения на социально-политических приоритетах безотносительно того, как это может сказаться на состоянии производительных сил.

В результате к 1924 г. в Госплане создалась своеобразная ситуация, когда под крышей центрального планового ведомства сосуществовало сразу несколько пониманий существа народно-хозяйственного плана, принципиально друг с другом несовместимых. Так, предлагалось разграничить строительный (перспективный) план, основывающийся на программе ГОЭЛРО, и план эксплуатационный, объединяющий оперативные планы первичных производственных единиц. Эксплуатационный план должен был “врастать” в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Очевидно, что подобное понимание плана, к которому тяготел Г.Кржижановский, отличалось обтекаемостью, явно выраженным “промежуточно-компромиссным” характером.

Гораздо конкретнее формулировались другие подходы. Весьма влиятельная Топливная секция видела в плане связанное целое жестких программ с жесткими цифрами и календарными сроками их выполнения. Идеалом здесь считали план добычи и распределения топлива, разработанный в 1921 г. и выполненный почти на 100 процентов. Иного мнения придерживалась Сельскохозяйственная секция. Особое положение сельского хозяйства приводило к пониманию плана как системы и программ мероприятий экономической политики по развитию отрасли и поднятию производительных сил деревни. Важная роль тут отводилась проработке финансово-кредитных вопросов, различных стимулов роста производства. Наконец, Секция районирования, считая односторонними понимания плана как календарной программы и как системы регулирующих мероприятий, выдвигала свою идею сложного, комбинированного планирования, для которого решающее значение имеет организационная сторона дела. Поэтому основное внимание здесь уделялось созданию сети соответствующих областных плановых органов и четкому согласованию их деятельности с центром по разработке перспективных и операционных планов.

Все это находило проявление в весьма противоречивой роли самого Госплана в хозяйственной жизни первой половины 20-х годов. По поручению контрольных органов в 1924 г. А.Кактынь провел анализ работы Госплана. Подготовленная им записка хранится в архивах, до сих пор, к сожалению, не опубликована.

Она включает почти 90 страниц машинописного текста и представляет немалый интерес для экономистов, поскольку ее автор, будучи тонким и проницательным исследователем, не только вскрывает многие сложности и противоречия в работе Госплана, но и указывает на исторические корни возникновения и причины воспроизводства этих проблем.

В частности, А.Кактынь делает принципиальной важности вывод о ситуации, характеризующей положение самого Госплана. С одной стороны, многие работники Госплана (и особенно его Экономико-статистической секции, куда прежде всего были приглашены видные экономисты) уже в начале нэпа осознали и сформулировали принципы хозрасчета, которые выдвинули в качестве основных линий для новой политики зарплаты, что позволило решительно отказаться от “уровнительно-собесного” подхода времен военного коммунизма. С другой стороны, “Госплан в той же Экономико-статистической секции в период развернутого нэпа, уже в формах денежного хозяйства и финансового капитала, даже после учреждения Госбанка и реорганизации потребительской кооперации и после фактического падения реальности приемов Комиссии использования вел сложную работу по обоснованию идеологии и организации централизованного распределения материальных ресурсов, по выработке номенклатуры централизованного снабжения, по составлению общих распределительных планов, отчетов об их исполнении и учетных единиц, выражающих ценность отдельных благ и трудовых процессов в искусственно построенных измерительных единицах” (Не могу не заметить в скобках, что подобная противоречивость внутри самого Госплана весьма своеобразно проявилась с началом “великого перелома” и жестоких репрессий, обрушившихся на советских экономистов на рубеже 20 — 30-х годов. В отличие от таких ведомств, как Наркомфин и Наркомзем, где за решеткой оказалась подавляющая часть ведущих специалистов, в госплановской среде произошел очевидный раскол, и его сотрудников сажали избирательно.)

Дискуссии, проходившие в первой половине 20-х годов в Госплане, наглядно иллюстрируют приведенные только что замечания А.Кактыня, показывая и сложность сложившейся там идеологической и политической атмосферы, и противоречивость позиций многих его работников, включая склонность ряда из них к откровенному конформизму — качество, которое через некоторое время станет “вторым я” большинства экономистов и вообще обществоведов.

Пожалуй, наиболее ярким примером может быть обсуждение доклада “К методике планирования” С.Струмилина (с дополнениями В.Громана) на заседании президиума Госплана, состоявшемся в октябре 1924 г. Председатель Экономико-статистической секции стремился вскрыть особенности экономического механизма нэпа, обуславливающие характер плано-регулирующего воздействия на народное хозяйство с целью “построения социализма в кратчайший срок”. Суть централизованной политики С.Струмилин видел в объединении деятельности производителей как государственного, так и частного сектора, в подчинении второго первому не путем административного принуждения, а благодаря более эффективной деятельности госпредприятий, побеждающих в конкурентной борьбе на рынке. Это предполагало решительный отказ от методов революционного насилия и достижение “оптимальных производственных и финансовых результатов” “не дубьем, а рублем” Для усиления действенности централизованного руководства экономикой С.Струмилин предложил идти по пути совмещения самостоятельности трестов (и даже предприятий) с созданием системы специальных централизованных финансовых фондов, позволяющих государственной власти активно воздействовать на ход реконструктивного процесса.

(Интересно отметить, что в первой половине 60-х годов аналогичные идеи выдвинул и подробно обосновал академик В.С. Немчинов. Многими экономистами они тогда были восприняты с большим подозрением — относительно их “социалистичности” и “идеологической чистоты” Однако эти идеи не нашли даже формального отражения в хозяйственной реформе 1965 г.)

“Разрешение всех вышеуказанных проблем в смысле достаточной организационной и методологической их подготовки является чрезвычайно важной предпосылкой не только для разработки единого, в смысле целостности и внутренней согласованности, перспективного плана хозяйствования на ряд лет, но и для текущих планов — на каждый операционный год”, — так писал С. Струмилин. Вряд ли этот осторожный человек мог ожидать, какую реакцию у коллег вызовет его доклад. Поддержанный по сути дела только В.Г. Громаном и В.А. Базаровым, он навлек на себя резкие обвинения политического характера. Идеи отказа в плановом хозяйствовании от методов принуждения, возможность допустить частные накопления и конкуренцию на рынке частника с госпредприятиями — все это было оценено не иначе, как “оппортунизм”, “невыдержанность с марксистской точки зрения”, как недопустимый “разрыв между экономическими и политическими моментами”. Словом, твер-

дая вера в непрочность нэпа и скорое торжество “истинного” социализма, стремление к решению текущих хозяйственных проблем в категориях вытеснения рынка планом — таковы были весьма характерные черты мышления и деятельности небольшой части госплановских работников.

По-видимому, именно в результате этого столкновения произошел надлом в позиции самого С.Г. Струмилина, который с тех пор стал быстро превращаться в “несгибаемого планировщика-большевика”, готового защищать любой зигзаг генеральной линии. Во всяком случае, перерабатывая после обсуждения свой доклад, он весьма своеобразно изменил заголовок рукописи. Вместо “К методике планирования в СССР” появились на свет тезисы “К методике преодоления нэпа”. “Методика планирования” и “преодоление нэпа” для С.Г. Струмилина стали понятиями тождественными¹.

Однако вернемся к тому, с чего мы начали этот раздел. А именно: в системе планового регулирования советского народного хозяйства уже на первом этапе намечилось переплетение двух линий, принимавшее формы явного институционального противостояния. У обоих подходов имелись вполне очевидные объективные основания, связанные с реальным противоречием между регулирующей и перспективной функциями планового хозяйствования. Poleмика между ними шла постоянно, хотя она и не всегда принимала открытые формы. Но по некоторым публикациям 1922—1924 гг., а еще более — по стенограммам различных дискуссий, проходивших тогда в центральных экономических ведомствах, можно проследить постоянное и напряженное противоборство.

Наркомфин активно занимался планово-регулирующей деятельностью, практическими шагами в области бюджета и кредитно-денежной (эмиссионной) политики, демонстрируя свою независимость от Госплана, не говоря уже о других хозяйственных ведомствах. Время от времени высказывались и прямые претензии НКФ на главенство в плановом руководстве народным хозяйством. Претензии, надо сказать, вполне обоснованные.

Примером такой позиции может служить статья “Задачи плановой комиссии по финансам”, опубликованная в официальном органе НКФ и подписанная фамилией Григорьев. Автор, обращая внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны хозяйственных про-

¹ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 191. Л.218—242; ЦГАНХ. Ф. 219. Оп. I. Ед. хр. 48. Л. 12—14.

цессов, пишет следующее: “Во вновь образованном Госплане идели главным образом техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения с возможностями их осуществления для обнищавшей страны” Теперь же, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль Наркомфина резко возрастает и в планировании. Не только “государственный план хозяйства РСФСР должен строиться в самом тесном контакте с НКФ”, но, более того, “сам процесс государственного планирования должен принять... формы бюджетного плана”. Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в планово-экономической деятельности: “На место существующей Финансовой комиссии Госплана, являющейся внутренним органом, призванным осуществлять финансовую разработку его предложений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий отдельные грани работы других секций Госплана”¹.

Некоторые экономисты высказывали серьезные предостережения против очевидных попыток механического распространения “планового начала” на все сферы экономической жизни. С точки зрения примитивно-социалистической чем шире охватывает народное хозяйство централизованный план в той или иной форме, тем лучше. Однако логика рыночного хозяйства не приемлет прямолинейных решений. Во всяком случае, если подходить к ней с адекватным экономическим инструментарием. И тут обнаруживается парадоксальный факт: кредитная система, например, будучи эффективнейшим механизмом системы регулирования народного хозяйства, сама по себе не приемлет сколько-нибудь жесткого планирования. Это значит, что кредитную политику ни в коем случае нельзя “привязывать” к намечаемым производственным программам. Ведь программа пределяет выпуск отрасли продукции, исходя из возможностей производства, но зачастую вне четкой оценки перспектив быта. Кредитование же должно основываться на возможностях быта, а с этой точки зрения прекрасно оборудованное и полным ходом работающее предприятие в случае отсутствия сбыта может оказаться некредитоспособным. Поэтому регулирование народного хозяйства через кредитную систему, будучи всегда

¹Григорьев. Задачи Плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 8.

весьма действенным, может стать эффективным лишь при условии постоянного учета текущей хозяйственной конъюнктуры.

Вот как писал об этом в 1923 г. А. Дезен, один из крупнейших специалистов того времени в области финансов:

“Кредитные учреждения путем расширения или сжатия кредита, дисконтной политики, преимущественного кредитования тех или иных отраслей промышленности оказывают слишком глубокое влияние на народное хозяйство... Недостатком наших кредитных учреждений является не отсутствие плана кредитования — таковой, на наш взгляд, будет нежизнен и неосуществим, а отсутствие правильной и последовательной кредитной политики. Увязка кредита с регулирующими функциями, присущими государству в период государственного капитализма, должна произойти именно в сфере этой политики.

Новая экономическая политика отвела известное место стихии рыночных отношений, и попытка сохранить это место в период развивающегося денежного хозяйства обречена на неудачу... Именно через кредитный аппарат государство и может влиять на рыночные отношения.

Руководство кредитной политикой не может быть, на наш взгляд, изъято из Наркомфина и Госбанка путем передачи хотя бы в Госплан, так как эта политика слишком тесно связана с повседневной работой кредитных учреждений. Кредитная политика есть в конечном счете разновидность финансовой политики, быть может, самая важная” (Дезен А. Плановое кредитование или кредитная политика//Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября).

Такое понимание проблем планового регулирования основывается на признании фундаментального свойства рыночной экономики — суверенного права потребителя купить или не купить произведенный продукт. И поэтому принятие в плановом порядке решения о производстве той или иной продукции должно быть дополнено механизмом, позволяющим оценить значимость ее для потребителя и всего народного хозяйства. Иной подход предполагает либо казарму, где все потребление распланировано заранее, либо тотальный дефицит, когда все произведенное будет потреблено. Однако настоящая оценка этих аргументов оказалась невозможной без долгого и тяжелого опыта последующих десятилетий. Плановая эйфория, стремление к четко организованному хозяйству не позволяли многим трезво оценить позицию оппонентов.

Госплан же, со своей стороны, постоянно старался “приструнить” Наркомфин и связанный с ним Госбанк, опираясь в

этом на поддержку ряда мощных хозяйственных ведомств, особенно на ВСНХ и НКПС. Последние, стремясь к возможно более быстрому восстановлению своих отраслей, требовали крупных ассигнований, выдача которых могла подорвать устойчивость червонца. Со своими жалобами они шли в Совнарком, в СТО и непременно в Госплан, где обычно находили сочувственное понимание. Аналогично обстояли дела и с региональными (республиканскими и областными) органами планирования и управления. Предпринимались различные шаги с целью ограничить независимость НКФ, а по возможности и привязать его к Госплану. Имелось в виду обязать финансовое ведомство выделять кредиты в полном объеме в соответствии с централизованно утверждаемыми планами и программами. Для этого предлагалось, в частности, использовать некий комитет государственных заказов, проект создания которого активно обсуждался в начале 1923 г. Или путем разработки и обязательного утверждения кредитных планов Госбанка в Госплане гарантировать беспроблемный доступ отраслей госпромышленности к финансовым ресурсам¹.

Итак, противоречие обеих линий планово-регулирующей деятельности было налицо. И оно не могло не проявиться в острой форме. За какой тенденцией будущее? Ответ зависел, с одной стороны, от перспектив развертывания самой хозяйственной жизни, а с другой — от соотношения сил в политическом руководстве страны, от приверженности его тем или иным идеологическим доктринам планового хозяйствования.

Решающее значение для перспектив становления системы планирования, да и для судеб самого нэпа сыграли события осени 1923 — начала 1924 г., а именно — осенний кризис сбыта и выбранные тогда пути его преодоления. Затоваривание складов промышленных предприятий, не снижавших цены, несмотря на отсутствие сбыта своей продукции и огромную физическую потребность в ней населения (прежде всего крестьянства), снижение покупательной способности деревни из-за уменьшения сельскохозяйственных цен в условиях хорошего урожая — так можно очень кратко охарактеризовать сложившуюся тогда ситуацию. Она стала результатом переплетения множества факторов, которые, в свою очередь, были порождены сложностями и противоречиями осуществления новой экономической политики.

¹ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 127. Л. 254—255; Кржижановский Г. Итоги плановой работы//Экономическая жизнь. 1923. 9 ноября.

Свою роль сыграло и положение государственных хозрасчетных трестов, монополистический характер которых был predetermined и организационными принципами их формирования, и преимущественным положением в экономике как объектов государственной собственности, и дефицитом подавляющего большинства товаров на внутреннем рынке. Ситуация усугублялась и ошибочной кредитной политикой: усиленное кредитование трестов червонцами под товарное обеспечение позволяло им продолжать производственную деятельность без реализации, поскольку они стремились максимально использовать выгодную для себя конъюнктуру.

Все это свидетельствовало о недостаточной продуманности и последовательности экономической политики правительства, о наличии серьезных трудностей и противоречий самой хозяйственной жизни. Трудностей, с которыми можно было бороться в логике той системы, которая их порождает, или наоборот, ломающая эту логику, логику рыночного равновесия и экономического стимулирования.

Государство встало на путь административных мер, близких и понятных правящей партии, да и широким слоям населения. Правда, был еще выбор — применять ли административные меры с целью демонополизации или сделать упор на административное снижение цен для быстрого преодоления товарного голода. Выбран был второй путь, принесший поначалу нужный результат и в общем-то приемлемый в тех условиях, если рассматривать эти действия как временные и тактические.

На данной стадии также оставался выбор — расценить принимаемые меры как разовые, вместо которых должны быть “включены” экономические (рыночные) механизмы, или увидеть в них фундаментальные черты новой экономики. Именно к последнему выводу и пришли руководители правительства, что несколько позднее оформилось и нагляднее всего проявилось в концепции, согласно которой советская власть должна противопоставить монополизму своих (государственных) трестов политику административного снижения цен.

Утверждалось, что таким путем удастся подталкивать производителей к снижению издержек, то есть получать те же результаты, к которым при капитализме приводит конкуренция. Нетрудно заметить генетическую связь подобного решения с идеологическими стереотипами “единой фабрики”, объединяющей “цеха” в гигантскую монополию и одновременно желающей, сохранив жесткий иерархический тип внутренних связей, оградить себя от монополизма “цехов”

Такой поворот курса в Госплане восприняли отнюдь не однозначно. Например, выступая в президиуме Госплана в апреле 1924 г., В.Г. Громан, руководитель образованного недавно Конъюнктурного совета, говорил: “Если до сих пор политика цен совпадала с объективной политикой рынка и приводила к тому, что предприятия не задерживали товары на складах, потому что рынок принимал эти товары, то сейчас картина получается иная”. Предлагая предоставить промышленности больше свободы маневра, он настаивал на том, что “практика снижения цен должна быть оставлена”. Однако возглавлявший тогда Госплан СССР А.Д. Цюрупа тут же отверг эти предложения, подчеркнув невозможность для государства отказаться от регулирования частного рынка в порядке административном, путем административного воздействия на товарные цены, причем ради этого, утверждал он, можно даже поступаться доходами и работать в убыток.

С этого времени происходит постепенное угасание нэпа и начинает возрастать роль Госплана именно как органа, восходящего к практике военного коммунизма. Это подметил и А.М. Кактынь, написав в своей записке, что в 1923 г. проверка и согласование производственных программ, распределительных планов, экспертиз по техническим вопросам стали главными в работе Госплана, тогда как реконструкция народного хозяйства и взаимосвязь экономических и строительных концепций плана все более ослабевали¹.

Встав на путь административного регулирования хозяйственных процессов, руководство страны продолжало и дальше действовать в этой логике. Стимулы, характерные для рыночной экономики и позволяющие гибко согласовывать интересы различных хозяйствующих субъектов, становились в новых условиях бессильными. Экономические последствия такой политики были достаточно очевидны, да они и не замедлили сказаться в течение ближайших полутора лет. В стране начал обостряться дефицит товаров. Но это была уже не физическая нехватка продуктов, порожденная войной и разрухой производительных сил, а сугубо экономический феномен устойчивого превышения платежеспособного спроса (как населения, так и предприятий) над его товарным покрытием, что еще более дестабилизировало ситуацию.

Естественно, встала задача строгого регулирования (точнее, распределения) материальных потоков, причем финансовая сторона регулирования уходила в тень, начинала играть пассивную

¹ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 375. Л. 19—20.

роль обслуживания товарно-материальных операций. Кроме того, объективно появляется потребность в едином, то есть охватывающем всю “единую фабрику”, плане, не только регулирующем, но и определяющем основные параметры функционирования “цехов”

Словом, уже к 1925 г. из недалекого военно-коммунистического прошлого возрождается утопия всеохватывающего плана, столь милого сердцу большинства ортодоксальных лидеров правящей партии. А удаление из Комиссариата финансов в начале 1926 г. Г. Сокольников уже формально закрепляет поражение НКФ и победу Госплана в том споре, который, как видим, был не только историческим по важности поставленных в нем проблем, но и поистине роковым.

5. ДИРЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИЛИ ДИРЕКТИВНЫЙ ПЛАН?

Роль и место первых контрольных цифр развития народного хозяйства в экономической жизни 20-х годов, равно как и вообще в истории советской экономики, весьма противоречивы. Точно так же нельзя оценить однозначно логику и методологию этого документа, степень отражения в них всего комплекса хозяйственных проблем и путей их разрешения в тот сложный, переломный для нашей страны период. Ведь именно тогда, в середине 20-х годов, остро встал вопрос о характере дальнейшего развития советской системы. Нужно ли сохранять нэп? Возможно ли и дальше идти по этому пути? Ответы на подобные вопросы следует искать не в политических заявлениях партийных и государственных вождей, но в конкретных особенностях экономического механизма, которые существовали в стране. И в первую очередь — в инструментах государственного регулирования народного хозяйства. Именно здесь закладывались основы последующих политических решений: формировался экономический фундамент будущего “великого перелома”, означавшего окончательный слом нэпа и утверждение тоталитарного режима сталинского образца.

Но при чем тут “Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 год”? Дело в том, что они сами, но в еще большей мере разворачивавшиеся вокруг них дискуссии стали важным моментом в сложном процессе научного, а потом и политического размежевания деятелей, связанных своей первоначальной приверженностью нэпу. Характер плана, с одной стороны, отражает противоречия реальной хозяйственной действи-

тельности, а с другой стороны — он сам был способен активно воздействовать на экономическую среду, преобразовывать ее в соответствии со своими целями и механизмами. И от этого уже зависело многое.

Решение о разработке годового плана по аналогии с "Контрольными цифрами" бюджета НКФ было принято в Госплане в начале 1925 г. Для этого была образована специальная комиссия, которую возглавляли И.Т. Смилга и С.Г. Струмилин. В разработке самого документа активную роль играли такие видные сотрудники Госплана, как В.Г. Громан, В.А. Базаров, З.Л. Миндлин. Свою задачу комиссия видела в том, чтобы "дать на предстоящий год контуры важнейших народнохозяйственных элементов, установить их взаимную связь и обрисовать то состояние народнохозяйственного целого, которое, по всей вероятности, будет достигнуто в грядущем году, т.е. построить ориентировочный баланс народного хозяйства" Одновременно предлагалась "система экономических мероприятий, потребных для осуществления тенденций и плановых заданий, лежащих в основе перспективного народнохозяйственного баланса" "Контрольные цифры" в единстве с системой экономических мероприятий и рассматривались в качестве плана народного хозяйства, содержащего в себе "те задания, которые должна поставить государственная власть в области народного хозяйства"¹.

Прежде всего примечателен сам факт, что первым документом, претендовавшим, хотя и с оговорками авторов, на роль целостного хозяйственного плана, был годовой план. Это абсолютно не соответствовало заявлениям, с которыми неоднократно выступали руководители Госплана, их представлениям о временной логике планирования. Система, получившая в экономической литературе тех лет название "цепочки Кржижановского", включала в себя генеральный (на 10—15 лет), пятилетний и годовой (оперативный) планы, причем краткосрочный должен был формироваться на базе долгосрочных. Можно упрекнуть эту систему в механичности, в некотором упрощении реальных процессов, но в последовательности и внутренней взаимообусловленности ей не откажешь. Я не говорю уже о развивавшейся тогда идее, рассматривавшей перспективный план в роли стратегического документа, не связанного строго с определенным временным интервалом и содержащего анализ целевого состояния и узловых пунктов движения к нему.

¹Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. М.—Л., 1925. С. 7.

Появление годового плана (хотя бы даже и в форме “контрольных цифр”, чем подчеркивали его приблизительный характер) полностью меняло первоначальный замысел. Можно, конечно, сказать, что годовой план разработать легче и потому он появился раньше. Это, разумеется, верно. Но верно и то, что годовой план разрабатывать легче, когда он имеет тенденцию быть расписанием “кому что произвести и куда поставить продукцию”, а не конкретизацией общего стратегического курса применительно к текущим хозяйственным процессам. Народное хозяйство, в котором не действуют реальные экономические стимулы, нуждается в специальном механизме, способном иным (неэкономическим) путем стягивать отдельных субъектов в некоторую, хотя бы относительную, целостность, подчинять их каким-то общим (но вовсе не обязательно общественным) интересам. Эту роль и должен выполнять директивный план, причем в силу вполне понятных причин он перспективным быть не может.

Такой поворот, однако, произошел не сразу. Приступая к разработке первых контрольных цифр, представляя их в СТО и публикуя проект в печати, экономисты Госплана вовсе не ставили перед собой задачу подготовки годового плана-расписания. Наоборот, идеологические позиции большинства авторов этого документа были диаметрально противоположны военнo-коммунистическим, что привело в дальнейшем к трагическим развязкам.

“Контрольные цифры” на 1925/26 г. появились в чрезвычайно сложной со всех точек зрения ситуации. В середине 1925 г. остро дал о себе знать товарный голод. В числе дефицитных оказалось еще не очень много продуктов, но как раз те, которые были необходимы не только городу, но и деревне, — строительные материалы, ткани, кожаные изделия, сельскохозяйственные орудия. Тем самым подрывалась заинтересованность непосредственных производителей, и прежде всего крестьян, в реализации своего товара. Под угрозой оказался товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством, дестабилизировался червонец и т.д. Словом, товарный голод мог разрушить важнейшие основания, обеспечивавшие социально-экономическую устойчивость системы нэпа.

Этот феномен требовал глубокого осмысления. Необходимо было найти факторы, детерминировавшие его существование, случайности или закономерности его возникновения. В конечном счете все упиралось в главный вопрос: является ли товарный голод результатом простого стечения обстоятельств, неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры или он стал следстви-

ем ошибок текущей экономической политики, или же, наконец, причины его надо искать в самой практике проведения нэпа, противоречивости и непоследовательности доктрины новой экономической политики?

Проблема стояла тем более остро, что, как показывала статистика, к концу подходил восстановительный период и надо было определять направления дальнейшего развития страны. Все это, естественно, сопровождалось обострением дискуссий и политического противоборства внутри правящей партии, что накладывало свой отпечаток на характер обсуждения и решения экономических вопросов. Подобная ситуация делала проблемы планирования вообще, и "контрольных цифр" в частности, объектом повышенного внимания, ставила их в центр жесткой полемики.

Итак, после тщательного обсуждения в Госплане "Контрольные цифры" были внесены в Совет Труда и Оборона. 20 августа состоялось заседание СТО, председателем которого был тогда Л.Б. Каменев. Состоявшаяся дискуссия явила собой хороший, точнее, своеобразный пример обсуждения хозяйственных планов в стране, тяготеющей к абсолютной экспансии государственной собственности. Началась межведомственная "борьба за план", перетягивание претендующего на значение надведомственного документа каждым в свою пользу. ВСНХ утверждал, что в документе недооцениваются возможности промышленного роста и преувеличиваются размеры товарной части продукции аграрного сектора. Наркомзем, напротив, обвинял авторов проекта в чрезмерном "индустриальном уклоне", в забвении нужд сельского хозяйства. Наркомфин, естественно, резко критиковал финансовые разделы "Контрольных цифр" (бюджет, кредит, денежное обращение). Подчеркнем еще раз, что полемика носила по преимуществу ведомственный характер, причем с явным отпечатком начинающих по мере приближения XIV партсъезда политических баталлий.

Кстати, на этом заседании Совета Труда и Оборона особенно ярко проявилось, — как и предостерегали некоторые экономисты, — что СТО так и не смог стать реальным, надведомственным планово-экономическим центром страны, а оставался, как и во времена военного коммунизма, междуведомственной комиссией. В таких условиях на роль надведомственного органа стал претендовать Госплан. Однако, забегаая вперед, отметим, что, получив такие полномочия, он сам быстро превратился в комиссию по увязке ведомственных интересов, хотя и с директивными функциями. Но это будет позднее.

Л.Б. Каменев, отметив ценность проделанной Госпланом работы, счел невозможным признать тотчас же предложенную концепцию директивной экономической политики. По его мнению, “Контрольным цифрам” не хватало целостности, взаимной согласованности. “Это ряды цифр, а не система их”, — такой упрек получил довольно широкое распространение. Было предложено создать комиссию по определению роли “Контрольных цифр” в руководстве народным хозяйством, а пока ведомствам предложили использовать их данные при составлении собственных годовых программ в той мере, в какой это окажется возможным.

Госплан обвинял СТО и лично его председателя, что тот пошел на поводу у ведомств. Формальные основания для таких высказываний были. Действительно, несмотря на то, что “Контрольные цифры” продолжали вызывать во второй половине 1925 г. многочисленные дискуссии, официально к ним уже почти не возвращались. Обострялась политическая борьба. Обострялась и хозяйственная ситуация. Высшему руководству вскоре стало не до “Контрольных цифр”. А конкретные экономические проблемы осени 1925 г. потребовали существенного пересмотра госплановской концепции.

Пожалуй, единственное, чему действительно следовали, так это рекомендациям СТО учитывать “Контрольные цифры” при разработке ведомственных программ. Хозяйственные наркоматы стремились максимально использовать документ в своих интересах для обоснования собственных заявок на ресурсы и претензий к центру и контрагентам. Одновременно они резко критиковали проект в тех пунктах, которые их не устраивали. “В результате СТО не использовал проделанную Госпланом работу совершенно. Но ведомства использовали ее, причем в своих интересах, выпячивая те части цифр, которые шли по линии их интересов, и замалчивая те, которые им не нравились”, — с раздражением писал И.Т. Смилга. Он так характеризовал работу своего учреждения: “Основной задачей Госплана, в отличие от ведомств, является наблюдение за хозяйственным равновесием, что для ведомств является в значительной степени абстракцией. В этой работе Госплан имел все основания рассчитывать на поддержку СТО, однако этой поддержки он не получил; ведомства же при отстаивании своих интересов были чрезвычайно активны”¹.

¹Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 31—32. См. также: Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 44—45.

Госплан в то время действительно еще не особенно грешил ведомственными пристрастиями, стремился быть объективным и независимым при формировании своей концепции экономического роста. Но основная проблема здесь заключалась в другом: насколько реалистична и, главное, эффективна была заложенная в "Контрольные цифры" концепция? Могли ли "Контрольные цифры" Госплана сыграть роль общегосударственного ориентира, выводя экономику страны из обстановки начинающегося кризиса на новые рубежи хозяйственного развития? Ответы на эти вопросы зависели от того, как, в какой мере разработанный документ будет решать задачи взаимной увязки развития отраслей в некоторую хозяйственную целостность, а также формирования реалистичной концепции выхода из экономических затруднений при определении перспектив развития страны. Обе эти задачи тесно взаимосвязаны в теории и практике планирования. Но вместе с тем они имеют и самостоятельное значение, свою логику развития и особенности воздействия на осуществление воспроизводственного процесса. Их анализ показывает особенности и возможности планового регулирования государственно-рыночного хозяйства и борьбу, которая разворачивалась тогда вокруг него.

Роль централизованного плана в советской экономике. Этот вопрос, обсуждавшийся ранее несколько абстрактно, получил новое и вполне конкретное звучание с публикацией "Контрольных цифр" на 1925/26 г. Он вытекал из общего положения Госплана в народном хозяйстве СССР и из фундаментальных принципов его организации. Ряд крупных хозяйственных руководителей и экономистов, связывавших построение социалистической экономики с внедрением твердого плана для оперативного централизованного руководства народным хозяйством, были явно разочарованы "Контрольными цифрами". Пожалуй, наиболее концентрированно эту позицию выразил заместитель председателя ВСНХ Ю.Л. Пятаков, отмечавший, что предложенный документ содержит слишком "суммарные" показатели и не дает конкретных заданий отдельным отраслям промышленности и производствам. Фактически это могло означать, что от централизованного плана ждали развернутых перспектив развития отдельных производств, вплоть до предприятий, в масштабах предстоящего года.

В экономической литературе подобная точка зрения довольно подробно была развита В. Шарым. Развивая соображения Пятакова, он подчеркивал реальную необходимость централизованно выработать "вполне развернутый баланс и хозяйственный план", в котором наркоматы "получат из

рук Госплана без всяких усилий со своей стороны готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производств и по каждому тресту”, да, может быть, и по каждому тресту, ибо, на наш взгляд, настоящий план народного хозяйства должен быть выявлением того “достаточно обширного” государственного ума, перед которым, как хотел когда-то Лаплас, “не оставалось бы ничего, что не было бы для него недостоверно, и будущее, как прошедшее, представало бы перед его взором”

Впрочем, такая позиция объяснялась не просто идеологической детерминированностью автора, стремившегося к скорейшему утверждению тотального централизованного плана, отождествляемого с социализмом.

В. Шарый обращал внимание и на практическую сторону дела. Его аргументы были в основном прагматического свойства: никакие иные плановые органы не смогут лучше Госплана выполнить эту задачу — ни по своему кадровому составу, ни по состоянию методологической и статистической базы планирования. Кроме того, ситуация на местах и перспективы их развития в решающей мере зависят от политического курса центральных органов планирования и управления, являясь для нижестоящих как бы “внешним фактором”

Однако принятие этих аргументов неизбежно влечет к фетишизации народнохозяйственного плана и роли планирующего центра. Для В. Шарого сам централизованный государственный план становится критерием оценки положения дел в экономике страны. План априорно определяется как оптимальный, ошибка в расчетах Госплана исключается, и достижение на практике заданных параметров свидетельствует об успехе или неудаче всего хозяйственного развития за истекший период времени, а также о преодолении анархического начала и соблюдении дисциплины ведомствами.

Как видим, такой подход прямо противоположен логике В.А. Базарова, для которого лишь анализ практического хода развития хозяйства является источником оценки как плана, так и достигнутых результатов (Шарый В. План, баланс, контрольные цифры // Бюллетень Госплана РСФСР. 1926. № 4. С. 14—16).

Экономисты Госплана довольно решительно, хотя и несколько двусмысленно, отводили эти упреки и аргументы. Особенно заметно это по работам С.Г. Струмилина, бывшего в то время членом президиума Госплана. Именно он тогда сосредото-

точился на “противодействии” критикам. (Позднее он в этом весьма преуспел, а его выступления приобрели характер “разоблачений вражеских вылазок” Пока же дело ограничивалось отповедью оппонентам, хотя тут уже можно почувствовать железные нотки борца за генеральную линию партии.) Итак, в Госплане выдвигали аргументы двоякого рода, причем между ними нетрудно заметить существенное противоречие — принципиального, идеологического характера.

С одной стороны, предложения о разработке всеобъемлющих плановых документов, задания которых, разрабатываемые в центре, доводились бы до отдельных промышленных трестов, авторы “Контрольных цифр” решительно отвергали, квалифицируя их как верный путь к бюрократизации планирования. “Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР, сидя у себя, здесь в Москве, на Воздвиженке, вздумал взять на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительного заведения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого в три года не доскачешь”, — писал С.Г. Струмилин, подчеркивая, что “надо же кое-что предоставить и на долю плановой инициативы ведомств и на самодеятельность мест”.

Роль контрольных цифр в многоукладном советском хозяйстве виделась их авторам совершенно иначе. Акцент делался на макрорегулировании. “Мы имели в виду динамическое равновесие бескризисного развития важнейших отраслей нашего народного хозяйства, и прежде всего земледелия и промышленности” Существенным моментом тут явилось стремление к выработке целостной экономической политики по отношению ко всему народному хозяйству, не ограничиваясь государственным сектором. “Контрольные цифры”, по замыслу Госплана, “дают такие рамки, в которые должны уложиться — в пределах возможного предвидения —” не только государственный бюджет и все конкретные хозяйственные планы отдельных ведомств, но и все стихийные процессы хозяйственной жизни страны, предусмотренные на целый год вперед”¹.

Да, понятие “директивность” активно использовалось в тот период для определения места предложенного документа в хозяйственной системе СССР. Однако смысл его существенно отличался от того, что обычно было и будет принято обозначать термином “директивное планирование” В первых “Контрольных цифрах”, включавших особый — директивный — раздел,

¹Струмилин С.Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 7—9.

речь шла о директивах экономической политики, выдвигаемых перед государственными органами и формулирующих основные моменты концепции хозяйственного роста, осуществляемой государством в рамках предстоящего периода. Вместе с тем директивность, во всяком случае по первоначальному замыслу, не должна была стать источником чрезмерной жесткости самой экономической политики.

При подобной постановке задачи “Контрольные цифры” Госплана по отношению к государственным хозяйственным органам должны были и могли выступать лишь как “связная система индексов предполагаемого развития нашего народного хозяйства на 1925/26 г., с тем чтобы отдельные ведомства, работая каждое в своей области, имели в виду и общую увязку всего народного хозяйства”

С.Г. Струмилин довольно быстро отойдет от положений такого рода. Однако в течение определенного времени они будут еще популярны и сравнительно безопасны политически — особенно среди экономистов четкой рыночной ориентации. Так, в начале 1926 г. с развернутой интерпретацией недирективного характера госплановских “Контрольных цифр” выступил В.Г. Громан. В его дискуссионных тезисах звучит основная мысль, в которой и заключается водораздел между военно-коммунистическим и нэповским планированием, между планом-расписанием и планом—регулятором хозяйственной жизни. Это согласование разнородных и разнонаправленных интересов различных субъектов экономического процесса, причем как частных производителей, так и государственных предприятий, а также ведомств. Все они (частный сектор, трудовые коллективы с доминированием локальных интересов, ведомственные и местные тенденции в органах управления) являются источниками стихийности в народном хозяйстве, которые могут противостоять плановому началу, учитывающему эти интересы и объективные тенденции, соподчиняя их в форме плана и системы регулирующих мероприятий (Громан В.Г. Тезисы к пересмотру контрольных цифр на 1925/26 г. // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 83).

А состоявшийся в марте 1926 г. I съезд плановых органов даже официально закрепил эту позицию в своей резолюции, отвергнув трактовку “Контрольных цифр” как плана-расписания:

“Контрольные цифры по своей сущности представляют собой связанную систему цифр, дающую попытку отображения реального динамического равновесия народного хо-

зяйства в органической связи с определенной экономической политикой, и ни в коем случае не могут быть рассматриваемы как цифровое расписание на будущий год" (Проблемы планирования. М., 1926. С. 323. Подчеркнуто мной. — В.М.).

Но в позиции Госплана относительно общей тенденции развития годовых контрольных цифр была и другая сторона. Отказ от всеобъемлющего плана-расписания объяснялся не только объективной потребностью разработки документа, играющего регулятивную роль, но и отсутствием технических и организационных предпосылок, слабой статистической базой и рядом других факторов, не позволяющих пока разрабатывать подробный операционный план прямого руководства всем государственным (обобществленным) хозяйством. Понятно, что механизм реализации такого плана должен был бы качественно отличаться от "Контрольных цифр", предполагая иные процедуры планирования и управления, иное положение в народном хозяйстве объектов и субъектов планирования (непосредственных производителей и плановых органов соответственно).

В целом такая неоднозначная интерпретация роли "Контрольных цифр" с акцентом на формирование "основных линий экономической политики" была встречена в экономической среде с пониманием. Аналогично рассуждали многие экономисты, в том числе и те из них, которые сами же резко критиковали содержание госплановского документа. Так, разделяя широко распространенные иллюзии относительно необходимости плана-расписания в будущем, Б. Бажанов писал, что предложенный проект не является планом народного хозяйства (поскольку плановое хозяйство отрицает рынок), но он может рассматриваться как план нашей хозяйственной деятельности, важность которого в современных условиях неоспорима¹.

Однако возникал естественный вопрос: каким должен быть план, при каких условиях он обеспечивает реализацию намеченных задач? Осенью 1925 г. эти проблемы были заострены Г.Я. Сокольниковым. В его выступлениях по поводу "Контрольных цифр" содержались серьезные предостережения против излишней жесткости плановых установок относительно желательного курса экономической политики в условиях рыночной

¹Бажанов Б. Критические замечания к контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г. // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 69.

экономики нэпа¹. По-видимому, этому способствовало и его положение руководителя Народного комиссариата финансов.

Г.Я. Сокольников исходил из признания того факта, что план, учитывающий все элементы хозяйственного процесса на данном этапе социально-экономического развития СССР, просто-напросто нереален. А потому глава Наркомфина постоянно подчеркивал, что преувеличение значения плановых документов, в какой бы форме они ни выступали (как указание или как прогноз), а также попытки связать экономическую политику заранее установленными директивами является делом не только невозможным, но и опасным. Это невозможно в силу самой специфики многоукладной экономики, писал он, когда “огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли”, а единому государственному плану противостоит “целый ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюнктур” (и прежде всего потребности 22 млн. крестьянских дворов — носителей собственных “крестпланов”). Народнохозяйственный план должен “уметь приспособляться к рыночной обстановке или он непременно будет опровергнут” Было бы чрезвычайно опасно считать, что само по себе наличие плана способно упорядочить хозяйственную жизнь, хотя бы в какой-то мере организовать ее и преодолеть стихию вопреки объективной логике хозяйствования. Наоборот. Его позиция состояла в том, что построенный на таких иллюзиях государственный план может быть вреден, поскольку сам становится дополнительным источником стихийности в народном хозяйстве.

Укрепление планового начала как преобразующего, активного принципа экономической жизни явилось для Г.Я. Сокольникова функцией “достаточно высокого хозяйственного подъема”, означающего накопление необходимых ресурсов в руках пролетарского государства. В условиях “минимальных ресурсов планирование становится чрезвычайно трудным и, следовательно, должно быть в минимальной степени связывающим” “Тот, кто не имеет резервов, тот составляет планы, висящие в воздухе” — этот афоризм Сокольникова получил широкую популярность в середине 20-х.

Отсюда следовал еще один важный вывод: в обстановке общей нестабильности, когда страна только возрождается, а эко-

¹Обсуждение контрольных цифр Коллегией НКФ // Финансовая газета. 1925. 18 сентября; Сокольников Г.Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10; Он же. Осенние “заминки” и проблемы хозяйственного развертывания // Там же. № 11—12 и др.

номический центр еще не овладел в полной мере рычагами тонкого управления хозяйственными процессами, в области планирования объективно резко возрастает роль текущего регулирования для активного маневрирования на рынке и обеспечения большей стабильности и управляемости хозяйственной системы. “Тот, кто лишает себя свободы маневрирования... если и не будет разбит на голову, то во всяком случае должен будет по целому ряду пунктов отступить... Мало составлять планы, надо уметь действительно хозяйствовать и понимать, где кончается применение плановой схемы и где наступает ответственность оперативного руководителя, живая хозяйственная работа”.

Что касается конкретной практики составления планов, Г.Я. Сокольников полагал целесообразным в сложившихся условиях строить для первого полугодия возможно более конкретные планы, чтобы обеспечить накопление реальных ресурсов, на которые можно опираться в начале второго полугодия. В этой связи он ссылаясь на опыт Наркомфина, именно так разрабатывавшего бюджет.

Словом, противоположность “перспективных” и “регулятивных” функций планового хозяйствования приняла вполне оформленный вид, причем, как и следовало ожидать, разграничение позиций экономистов произошло именно по линии Госплан — Наркомфин. Однако вскоре обнаружился и еще один, дополнительный фактор этого противостояния, придававший ему новую направленность и особую остроту.

Речь идет об участии Г.Я. Сокольникова в “новой оппозиции”, резко полемизировавшей со сталинским руководством ЦК накануне и во время XIV съезда партии. В результате вместо строгого научного анализа проблемы со стороны некоторых представителей Госплана посыпались обвинения, что глава НКФ выступает “не только против данных контрольных цифр, а против планового хозяйства вообще” (В.П. Милютин); его суждения о планировании квалифицировались как “жалкая мещанская утопия”. Именно здесь жестко и довольно неожиданно для высокопоставленного сотрудника Госплана прозвучало противопоставление плановых мероприятий рыночным механизмам и тенденциям. “Нет, не приспособляться к ней (рыночной обстановке. — В.М.), а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям, вот единственный надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства” — это вновь слова С.Г. Струмилина.

Как видим, ряд работников Госплана параллельно с защитой своего детища оказались на этой же почве вовлеченными уже в

политическую борьбу. Логика этой борьбы неизбежно заставляла делать новые шаги на пути утверждения в центральном плановом органе антирыночной идеологии, которая позволяла, кроме всего прочего, обеспечить продвижение Госплана к верхним ступеням иерархической структуры управления народным хозяйством СССР. Однако это будет делом следующих нескольких лет, причем жертвами возвышения Госплана станут и многие сотрудники, не пожелавшие изменить своим экономическим убеждениям.

Будущий раскол Госплана наглядно прослеживается в этой дискуссии не только в самом факте двойственного толкования роли “Контрольных цифр”, но и в конкретных позициях его сотрудников по обсуждавшимся вопросам. И здесь у Г.Я. Сокольникова было немало идейно близких ему людей. Так, например, с размышлениями о “крестплане”, вызвавшими столько резких обвинений, выступал почти тремя годами раньше П.И. Попов (один из руководящих работников Наркомзема и Госплана). Вот что он говорил на заседании президиума Госплана в феврале 1923 г.:

“Вообще является большой ошибкой видеть в крестьянском хозяйстве не крестьянское хозяйство, а хозяйство трестов, которые составляют чуть ли не ежедневно свой хозяйственный план, и хотя крестьянин не имеет никакого представления о так называемом организационном плане, тем не менее он его фактически проводит куда лучше директоров многих наших трестов и синдикатов” (ЦГАНХ. Ф. 4372. Оп. I. Ед. хр. 127. Л. 339).

В принципе аналогично подходил к оценке роли плана сельского хозяйства в общей системе планирования и В.А. Базаров, когда утверждал, что генетически выведенный план аграрного производства составит базу промышленного общегосударственного плана.

Однако пока политический уклон в плановой дискуссии оставался довольно ограниченным. Искусственность подобного противопоставления плана и рынка была очевидна многим экономистам, включая, возможно, и того же С.Г. Струмилина, который только что сам разрабатывал плановый документ, в значительной мере опиравшийся на данные о рыночной конъюнктуре.

Вообще метафизическая постановка вопроса: “Что первично — план или рынок?” не получила на том этапе социально-экономической жизни страны доминирующего звучания. Вопрос чаще ставился иначе: “Какой план? Какая стихия?” И при ответе обращалось внимание на то, что в самих стихийных силах

имеются тенденции, ведущие в желательном (как с экономической, так и с социальной точки зрения) направлении. В стихийных процессах, утверждал тогда В.Н. Сарабьянов, содержится и искомая “социалистическая составляющая”, опора на которую была бы чрезвычайно важна в планировании. Кроме того, сам план должен нести в себе противоречивое взаимодействие как стихийных, так и организованных элементов.

По словам Б. Бажанова, план нашей хозяйственной деятельности “будет реален настолько, насколько правильно в нем учтены характер хозяйственных связей и действительный эффект тех или иных экономических явлений; учтены не только действительные следствия наших экономических мероприятий на неорганизованную часть народного хозяйства, но и действительные следствия влияния неорганизованной хозяйственной части на организованную и сконцентрированную в наших руках” Развивая эти соображения, Б. Бажанов связывал директивность плана с концептуальной целостностью, со способностью его четко сформулировать стройную систему экономической политики, обеспечивающую динамичное равновесие народного хозяйства благодаря “умному маневрированию”, проведению необходимых мероприятий.

Другой проблемой, активно обсуждавшейся в связи с проектом первых “Контрольных цифр” Госплана, стала, естественно, содержательная сторона этого документа — сама концепция экономического роста и методологические принципы ее формирования.

Перед страной в этот период встали две задачи, решение которых и составляло ядро разрабатываемой концепции. С одной стороны, как свидетельствовала статистика, восстановительный процесс подходил к концу. Этот вывод следовал из того, что объемы производства основных видов продукции приближались (хотя и в разных отраслях по-разному) к показателям 1913 г. Правда, это означало, что так и не удалось обеспечить развитие народного хозяйства по наиболее эффективному пути, предполагавшему “наложение” процессов восстановления и реконструкции. Однако политиков и экономистов не особенно расстраивал данный факт, поскольку восстановление удалось завершить значительно быстрее, чем поначалу (в 1921—1922 гг.) предполагалось.

Одновременно надо было энергично решать проблему обострившегося товарного голода. Власти предприняли летом 1925 г.

ряд шагов по преодолению возникавших затруднений, но все дело свелось к различным мерам административного воздействия на производителей и торговцев: был ужесточен контроль за ценами, запрещено продавать продукцию частным торговцам, введены планы распределения продукции ("планы завоза") по ряду областей и республик. Снабжение рабочих товарами активизировали и профсоюзы, однако и здесь все дело свелось к требованиям борьбы с частником и административного снижения цен, невзирая на дефицит товаров.

В представлении экономистов Госплана преодоление товарного дефицита и завершение восстановительного процесса были взаимосвязанными задачами, для решения которых требовалось осуществить одни и те же мероприятия экономической политики. И объяснялось это той методологической базой, на которой анализировалось реальное состояние народного хозяйства и определялись контрольные цифры его развития в ближайшем году. Речь идет о так называемых закономерностях восстановительного процесса.

Исследование этих закономерностей, начавшееся еще в 1922—1923 гг., велось по двум взаимосвязанным направлениям. С одной стороны, В.А. Базаров сформулировал общий закон восстановительного процесса, получивший название "затухающая кривая" (имелось в виду, что по мере исчерпания восстановительных возможностей скорость хозяйственного роста теоретически должна замедляться), а также описал влияние на этот закон различных факторов роста и модификацию его в реальной жизни¹. С другой стороны, В.Г. Громан и возглавляемые им работники Конъюнктурного совета Госплана исследовали эмпирические закономерности этапа восстановления. Они проследили тенденции формирования определенных стоимостных пропорций, аналогичных дореволюционным. Это объяснялось тем, что при одинаковом материально-техническом базисе равновесное состояние требует аналогичных стоимостных соотношений, достижение которых в тех условиях должно было стать естественной ступенью на пути к дальнейшим прогрессивным народнохозяйственным сдвигам².

Результаты этих исследований и были в значительной мере использованы в качестве "регулятивных принципов" при эк-

¹Базаров В. Текущая хозяйственная конъюнктура // Экономическое обозрение. 1923. № 1. С. 5; Он же. О "восстановительных процессах" вообще и об "эмиссионных возможностях" в частности // Там же. 1925. № 1.

²Громан В. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2.

страполировании временных рядов и отыскании коэффициентов, характеризующих хозяйственную динамику на 1925/26 г. Таких принципов было три.

Во-первых, в период разрухи сильнее пострадали наиболее сложные (в техническом или организационном отношении) виды хозяйственной деятельности и меньше — примитивные (сельское хозяйство, некоторые ремесла). Вместе с тем отрасли, обслуживающие первичные потребности (продовольствие и топливо), были дезорганизованы относительно меньше, чем производство средств производства.

Во-вторых, восстановительный процесс захватил раньше ту отрасль, потребность в деятельности которой является наиболее настоятельной, и при прочих равных условиях шел тем быстрее, чем сильнее она была дезорганизована.

В-третьих, в народном хозяйстве существуют некоторые устойчивые пропорции (коэффициенты), стремление к которым объективных тенденций роста позволяет установить “не только для текущего времени, но и для ближайшего будущего динамическую систему равновесия” Это “такие количественные соотношения между отдельными сторонами народнохозяйственного целого, поддержание которых необходимо для того, чтобы грядущее развитие совершалось возможно безболезненнее и при наименьшей затрате сил давало оптимальные результаты” В частности, наблюдения свидетельствовали о стремлении стоимостных соотношений товарных масс промышленности и сельского хозяйства к пропорции 63:37, что позволяло делать вполне конкретные выводы относительно динамики цен на эту продукцию в зависимости от изменения объемов производства¹.

Отсюда следовали соображения и директивы относительно перспектив хозяйственного роста. Поскольку к концу 1925/26 хозяйственного года восстановительный процесс должен был в основном завершиться, темп роста отдельных отраслей и сфер экономики проектировался таким, чтобы в конечной точке все они достигли примерно состояния 1913 г. (Разумеется, с поправкой на произошедшие социально-экономические сдвиги, хотя в конкретных расчетах они учитывались весьма слабо.)

Это означало, что при общем замедлении темпов по сравнению с 1924/25 г. рост промышленности будет опережать (а по ряду отраслей весьма существенно) показатели по сельскому хозяйству. Последнее, наименее деформированное за годы войны и ранее всего приступившее к восстановлению, опередило на

¹Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 г. С. 9—10.

этом пути промышленность, что и привело к значительному превышению крестьянского спроса над предложением производимых в городе товаров. Для выравнивания диспропорции и в полном соответствии с логикой восстановительного процесса повышенное внимание в предстоящем году Госплан предлагал уделить промышленности, направив в нее и основной поток инвестиций. При общем 50%-м темпе роста индустрии по плану по учтенным отраслям динамика производства средств производства с учетом неодновременности начала восстановления началась выше, чем по производству предметов потребления, в большей уже мере захваченных “затухающей кривой”

Курс на преодоление товарного голода ускоренным развитием промышленности предполагалось подкрепить мерами, которые вызвали настоящий шок у многих экономистов. В соответствии с восстановительными закономерностями достижение равновесного состояния, близкого к 1913 г., ожидалось не только в отраслевом разрезе, но и с точки зрения решения финансово-кредитных и денежных проблем.

Исходя из единства материально-вещественной и товарно-стоимостной структуры производства, авторы “Контрольных цифр” ожидали к концу 1925/26 г. достижения и в этих сферах параметров предвоенной России. А поскольку, как свидетельствовала статистика, денежная масса в 1925 г. отставала от товарооборота в сравнении с той же пропорцией 1913 г., а кредит отставал от денежной массы, то соответственно делался вывод о целесообразности превышения, причем весьма значительного, темпов роста кредита над денежной массой и последней — над товарооборотом. Тем самым решались бы и финансовые проблемы преодоления товарного голода через рост промышленности — она получила практически неограниченные возможности для кредитования.

Я хотел бы обратить особое внимание на ситуацию, сложившуюся при разработке первых “Контрольных цифр”. Она является собой чрезвычайно интересный феномен формализации плановой логики и возникающего на этой почве фетишизма цифр и статистических выкладок, тем более что жертвами его стали действительно незаурядные экономисты.

Исследование закономерностей хозяйственного роста — проблема сама по себе очень важная в планировании. Идея построения планового документа на базе некоторых объективных закономерностей развития экономики, вытекающих из количественного и качественного анализа определенного периода, является важным методологическим приобретением 20-х годов. Она была практически утеряна на последующих этапах развития

планирования, а вернее, превратилась в свою противоположность — в пресловутое “планирование от достигнутого” Между тем постоянное изучение реальных закономерностей функционирования хозяйственной системы могло бы быть надежной базой при принятии социально-экономических решений стратегического характера.

Однако и сами эти закономерности могут при определенных условиях оказаться опасным орудием в руках аналитика, а еще более — руководителя. Применение жесткой схемы в экономическом исследовании, и особенно схемы, опирающейся на централизованную в значительной степени хозяйственную систему, способствует догматизации формулируемых решений, игнорированию многих факторов, а иногда и очевидных экономических реалий. Догма, оказавшись привязанной к закономерности, становится самодовлеющим феноменом экономической политики со всеми вытекающими последствиями.

И методологическая база “Контрольных цифр”, и содержащаяся в них концепция экономической политики были подвергнуты жесткой критике со стороны видных экономистов страны. Poleмика продолжалась на протяжении всего 1925/26 г., отдельные отзвуки ее были слышны и позднее. Реальное развитие народного хозяйства сопоставлялось с намечавшимся, обсуждались причины существенных отклонений от первоначально определенного курса, а также причины усугублявшихся трудностей и пути их преодоления.

Обобщая многочисленные высказывания относительно концепции “Контрольных цифр”, можно выделить три наиболее важных и взаимосвязанных направления критики. Во-первых, выдвинутые закономерности чрезвычайно упрощают реальные тенденции, преувеличивая нормативную роль довоенного равновесия. Во-вторых, предложенная программа является по сути своей инфляционной. В-третьих, намеченный экономический рост не подкрепляется соответствующими расчетами, обеспечивающими сбалансированность расширенного воспроизводства.

Методологическая критика госплановского документа сводилась к следующему. Прежде всего отмечалась чрезвычайная абстрактность “восстановительных закономерностей” и условность их использования в качестве основных регулирующих принципов планирования. На практике процессы восстановления и реконструкции переплетаются гораздо сильнее, не говоря уже о крупных социальных сдвигах, происшедших после 1917 г. и оказавших огромное влияние на изменение характера хозяйственных взаимосвязей. Так, например, достижение довоенных

объемов производства всеми отраслями народного хозяйства все не должно сопровождаться восстановлением денежной массы в прежних размерах, так как земля теперь выведена из сферы товарного обращения, а многочисленные платежи крестьянства государству отменены.

Эти и другие особенности советской экономики по сравнению с дореволюционной не давали оснований ни для реализации теоретической модели восстановительного процесса, ни для утверждений о том, что на данном этапе народное хозяйство однозначно стремится к достижению пропорций 1913 г. Особенно резко отнеслись многие экономисты к идее существования устойчивых коэффициентов типа 63:37, увидев в них какой-то магический смысл.

Далее, выдвигалось соображение, что получаемые на основе закономерностей восстановительного процесса динамические коэффициенты не могут служить достаточно надежным обоснованием для экстраполяции, поскольку сами они опираются не на анализ внутренних причинно-следственных связей, а на эмпирические данные, которые вовсе не обязательно будут устойчивы даже в ближайшем будущем.

Наконец, резкой и обоснованной критике было подвергнуто стремление Госплана рассмотреть тезис о “более быстром развитии более разрушенных элементов” не только применительно к отраслям, но и в связи с отдельными сферами экономической жизни, включая денежное обращение и кредит. Ошибочность такого подхода объяснялась как особым характером исторического процесса развития этих сфер (они пострадали не просто вследствие общей разрухи, а в результате сознательного курса на их ликвидацию, и восстановление их в значительной мере проходило под прямым контролем государственной власти, причем на отличных от довоенного времени социальных основаниях), так и их особым положением в народнохозяйственной системе, известной автономностью по отношению к развитию производства.

* * *

А как обстояли дела на практике? “Контрольные цифры” так и не были приняты официально, но ряд решений и действий государственной власти во второй половине 1925 г. фактически соответствовал предложенной Госпланом концепции. Благоприятные виды на урожай вселили надежду на расширение хлебного экспорта, выручка от которого могла бы быть использована на закупку необходимых для роста промышленности сырья и

оборудования. Под это были выделены значительные кредиты заготовительным организациям. Одновременно, уже к середине 1925 г., усилилось кредитование тяжелой промышленности, что сопровождалось увеличением спроса не только на средства производства, но и на предметы потребления со стороны вовлекаемых в тяжелую индустрию рабочих. Дефицит на потребительском рынке возрастал.

Осенью ситуация резко обострилась: хлебозаготовительная кампания не оправдала связывавшихся с ней ожиданий. Урожай оказался ниже, чем предполагалось (во время уборки прошли дожди), а крестьяне, и это главное, из-за отсутствия нужных им товаров не были заинтересованы продавать хлеб. Между тем в соответствии с намеченными планами осуществлялось щедрое кредитование государственных заготовителей, которые, так же как и кредитные органы, имели свои задания по закупкам и стремились их выполнить. Существенное превышение спроса над предложением и конкуренция государственных хлебозаготовителей друг с другом, принимавшая иногда дикие формы (порча мостов, перекапывание дорог, чтобы помешать “сопернику”), вели к росту цен на зерно. Невозможность отоварить деньги вынуждала крестьян придерживать хлеб. В результате снижались объемы и рентабельность экспорта. Объемы импорта также должны были сократиться. Наконец, общий рост цен негативно влиял на курс червонца — важнейшую предпосылку устойчивого функционирования рынка и эффективности планового регулирования.

Авторы “Контрольных цифр” продемонстрировали в этих условиях неподражаемый образец “зацикленности” мышления, свойственного, как оказалось, даже крупным экономистам в ситуации, когда они оказываются погруженными в умиротворяющую среду абсолютной плановой идеи. Они убеждали научную общественность и хозяйственных руководителей, что все проблемы объясняются неожиданно пошедшими дождями, которые нельзя было предвидеть на стадии разработки документа. Даже принимая эти аргументы, нельзя не заметить, что остается открытым вопрос: как добиться, чтобы план не усугублял проблемы в случае неожиданного изменения ситуации, а, напротив, помогал быстро их решать.

Но дело этим не ограничилось. В Госплане продолжали пропагандировать курс на рост объемов кредитования промышленности (хотя и в меньших масштабах, чем предполагалось первоначально). Опираясь данными своих статистических обследований, здесь доказывали, что, несмотря на рост цен, у многих предприятий обнаруживается острый недостаток финансовых ресурсов. А

следовательно, для бесперебойного роста промышленности и преодоления дефицита надо предприятиям эти средства дать. Вовсе не инфляция порождает хозяйственные трудности, утверждал, например, госплановский финансист С.М. Киселев, а дефекты планового снабжения (несоответствие объемов и структуры “планов завоза” реальным потребностям регионов), крупный спрос на строительные материалы и различные полуфабрикаты, чрезмерные поступления в госбюджет прибыли предприятий при усилении потребительского характера расходной части бюджета.

Отсюда следовал вывод о необходимости и возможности расширения масштабов кредитования промышленности как условия роста предложения ее продукции на рынке при одновременной глубокой реформе государственного бюджета — его сжатии, ограничении потребительского спроса госорганов и кооперации. Для этого предлагалось использовать как методы жесткого (административного) планирования, так и налоговое регулирование покупательной способности населения¹. (Подобная аргументация будет жить, наверное, вечно... И сейчас, в условиях растущей инфляции и тотального дефицита не столь уж редко можно услышать, что, мол, денег у народа нет, а потому бессмысленно и говорить о нарушении законов рынка, о превышении спроса над предложением. Для исправления же положения надо только лучше учитывать потребности, строже спрашивать с чиновников, навести порядок на производстве, ввести премирование за снижение цен, а главное — перестать митинговать.)

Понятно, что подобные рассуждения и предложения вызывали решительный протест у многих, если не у большинства экономистов. Они подчеркивали, что мероприятия 1925 г. уже нарушили важнейшую предпосылку нормального функционирования рынка — существование только того спроса, который вытекает из механизма взаимоотношений производства и обмена. Именно нарушение указанной предпосылки подвело “к нарушению необходимого соотношения в отраслях промышленности, производящих средства производства и предметы потребления. Эти два условия привели к зарождению товарного голода на городском рынке. А все это, вместе взятое, послужило толчком к расстройству сельскохозяйственного рынка”².

¹Киселев С.М. Оценка текущего состояния денежного обращения// Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 47—48.

²Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 61.

Расширение объемов кредитования становилось чрезвычайно опасным, даже если бы кредиты направлялись на производство предметов потребления. Ведь появлению новых товаров предшествует дополнительный спрос, способный лишь обострить дефицит как непосредственно, так и по причине ускорения обращения денег. “В результате мыслим теоретически такой исход, что выброшенные по окончании производственного цикла на рынок новые массы товаров будут не только недостаточны для удовлетворения обострившегося товарного голода, но создадут положение еще худшее, чем было до эмиссии новых денег”, — писал молодой тогда экономист А.Л. Вайнштейн¹.

Такая ситуация позволила некоторым экономистам высказать упрек “Контрольным цифрам” в слабой проработке балансовой стороны дела. Речь шла не о формальной сбалансированности натурально-вещественных пропорций: здесь тоже оставались вопросы, но не они были решающими. Несбалансированным оказался сам процесс расширенного воспроизводства, т. е. соответствие между ростом национального дохода, накоплениями и инвестиционной программой.

В результате, не завершив еще восстановительного процесса, советская экономика столкнулась с явным “перенакоплением”. Хотя Госплан и возражал на словах против чрезмерного роста нового строительства в 1926 г., его денежно-кредитная концепция была прямо противоположной. Но дело было даже не в концепциях и не в идеологии. Уже начало энергично проявляться стремление предприятий к усиленному экстенсивному росту. Нередко они брали краткосрочные кредиты (за счет эмиссионных средств), высвобождая для капитальной работы те собственные средства, которые были помещены в товары. Все больше векселей предъявлялось к счету. Однако если госплановские экономисты видели в этом признаки нехватки денежной массы в обращении, то их оппоненты (например, Л.Н. Юровский) — опасный признак отсутствия у предприятий достаточных стимулов к осторожному и обоснованному использованию капитальных средств². Кроме того, расчеты показывали, что потенциальная товарность деревни, зависящая от ряда социально-экономических факторов, еще не достигла довоенных показателей. Это лишало смысла исходный тезис об отставании промышленности от сельского хозяйства.

¹Конъюнктура народного хозяйства СССР и мирового хозяйства в 1925/26 г, М., 1927. С. 6.

²Юровский Л. К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.

Подобные рассуждения приводили исследователей к выводу, что главной причиной кризисных явлений выступает общая несбалансированность роста всех отраслей и сфер народного хозяйства. Ставился вопрос о более осторожном определении размеров инвестиционной деятельности и более равномерном распределении капиталовложений между различными отраслями.

Признание факта перенакопления и необходимости обеспечения реальной сбалансированности воспроизводственного процесса было связано с задачей достижения и поддержания рыночного равновесия как важнейшего условия преодоления товарного голода. Именно на эти моменты делал упор в своей практической деятельности в качестве Народного Комиссара финансов и в публикациях Г.Я. Сокольников. Устойчивость курса червонца — центральный пункт его политики. Он прибегал к широкомасштабной валютной интервенции, настаивал на активном использовании импорта потребительских товаров и вообще товаров крестьянского спроса для поддержания рыночного равновесия. Г.Я. Сокольников решительно выступал за усиление налогообложения зажиточных слоев населения, видя в этом фактор смягчения как рыночной напряженности, так и позиций деревенской “верхушки”. Не менее важным способом обеспечения сбалансированного роста он считал рестрикцию кредита — ограничение выпуска в обращение новых платежных средств¹.

Фактически то было началом нового, драматического этапа противостояния обеих линий планового хозяйствования — определенной программы роста и системы рыночного регулирования. Точнее, это противостояние было одним из стержневых моментов политики, хотя ее содержание было, разумеется, гораздо шире.

На практике проводился весьма непоследовательный курс, и обе стороны имели в дальнейшем основания обвинять друг друга в том, что именно мероприятия их оппонентов и обусловили все последующие сложности хозяйственной жизни. Росли инвестиции в промышленность, что лишь подстегивало усиление спроса, опережающего возможности товарного предложения. Напряженность на рынке, понятно, не ослабевала.

Однако и курс на урегулирование рынка оказался столь же неэффективным, как и попытки решения проблем через рост промышленного производства. Провалилась валютная интервенция: поглотив немалые запасы золота и иностранной валю-

¹Вестник финансов. 1925. № 10. С. 3—22; Вестник Коммунистической Академии. 1926. Кн. XVII. С. 200—205.

ты, она не смогла удержать курс червонца. Причиной этого во многом явилось усиление политической нестабильности на рубеже 1925—1926 гг., попытки решения проблемы административным путем — вытеснением частного капитала из сферы обращения товаров, из-за чего он устремился на валютный рынок. Идеологизация экономической жизни не могла не сказаться отрицательно на попытках действовать через налоговую систему: усиление обложения деревенской “верхушки” оказало дестимулирующее воздействие на крепких крестьян, хозяйство которых выделялось наибольшей товарностью.

Одновременное снижение налога на беднейшие слои деревни сделало экономически бессмысленной первую акцию — покупательный спрос не сократился, но лишь еще более сместился в область потребительских товаров. Ориентация на бедняка как на опору Советской власти давала наглядные хозяйственные результаты. Противоречивость задачи экономического роста и социальных (точнее, доктринальных) ограничений выступала непреодолимым фактором при поиске путей выхода из трудностей и разработки эффективного курса экономической политики. С этим феноменом нам еще придется столкнуться при рассмотрении проблем перспективного планирования.

Словом, отсутствие экономических механизмов, способных одновременно обеспечивать и сбалансированность, и динамичное развитие народного хозяйства, делало неизбежным повышение роли административно-директивного начала в планировании в ущерб регулированию на основе поддержания постоянного равновесия хозяйственной системы.

Действительно, реальная ситуация была сложнее, чем это представлялось не только плановикам Госплана, но и многим деятелям Наркомфина. Она была связана не с принятием решений относительно перспективных параметров хозяйственного роста и не с тем или иным курсом в области текущего регулирования — при всей важности и того, и другого. Социально-экономическая система так и не смогла сформировать внутри себя субъектов, заинтересованных в долгосрочном и эффективном функционировании. Политическая и экономическая ситуация в стране отнюдь не заинтересовывала в таком росте, а следовательно, в накоплении частных производителей вообще и крестьян в особенности. Государственные же предприятия, независимость которых от управленческих органов неуклонно сходила на нет, оказывались в противоречивом положении — будучи заинтересованными в своем росте за счет бюджетных ассигнований, они оставались безразличными к эффективности использования выделенных им ресурсов.

Все это означало, что плановое хозяйствование (как определение перспектив роста, так и текущее регулирование) лишаются возможности опираться на объективный интерес непосредственных производителей в собственном росте, на что еще недавно возлагались столь большие надежды при обосновании тесной взаимосвязи плана и рынка. В такой ситуации план все в большей мере должен был ориентироваться на административное увязывание действий хозяйствующих субъектов друг с другом, а следовательно, на “физические” показатели в ущерб рыночному равновесию. И это положение нельзя было исправить ни увеличением выпуска товаров, ни непосредственными операциями на рынке.

Хотя оба подхода не дали нужных результатов, административный нажим и партийно-политический диктат оставляли надежду на овладение положением. Для этих же целей, естественно, больше подходил Госплан, способный нарисовать общедоступную картину светлого будущего и путей к нему, нежели Наркомфин с его постоянными заботами о столь подозрительном рынке и конъюнктуре. И, действительно, если с 1924 г. соотношение сил постепенно меняется в пользу Госплана, то в 1926 г. происходит, пожалуй, окончательное поражение Наркомфина. Сменилось и его руководство: в январе с поста Народного Комиссара финансов был смещен Г.Я. Сокольников — политик, способный противостоять массивному давлению на финансовую систему со стороны партийной и государственной бюрократии.

Правда, именно в это время появляются работы, авторы которых заявляют о необходимости решительно углубить первоначальную концепцию нэпа в направлении последовательной реализации социально-экономических принципов функционирования рыночного хозяйства. В.В. Новожилов, Л.Н. Юровский, Я.Х. Репше публикуют статьи, в которых, отталкиваясь от анализа контрольных цифр или текущих проблем экономической политики, начинается важный разговор о природе хозяйственного строя нэпа, о механизме его функционирования и направлениях совершенствования (или эволюционирования)¹. Поскольку работы первых двух из названных выше экономистов хорошо знакомы нашим современникам, я хочу обратить вни-

¹Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2; Репше Я.Х. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1926. № 2; Юровский Л. К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе // Вестник финансов. 1926. № 12.

мание на некоторые размышления Я.Х. Репше, содержащиеся в статье “Наши экономические проблемы”.

Анализируя сложившуюся к началу 1926 г. ситуацию в народном хозяйстве, автор соглашается с тем, что необходимы централизованные меры, включающие и кредитную политику, обеспечивающую сбалансированный рост промышленности, и рыночное регулирование, и уравнивающие спрос и предложение цены. Но положительный результат они дадут лишь в том случае, если не будут идти “вразрез с реальной установкой наших хозяйственных организаций и их движущими силами”. Нужны серьезные изменения в самом механизме хозяйствования, доказывал Я.Х. Репше, в направлении решительного отказа от прямого административного вмешательства в процесс производства и обмена товаров. И прежде всего это касается государственных предприятий, статус которых не может служить основанием для игнорирования их прав и интересов вышестоящими органами управления.

Подчеркивая принципиальную несовместимость принудительного плана и хозрасчета, Репше ставил задачу “перехода от административного к экономическому планированию”: “Каждая хозяйственная организация должна быть поставлена в такие экономические условия, чтобы, руководствуясь исключительно своей выгодой, она выполняла волю народного хозяйства” Экономическое принуждение эффективнее административного, а там, где первое само по себе не действует, государство должно создать соответствующую систему рычагов, позволяющую согласовывать интересы целого и отдельных его частей. Преодоление же администрирования должно быть доведено до логического результата — отказа от формальной плановой привязки потребителей к производителям, от создания предпочтений одной (государственной) форме собственности перед другими.

Анализ последствий сохранения нынешней ситуации, в которой административный уклон в планировании был явно преобладающим, приводил Я.Х. Репше к весьма неутешительным выводам относительно перспектив советской плановой системы уже в недалеком будущем. Во-первых, директивное плановое задание воспринимается предприятием как нечто чуждое, враждебное его интересам и вместе с тем как нечто такое, “что можно обойти, устранить при некоторых манипуляциях и некоторой борьбе с регулирующими органами” Отсюда — неизбежность рассогласования интересов плановых и хозяйственных органов, стремление производителей к занижению своих возможностей под видом “борьбы за план” Во-вторых, в конечном итоге “мы останемся без всякого планирования”. Растущая

мощь хозяйственных организаций (трестов) позволяла им легко игнорировать требования плановых органов и руководствоваться исключительно собственной выгодой безотносительно к запросам центра и потребителей.

Однако к преобразованиям такого рода политические руководители страны не были готовы, а резкая отповедь, последовавшая вскоре после публикации статей Я.Х. Репше и В.В.Новожилова, также не способствовала углублению анализа в этом направлении.

Практика планового хозяйствования уже взяла иной курс. Постепенно начали расшатываться рыночные механизмы — свертывалась самостоятельность предприятий, вместо конкурентной борьбы происходило удушение частного сектора мерами прямого принуждения, червонец потерял былую устойчивость, хозяйственное право практически бездействовало. По мере этих изменений в сфере реальных хозяйственных отношений происходили неуклонные изменения и собственно в планировании.

1. ПОЧЕМУ ПЯТИЛЕТКА?

Создание плановых документов, охватывающих продолжительный период, всегда привлекало советских лидеров. Соответствующие шаги предпринимались даже в годы гражданской войны и военного коммунизма. С началом нэпа решение этой задачи, казалось бы, становится более реальным, и к 1927 г. вокруг этой проблемы сосредоточивается центр дискуссий по проблемам планового регулирования народного хозяйства. Тому было несколько причин.

Прежде всего завершение восстановительного процесса потребовало определения общей концепции дальнейшего развития социально-экономической системы СССР. Восстановление оказалось гораздо менее продолжительным, чем ожидалось в начале 20-х, но осуществлялось без сколько-нибудь значительных реконструктивных мероприятий. Если первый процесс в силу собственной внутренней логики мог развиваться как бы сам по себе, без четко выбранных стратегических ориентиров, то теперь ситуация становилась иной. Реконструкция, даже при примерно одинаковом понимании всеми ее общей цели, может происходить различными путями, при разных (как по объему, так и по структуре) затратах и издержках — материальных, финансовых, а также социальных. Мало кто сомневался, что народное хозяйство нашей страны должно встать на путь индустриализации, т. е. продолжить те тенденции, которые уже начали осуществляться на рубеже XIX—XX вв. и особенно перед мировой войной. Оставалось выбрать механизм решения этой задачи из имеющихся альтернатив. А альтернативы были.

Другая существенная причина, заставлявшая тогда акцентировать внимание на перспективном планировании, связана с изменением соотношения сил между центральными планово-регулирующими ведомствами, что в свою очередь отражало определенные сдвиги в восприятии реальных проблем хозяйственной практики высшим политическим руководством стра-

ны. Как я уже отмечал, в 1926 г. произошел окончательный перелом в пользу Госплана, который начал фактически (а не только формально) играть роль главного авторитета в планировании. Соответственно вопросы текущего рыночного регулирования отходили на второй план. В 1926 г. была свергнута столь ненавистная многим хозяйственникам “диктатура финансов”, которая особенно ярко проявлялась в ограничении индустриальной экспансии более или менее жесткими кредитными рамками. Теперь финансовая сторона воспроизводственного процесса оказывалась окончательно подчиненной задачам “построения социализма”, примитивно отождествляемым с ростом государственной промышленности любой ценой.

Это означало, что госбюджет и кредитный план фактически теряют самостоятельное значение. Они становятся не более, чем разделами общего плана развития народного (точнее, государственного) хозяйства. Они не связаны в той мере, как раньше, проблемами текущего регулирования рынка. Не имея мощного оппонента в лице Наркомфина, Госплан смог, наконец, активно приступить к выполнению своей главной задачи — к выработке перспективного плана. Тем более, что к этому его толкали и решения партийных органов, и общественное мнение, для выразителей которого понятия “социализм”, “светлое будущее” и “перспективный план” были слиты в единое целое.

После завершения работы над первыми “Контрольными цифрами” Госплан все более решительно сосредоточивается на проблемах перспективного планирования. Именно в это время “цепочка Кржижановского” приобретает вполне четкий и законченный вид. По словам председателя Госплана, широкое признание среди советских экономистов получил тогда тезис о сочетании годового, пятилетнего и генерального планов. “Годовой план — это больше всего план эксплуатационный. Генеральный план, охватывающий 10—15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства”, — утверждал Г.М. Кржижановский¹.

В соответствии с решениями I съезда плановых органов была сформирована специальная комиссия по генплану под руководством П.С. Осадчего. Она вскоре приступила к работе, начав сбор материалов по отдельным отраслям народного хозяйства. Усилия в этом направлении рассматривались как продолжение дела, начатого комиссией ГОЭЛРО. Очевидно, что и здесь речь шла прежде всего о некотором глобальном проекте развития

¹Кржижановский Г.М. Соч. Т. 2. М.—Л., 1934. С. 364—365.

производительных сил страны. Недаром дело возглавил П.С. Осадчий — видный инженер, активный участник разработки плана ГОЭЛРО.

Работа над генеральным планом затягивалась. Первую комиссию сменила вторая (во главе с Н.А. Ковалевским, 1928—1930 гг.), а ее — третья (Г.И. Ломов, 1931—1933 гг.). В этих комиссиях разворачивались интересные прогнозные исследования, собирался богатый материал, выдвигались новые подходы к анализу, включая опыты экономико-математического моделирования развития народного хозяйства¹. Однако сколько-нибудь существенных практических результатов получено не было. В какой-то мере это объясняется сложностью работы, требовавшей немалых усилий и времени. А ни того, ни другого в тот период не было.

Общественно-политическая ситуация все более дестабилизировалась. Руководители комиссий вместе со многими своими сотрудниками последовательно оказывались жертвами репрессий. (Генеральному плану в этом отношении особенно не везло. Два десятилетия спустя за работу над ним активно взялся влиятельный деятель сталинской иерархии — председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Но работа осталась незавершенной по аналогичным причинам — ее инициатор погиб по сфабрикованному обвинению. Впрочем, это — к слову. Мистической связи явлений здесь нет. Просто система делала свое дело.) Итак, генеральный план, как несколько раньше и план ГОЭЛРО, не смог сыграть той роли, которая предназначалась ему в официальных заявлениях.

Причины этого, по крупному счету, подобны тем, о которых речь уже шла выше в связи с вопросом о соотношении годовых и перспективных планов. Генеральный план не только было сложно разрабатывать. Быстро прогрессирующей административно-директивной системе он был просто-напросто не нужен. Правда, в середине 20-х годов вопрос о характере системы еще не совсем прояснился. В ходе “великого перелома” потребность в генеральном плане практически отпала, и после 1933 г. о нем вспоминали очень редко: обычно в связи с политическими амбициями некоторых руководителей или в целях пропаганды успехов социалистического строя и его устремленности в будущее. Практической же пользы генплан не мог принести, когда жизнь строилась по логике административно-обязательного

¹Особенно известны в этой связи разработки Г.А.Фельдмана, осуществленные в рамках комиссии Ковалевского и публиковавшиеся в журнале “Плановое хозяйство” (1928. № 11, 12; 1930. № 1).

плана-расписания. Повторим лишь, что центральное положение в ней занимает связывающий хозяйствующих субъектов годовой (или даже кварталный) план, а для общего концептуального оформления идеи планомерности достаточно плана среднесрочного (пятилетнего).

Такая судьба и была уготована пятилетнему плану. Благодаря широковещательной пропаганде, эстафета которой была подхвачена и в дальнейшем, слово “пятилетка” стало в те годы в мире довольно популярным. Однако факт остается фактом: сколько ни принималось самых высоких и строгих постановлений, обязывавших сделать пятилетку основным звеном в системе планирования, все они так и остались на бумаге. И в этом нельзя видеть чей-то злой умысел — функционирование народного хозяйства имеет свою логику, и в соответствии с ней определенные предпосылки “на входе” дают соответствующие результаты “на выходе”. Предпосылки же формировались и укреплялись неуклонно, как неуклонно шел к неограниченной власти И.В. Сталин.

Да, именно на пятилетке были сосредоточены основные силы Госплана во второй половине 20-х годов. Ей уделяли значительное внимание и другие хозяйственные ведомства, среди которых выделяется ВСНХ. Естественно, выбор пятилетия в качестве основы перспективного планирования требовал определенных разъяснений. По этому поводу Г.М. Кржижановский выдвинул ряд аргументов, ставших в литературе по планированию классическими.

“Во-первых, потому, что пятилетний срок является достаточно охватывающим для строительства крупных хозяйственных сооружений... Во-вторых, потому, что в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность... И наконец, в-третьих, что разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах хозяйственного строительства”.

Работа в области пятилетнего плана велась, разумеется, не на пустом месте. Госпланом и рядом других хозяйственных наркоматов (ВСНХ, НКЗ, НКПС) предпринимались и ранее попытки выработать соответствующие проекты. Как известно, уже в 1923 г. Промсекция Госплана под руководством И.А. Калининкова подготовила промышленный план по 30 отраслям до 1927/28 года. Тогда же пятилетний план развития металлургии был составлен в Главметалле ВСНХ. Пятилетний план развития

сельского и лесного хозяйства разрабатывался под руководством Н.Д. Кондратьева в Наркомземе. Наркомпуть от “пятилетнего плана ремонта паровозов” приступил к более тонкой проработке перспектив дальнейшего развития своей отрасли. Большой и интересный материал собрала Особая комиссия по восстановлению основного капитала (ОСВОК) при ВСНХ; в ее рамках под руководством А.М. Гинзбурга были подготовлены гипотезы относительно пятилетних перспектив (до 30 сентября 1930 г.). Однако именно с 1926 г. подобная работа приобретает широкий размах и систематический характер. Совет Труда и Оборона 24 марта 1926 г. принял решение, в соответствии с которым перспективные планы по отдельным отраслям должны были разрабатываться, как правило, на пятилетний период.

2. ВЫБОР ПУТИ

В этот же период разворачивалась острая дискуссия по общей концепции дальнейшего развития народного хозяйства СССР. В общем виде речь шла об определении путей индустриализации страны. Однако требовалась конкретность, и прежде всего в вопросах накопления, перераспределения и использования капитала. От этих решений зависели темпы развития советской экономики и социальный облик недалекого будущего.

Дискуссии о перспективах развития советского народного хозяйства, об источниках и механизме этого развития были тесно связаны с проходившим в то время обсуждением проектов “Контрольных цифр”. Одно, естественно, выросло из другого. Собственно, проблемы альтернативных вариантов экономического роста первоначально рассматривались в рамках концепции контрольных цифр. Именно здесь был впервые с невиданной ранее остротой поставлен фундаментальный вопрос стратегического планирования — о механизме накопления и инвестирования как предпосылке эффективного развития страны, ее производительных сил.

“Основной проблемой контрольных цифр должен быть ответ на вопрос о том, как возможно расширенное воспроизводство в народном хозяйстве СССР... Капиталонакопление, его источники и формы и те же вопросы для капиталовложений — вот центральные вопросы, на которые должны направлять свое внимание контрольные цифры”, — писал Н.П. Макаров. Приведенные слова можно и нужно

отнести не только и даже не столько к контрольным цифрам. Они имеют ключевое значение для понимания существа стоявшей перед центральными хозяйственными учреждениями плановой задачи (Экономическое обозрение. 1926. № 11. С. 66).

Выявилось два принципиально противоположных подхода к решению этих проблем. Один из них предполагал начинать индустриализацию с создания благоприятных условий для роста сельского хозяйства и связанных с ним отраслей промышленности (производителей направляемых в деревню изделий и переработчиков сельхозпродукции). Высокая скорость оборота капитала в этих отраслях, экспортный потенциал сельского хозяйства, накопление на этой основе достаточных запасов потребительских товаров, создание благодаря этому необходимых стимулов к труду (через насыщение покупательского спроса) — все это позволило бы подготовить необходимые предпосылки для быстрого роста в будущем тяжелой промышленности, и особенно машиностроения. Утверждалось, что такой путь позволит гораздо быстрее, чем “лобовая” атака, осуществить намеченные цели индустриализации.

Ярким примером такого подхода является позиция Л. Шанина, изложенная им в статье “Экономическая природа нашего бестоварья” (Экономическое обозрение. 1925. № 11. С. 35—39). Суть ее отражает следующий тезис: “Диспропорция... заключается в том, что основной капитал промышленности развертывается слишком быстро и что развертываются не те отрасли промышленности, какие могли бы удовлетворить созданный развертыванием промышленности спрос на предметы широкого потребления” Он полагал, что, лишь накапливая товарные запасы, можно будет осторожно и постепенно производить инвестиции и в тяжелую промышленность. Развернутое изложение этой концепции содержалось и в работах многих экономистов-аграрников, подчеркивавших значение бездефицитности и сбалансированности курса на индустриализацию.

При другом подходе упор делался на необходимость осуществления ускоренной индустриализации. Его обычно принято связывать с именами видных деятелей партийной оппозиции, близких к Л.Д. Троцкому. Их обвиняли впоследствии в стремлении развивать промышленность чрезвычайно высокими темпами и за счет деревни, но на практике они якобы оказывались “минималистами” Что же было в реальности?

Проблемы, которые настойчиво выделяли деятели, зачисленные в разряд троцкистской оппозиции, были реальны и напрямую связаны с противоречиями теоретической доктрины и по-

литической практики большевиков, провозгласивших “диктатуру пролетариата” при отсутствии к тому объективных (экономических и социальных) предпосылок. Индустриализация рассматривалась как путь к созданию и укреплению именно этих предпосылок, поскольку тем самым в руках государства концентрировалась бы вся мощь новых предприятий и одновременно формировался бы многочисленный рабочий класс как социальная опора власти. В принципе здесь была своя логика. Ведь крестьянство — собственник, не говоря уже о предпринимателях, не могло стать подлинной опорой режима. Для него требовались миллионы лишенных средств производства рабочих с невысоким уровнем культуры: не имея собственности, они всецело зависели бы от государства.

Объективный ход развития экономики противоречил относительно безболезненному выполнению этой задачи. Частный сектор демонстрировал большую эффективность. В нем (включая крестьянство) накапливались немалые средства, которые, однако, не могли быть использованы на развитие собственного производства. Госпромьшленность не давала для этого необходимых средств производства, не говоря уже об административных ограничениях на сделки с частным сектором и той реальной опасности политических, административных и уголовных репрессий, которые применялись к частнику, посмевавшему эффективно хозяйствовать и богатеть. Перелив капитала из частного сектора в отрасли, находившиеся в ведении государства, также был практически невозможен. Прямое участие частного капитала в этих отраслях, как правило, не разрешалось, а инвестирование через кредитную систему было невыгодным из-за низкой рентабельности госпромьшленности.

“Частно-капиталистическое хозяйство Советского Союза уже теперь имеет значительные накопления, которые, при сохранении частной собственности в крупной промышленности, влились бы в нее... Путь же в государственную промышленность этим частно-капиталистическим накоплениям прегражден социальными препятствиями, они должны были бы перейти на другие формы собственности, должны были бы подвергаться коренному изменению своей социальной сущности, терять основные свои качества, превратиться (добровольно?) из частной собственности в государственную”, — говорил тогда Я. Оссовский (Вестник Коммунистической Академии. М., 1926. Кн. XVI. С. 233—234).

Впрочем, при всей сомнительности выдвинутых аргументов здесь подмечен один очень важный момент: монополия государства на подавляющее большинство отраслей

промышленности и особый режим функционирования госпредприятий (я имею в виду ограниченную рыночную ответственность или, говоря современным языком, мягкие бюджетные ограничения) действительно разрывали целостность народнохозяйственного организма, лишая его гибкости и подвижности.

Все это накладывало отпечаток на обстановку конца восстановительного периода, когда возможности быстрого роста промышленности оказались исчерпанными, но, не будучи реконструированной, она еще не могла давать необходимых средств для собственного расширенного воспроизводства высокими темпами. “Мы на следующий год проектируем на 15% развитие промышленности... Можно будет говорить всего лишь о 5—7% развития хозяйства в 1927/28 году”, — с тревогой говорил в сентябре 1926 г. И.Т. Смилга¹. Тем самым, по мнению Е.А. Преображенского, И.Т. Смилги, Ю.Л. Пятакова, над социалистической перспективой нависла серьезная опасность. Отвести ее можно было лишь путем роста индустрии высокими темпами.

Здесь ярко и довольно неожиданно проступает логика, весьма характерная для государственного планирования в прошлом и в будущем: резервов нет, но по внеэкономическим соображениям задача во что бы то ни стало должна быть решена. И для ее решения предлагалось использовать разнообразные экономические и административные рычаги, причем последним отводилась существенная роль.

Особенно настойчиво обсуждались возможные пути перекачивания средств из деревни в город. Речь шла об использовании в этих целях превышения промышленных цен над сельскохозяйственными (пресловутые “ножницы”, о чем говорил Е.А. Преображенский) или усиленного налогообложения деревенской “верхушки”. Иных способов решения проблем индустриализации не видели, да их, пожалуй, и не было, если принять во внимание социально-экономические ограничения, которые содержались в условии поставленной задачи.

Те же социально-экономические рамки не могли преодолеть и сторонники “умеренного” курса в руководстве страны, делавшие ставку на сбалансированный рост промышленности и сельского хозяйства. Ведь сбалансированный рост предполагает и “сбалансированную” эффективность, т. е. тесную экономическую взаимосвязь отраслей, не требующую искусственного (или, точнее, насильственного) перераспределения накоплений. Но этой-то предпосылки как раз и не было.

¹Вестник Коммунистической Академии. Кн. XVII. С. 197.

Словом, противоречие между экономическими (высокая эффективность) и социальными критериями роста остро проявилось уже на самых первых стадиях формирования концепции государственного пятилетнего плана. И оно не могло не оказать значительного влияния как на сам план, так и на его практическую реализацию.

3. ГОСПЛАН ЗАГЛЯДЫВАЕТ В БУДУЩЕЕ?

Во второй половине 20-х годов Госпланом было подготовлено несколько вариантов пятилетнего плана. Вся сложность и противоречивость хозяйственно-политической ситуации тех лет непосредственно отражалась на дискуссиях вокруг первой пятилетки, что в конечном счете и определило ее исход. Последовательность во времени восстановительного и реконструктивного процессов (вместо их глубокого переплетения), обстановка товарного голода и неэффективность экономики, острая политическая борьба в обществе и, как следствие, отсутствие устойчивых стимулов роста для хозяйствующих субъектов — все это непосредственно влияло на развитие теории и практики перспективного планирования.

Обсуждение госплановских проектов велось на фоне усиления диктата над производством партийно-государственных структур, внеэкономического вытеснения частника, постоянных преследований и ограничений зажиточных крестьян в деревне. Свою роль сыграли и известные события зимы 1927/28 г., связанные с хлебозаготовительным кризисом и политикой чрезвычайных мер, за которыми последовала борьба с “правым уклоном” со всей ожесточенностью последнего шага И.В. Сталина к безграничной власти. И еще один, сугубо экономический феномен стал важным фактором проходившей дискуссии, переросшей в политические процессы, — реальные показатели в 1926—1929 гг. не выявили признаков снижения годовых темпов роста объемов производства, что порождало новые вопросы и обуславливало соответствующие решения.

В самом общем виде комплекс проблем планирования проявлялся как противоречие между необходимостью, с одной стороны, создания оптимальных условий для эффективного развития отдельных производителей и всего народного хозяйства, а с другой — наиболее экономного, рационального использования крайне ограниченных средств, для чего многие экономисты и политические лидеры считали необходимым максимально сконцентрировать наличные ресурсы в руках центра. Весьма харак-

терно в этом отношении следующее утверждение А.И. Рыкова — представителя "умеренного" крыла советского руководства, известного своей позицией в пользу последовательного развития нэпа, сосуществования различных секторов экономики и т.п. Необходимость и значение пятилетнего плана он обосновывал тем, что стихия в деле реконструкции представляет собой "величайшую опасность, ибо ограниченность наших ресурсов сравнительно с потребностями заставляет ставить это дело так, чтобы ни одна копейка не расходовалась без плана"¹. Понятно, что наличие централизованного плана-директивы должно было рассматриваться с таких позиций в качестве одного из решающих условий рациональности хозяйственной (инвестиционной) деятельности.

Первый проект народнохозяйственного пятилетнего плана был представлен Госпланом в начале 1926 г. (Тогда же примерно были опубликованы и материалы ОСВОК при ВСНХ, концептуально близкие госплановским.) Концентрируя основное внимание на идее индустриализации, проект констатировал, что решительная реконструкция аграрного сектора выходит за рамки текущего пятилетия. В результате проработка специальных мер, нацеленных на глубокие преобразования в промышленности, сочеталась с экстраполяцией динамики крестьянского сельского хозяйства. В соответствии с концепцией ОСВОК в течение первых двух лет предполагалось замедление более высоких темпов роста промышленности, а затем и их стабилизация. С 1924/25 по 1929/30 г. намечались следующие годовые показатели прироста в индустрии: 46, 34, 15, 10,8 и 10,8%. Это связывалось с исчерпанием восстановительных ресурсов при достижении к 1927 г. довоенных объемов производства. Одновременно намечался некоторый рост инвестиций. Характерной чертой проекта был заложенный в него дефицит внутрипромышленных накоплений по отношению к направляемым в эту отрасль инвестициям и предложение о компенсации этого дефицита за счет сельского хозяйства.

По сути дела это был план для государственного сектора экономики. Инвестиционная программа — ключевой элемент перспективных расчетов — не прорабатывалась по отношению к крестьянскому сельскому хозяйству. Аргументация здесь была проста: данная часть производства находится вне непосредственного контроля плановых органов.

Как видим, уже в такой постановке проблемы идея прямого регулирования хозяйствующих субъектов посредством плана яв-

¹Плановое хозяйство. 1926. № 3. С. 7. (Выделено мной. — В.М.)

лялась одним из базовых блоков системы централизованного планирования. Пока это проявлялось в исключении негосударственного сектора из объектов обзора плановых документов. А позднее — в ускоренном преобразовании его в форму, удобную для прямого, директивного руководства-командования. Иными словами, уже в первоначальном госплановском проекте пятилетки в логике его построения содержались зачатки будущих коллизий рубежа 20 — 30-х годов. Конечно, для этого нужны были соответствующие политические условия, которые позволили бы взять курс на быструю ликвидацию частного сектора. Но предпосылки такого крутого поворота с самого начала незримо стояли за спиной разработчиков пятилетнего плана.

Любопытный штрих. С.Г. Струмилин, подчеркивая внимание, которое было уделено в проекте промышленности, говорил, что “этот сектор наиболее интересен нам”, хотя и выступал пока за относительно умеренные темпы его роста.

Иначе рассуждал Г.Я. Сокольников, ставший, по иронии судьбы или властей, после отставки с поста наркома финансов заместителем председателя Госплана. Его социально-политическая концепция была жестко ориентирована на ускоренный рост промышленности в качестве оплота социализма. Но в отличие от своих коллег из левой оппозиции он видел предпосылку этого в быстром росте сельскохозяйственного производства. Критикуя проект пятилетки на I съезде плановых органов, Сокольников выступил со своеобразной идеей: если мы обеспечим рост сельского хозяйства не на 20, а на 50—60%, то промышленность сможет дать гораздо больше, чем намечается по проекту Госплана. Впрочем, как добиться такого роста аграрного сектора и почему развивающаяся на этой основе промышленность будет эффективной, оставалось неясным. Априорная уверенность в прогрессивности государственного хозяйства вообще, и госпромышленности в особенности, была характерной чертой мышления практически всех экономистов-большевиков, включая даже самых дальновидных.

Показать неоднозначность подобных постановок стало одной из задач деятелей социал-демократической и несоциалистической ориентации, еще игравших видную роль в экономической жизни страны.

Однако это была лишь прелюдия. Дальнейшая работа над проблемами пятилетнего плана позволила подготовить его новые варианты, которые были представлены весной (второй вариант Госплана) и осенью (третий вариант) 1927 г., а также последующие проекты 1928—1929 гг., приведшие к окончательно-

му варианту, утвержденному XVI Всесоюзной конференцией ВКП(б) и VI съездом Советов СССР (апрель—май 1929 г.). Параллельно свои проекты готовила и специальная комиссия ВСНХ; они были опубликованы в 1927—1928 гг.

Итак, в течение всего 1926 г. напряженно работала комиссия Госплана во главе с С.Г. Струмилиным, разрабатывавшая новый и на этот раз весьма подробный проект пятилетнего плана — “Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1930/31 гг.”. В октябре об этом шла речь на XV конференции ВКП(б), а затем, в феврале 1927 г., Пленум ЦК потребовал ускорить работу над ним. К марту, когда состоялся II съезд плановых органов, проект пятилетки был готов. Он содержал весьма подробную проработку проблем перспективного плана. Представленный документ стал основой для широкой научно-практической дискуссии, пожалуй, единственного в нашей истории достаточно свободного и критического анализа официального (или почти официального) проекта перспективного плана. На последующих стадиях работы над планом первой пятилетки, как и в дальнейшей практике планирования, подобных обсуждений не было. В ходе дискуссии 1927—1928 гг. высказывалось много важных и интересных идей по вопросам как собственно планирования, его организации и методологии, так и характера и тенденций развития нашего народного хозяйства.

Концепция, которая была заложена в инструмент разработки госплановского документа, равно как и его методологическая база, оставались в общем-то неизменными для всех последующих проектов. Вносившиеся уточнения касались по преимуществу количественной стороны дела. И хотя последнее тоже весьма важно, поскольку за известными пределами количественные сдвиги перерастают в качественные, идеология хозяйственного роста и его планового регулирования была представлена уже в полном объеме во втором проекте Госплана (начало 1927 г.). Отталкивались от нее и происходившие более поздние дискуссии в экономической среде по вопросам планирования.

Построение перспективного плана мыслилось его авторами как конкретизация некоторой системы “регулятивных идей, представляющих собой в совокупности целостную систему экономической политики”¹, изложенную в постановлениях директивных органов.

На этой основе была сформулирована общая целевая установка пятилетки, содержащая основные критерии про-

¹Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 23.

грессивного роста советского хозяйства: “В наиболее общей форме задача построения перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма”¹. Стремление к воплощению этих задач в плане оказало определяющее влияние не только на концепцию, но и на методологию “Перспектив развертывания”, на понимание роли и места плана в хозяйственной системе страны.

В исходном пункте проект продолжал традицию “Контрольных цифр”: перед ним ставилась задача сформулировать определенную концепцию экономической политики, проведение которой обеспечило бы достижение намеченных целей. Именно этим, а отнюдь не признаваемой самими авторами недостаточной проработанностью многих положений проекта объяснялся ориентировочный характер заложенных в него данных. Правда, как показал дальнейший ход событий, амбиции авторов были гораздо более значительными.

В проекте отмечалось, что директивами, которые утверждаются и подлежат исполнению, могут быть только цифры капитальных вложений, тогда как все остальные данные не имеют самостоятельного значения и являются лишь обоснованием, балансовой увязкой директив, конкретизируемых в годовых планах. Уже в этом исходном пункте содержалось противоречие — пока не явное, но способное к быстрой конкретизации. Ведь перспективные инвестиции являются не только предпосылками будущего роста, но и результатом его.

Директивный характер инвестиций в перспективном плане может порождать двоякого рода следствия — противоположные по форме, но друг друга дополняющие по существу. С одной стороны, превращение в директивы всех показателей планового документа, поскольку в силу естественных взаимосвязей это необходимо для осуществления капиталовложений в намеченных масштабах. С другой стороны, отрыв инвестиционной програм-

¹Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27--1930/31 гг. М., 1927. С. 1.

мы как стержня и “единственной директивы” от реальных накоплений со всеми вытекающими последствиями для сбалансированности и устойчивости экономической системы.

Фетишизация плана, неизбежно проявляющаяся через стремление во что бы то ни стало получить в отчете цифры, которые свидетельствовали бы о выполнении задания, естественно, заставляет подчинять этой формальной в общем-то цели весь механизм функционирования хозяйства, включая финансово-кредитные и денежные процессы. Уже здесь содержится основа будущих экономических неурядиц и потрясений. Для государства-собственника формально нет ничего невозможного. (Помните: электрификация за 10 лет, университет в каждом уездном городе...) И если накоплений нет, а инвестиционный план надо выполнять (“осваивать капитальные вложения”), то включение печатного станка Гознака становится гарантированным. И если в нормальной рыночной экономике подобная ситуация быстро приведет к кризису и потребует восстановления “хозяйственного реализма”, то в условиях тотальной государственной монополии возникающие кризисные явления могут в течение довольно длительного времени накапливаться, не находя адекватного разрешения. Наконец, все это, вместе взятое, существенно снижает роль текущего регулирования, лишает его самостоятельного значения, превращая в придаток инвестиционных программ и других конкретных позиций перспективного плана.

Противоречивость исходных моментов пятилетки конкретно проявлялась по-разному — как в методологии “Перспектив развертывания”, так и в предлагаемой ими концепции народнохозяйственного роста.

При разработке методологической базы проекта в основу был положен тезис о противоположности и противоборстве двух факторов: “независящих от нашего планового воздействия объективных обстоятельств” и “свободных творчески-реконструктивных идей социального организатора”¹. По сути дела то была новая интерпретация тезиса В.А. Базарова о соотношении генетики и телеологии, разграничение которых теперь оказалось проведенным не по формам хозяйственной организации, а по этапам перспективного плана. С расширением временного горизонта, утверждал С.Г. Струмилин, ослабевает необходимость учета в плановой деятельности текущих хозяйственных проблем

¹Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27—1930/31 гг. С. 21.

(генетика) и усиливаются возможности свободного творчества, “планового искусства”.

Впрочем, в самих “Перспективах развертывания” нашли отражение оба подхода. Приведенная позиция Струмилина не помешала включить в написанное здесь же Г.М. Кржижановским “Введение” базаровское понимание этой методологической проблемы: “Есть огромная область хозяйственной деятельности, а именно область всего нашего сельского хозяйства, в которой наша целевая установка подвергается наиболее жестким ограничениям и при которой закон больших чисел и метод экстраполяции отвоевывает для себя гораздо большие права... При наших работах в области промышленности и транспорта мы с необходимостью и с достаточно полновесными аргументами можем занять позицию преуказаний, тогда как при планировке сельского хозяйства мы по преимуществу должны ограничиваться той областью предвидения, к которой мы можем апеллировать в меру наличности соответствующего научно-технического материала” (Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг. С.XVIII).

Иными словами, к 1927 г. явно наметилось размежевание в вопросе о соотношении генетики и телеологии, который вдруг оказался одним из центральных. И тому были свои причины, весьма показательные для складывавшейся ситуации и характеризующие эволюцию плановой идеи в процессе ее практической реализации. Поначалу вопрос о генетике и телеологии развивался в сторону все большего признания тесной взаимосвязи обоих подходов, условности их разграничения, признания чрезвычайной опасности выпячивания телеологического принципа и преувеличения возможностей советского государства. Об этом говорили все — от “правого” Кондратьева до “левого” Смилги. Последний, как и небольшевистские экономисты, предостерегал и против “преклонения перед стихийными процессами”, и против “гипертрофии плана”, критикуя “плановых максималистов”, для которых планирование сводится к неограниченному декретированию. К подобной позиции склонялся и Базаров.

Однако уже в 1926 г. ситуация начала понемногу меняться. Все громче заявлял о себе подход, приверженцы которого придавали первостепенное значение разграничению генетики и телеологии. Это разграничение становится своеобразным “моментом истины”, вопросом философии планирования. Первоначально постановки такого рода были единичны и в значительной мере отражали борьбу вокруг XIV съезда партии. Именно тогда тогда прозвучало первое резкое выступление на данную тему —

один из руководителей Госплана И.Т. Смилга, перешедший в ряды оппозиции, был подвергнут жесткой критике со стороны провинциального экономиста С.И. Шарова, большую статью которого опубликовал журнал "Плановое хозяйство"

Утверждая, что "само составление плана представляется...работой не научно-исследовательской, а административной", Шаров сделал решающий акцент на особой роли "советской государственности", которая "имеет право, долг и возможность рассматривать себя и действовать в качестве действительного организатора народного хозяйства"¹. Сам по себе такой подход, возможно, и не вызвал бы возражений, если бы не общий контекст статьи, резко противопоставляющий роль власти другим факторам экономического развития и абсолютизовавший возможности этой власти. Тем самым оформлялась новая позиция, заявившая годом позже о себе во весь голос.

Принося роль генетики и соответственно необобществленного сектора при определении движущих сил экономического прогресса в плане, такая позиция фактически означала признание рыночного фактора в планировании малосущественным. Это в свою очередь переводило анализ планово-экономических проблем в логику, отличную от нэповской. Не рынок и рыночное равновесие становятся важнейшими ограничениями в плановой задаче, а общие физические (материально-вещественные) параметры роста. В этом пункте пересеклись позиции троцкиста Пятакова, сталиниста Куйбышева и пожизненного борца за "генеральную линию" Струмилина. Последний четко отразил данный подход в методологии и тексте "Перспектив развертывания" и еще больше ужесточил позицию в последующей полемике с критиками госплановского проекта.

Прежде всего имелось в виду, что изучение статических и динамических коэффициентов, т. е. текущих проблем и тенденций хозяйственной жизни, играет весьма незначительную роль в перспективном планировании страны, строящей новую общественную систему. Центральное же положение здесь занимают "методы инженерной проектировки новых социальных конструкций на основе тех или иных плановых заданий" Подобная постановка проблемы объяснялась тем, что в экономической жизни страны сформировалась новая сила, способная активно и независимо от других факторов, а зачастую и вопреки им влиять на движение общества от старого к новому. "Мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и буду-

¹Шаров С. Цель в плане и задачи нашего хозяйства // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 60—62.

щим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата”, — подчеркивал С.Г. Струмилин. И именно поэтому теперь настало время и появилась возможность переходить от “гаданий и предсказаний” (точнее, от экономических прогнозов) к “определенной системе хозяйственных заданий в области социалистического строительства” Таким образом, “предсказания” должны были уступить место “заданиям” и “предуказаниям”, а проблема планирования из поиска экономического оптимума превращалась в особый вид инженерного искусства, который не является наукой в строгом смысле этого слова.

Существенное значение при построении госплановского проекта имел балансовый метод, на основе которого осуществлялась увязка разделов и отдельных параметров в процессе вариантных приближений. И хотя методологическая база документа в основном оказывалась подчиненной “методам инженерной проектировки” (т. е. намечаемому нормативному состоянию общества), роль балансового метода ни в коем случае нельзя недооценивать. В ряду собственно экономических инструментов плановой работы он занимал в Госплане, безусловно, первое место. Авторы стремились увязать все цифры друг с другом, видя в этом важнейшее доказательство обоснованности своего проекта. Однако с учетом сказанного выше не должно вызывать удивления, что упор при всем том делался здесь на материально-вещественную сбалансированность. Обоснованность воспроизводственных пропорций, зависящая от эффективности развития производства и использования накоплений, по сути дела объяснялась ссылками на особые преимущества советской системы, государства диктатуры пролетариата, являющегося выразителем нестигаемой воли этого самого передового класса.

Разумеется, принципиальные соображения о характере методологических позиций госплановского документа начала 1927 г. не следует упрощать и вульгаризировать, сводя все к абсолютизации “творческой воли революционного пролетариата”. Авторами проекта изучались и прорабатывались различные экономические, социальные, демографические, политические, организационные, технические, культурные факторы, влияющие на развитие тех или иных отраслей и всего народного хозяйства. Среди них: тенденции роста населения и трудовых ресурсов с учетом их социальной структуры, перспективы урожаев, возможности получения внешних кредитов, перспективы рационализации производства и многое другое.

С точки зрения техники планирования “Перспективы развертывания” представляли собой сочетание проектировок по отдельным отраслям с их взаимной увязкой в единое целое на базе предварительно проанализированных демографических и социальных тенденций. Учитывая характер взаимосвязи разделов народнохозяйственного плана, наиболее рациональной была признана такая последовательность дальнейших проектировок: промышленность, сельское хозяйство, транспорт, строительство, торговля, кредит, бюджет, воспроизводство рабочей силы. Как видно уже из этого перечня, ключевое положение занимали проблемы промышленности, что вполне понятно, поскольку именно курс на индустриализацию являлся фундаментальной регулирующей идеей пятилетки. Она (индустриализация) должна была “стать тем передовым и ведущим звеном нашей экономики, движение которого будет определять собой динамику и всех других, связанных с ним звеньев”.

Курс на индустриализацию оказывал глубокое воздействие на построение всех частей проекта. Бесспорный тезис о том, что индустриализация означает превращение промышленности в ключевое звено развития всех других отраслей народного хозяйства, оказался, однако, подмененным представлением, по которому в плане, конституирующем индустриализацию, промышленность уже играет определяющую роль. На самом же деле темп и характер ускоренного развития промышленности в этих условиях в большой мере определяются темпом и характером развития отраслей, доминирующих в экономике страны, а именно сельского хозяйства. Между тем у Госплана промышленность выступала как самодовлеющий фактор, опирающийся в своем развитии на собственные ресурсы, причем в значительной степени предопределяющий перспективы и сельского хозяйства, и всех других отраслей. В результате в проекте была представлена одномерная, однонаправленная модель взаимосвязи между отраслями (“перспективы сельского хозяйства при наличии плана промышленности уже в известной мере предопределены”), и фактически упускалось из виду обратное влияние.

Правда, и здесь проявилось определенное противоречие в позиции руководителей Госплана. В начале 1927 г. Г.М. Кржижановский иначе формулировал свое представление о роли перспектив сельского хозяйства в общем плане экономического роста страны:

“Отдел перспективной пятилетки, трактующий вопросы сельского хозяйства, представляет для нас особо существенный интерес не только по тому относительному весу, который имеет сельское хозяйство в нашей общей экономике,

но и потому, что правильная компоновка этого отдела может предохранить нас самым существенным образом от недооценок и переоценок во всех целевых установках наших перспективных хозяйственных планов” (Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1930/31 гг. С. XVIII).

При определении перспектив развития советской государственной промышленности авторы госплановского проекта здесь исходили из того, что темп ее роста должен быть, во-первых, выше темпа роста сельского хозяйства и, во-вторых, выше аналогичного показателя в капиталистических странах. Более конкретный ответ давался в результате специального анализа перспективных потребностей в промышленной продукции, двигаясь тут в порядке внутренней цепной связи от производства предметов широкого потребления к средствам производства, а также исходя из размеров тех капитальных вложений, которые смогут быть инвестированы в промышленность.

Наибольший рост в течение ближайшего пятилетия должен был быть достигнут в строительстве (184%), создающем общую базу для коренной реконструкции экономики. Курс на индустриализацию выражался в предусматривавшемся 75%-м росте в промышленности, причем для производства средств производства этот показатель приближался к 100%, а по предметам потребления — к $\frac{2}{3}$ (67%). В сельском хозяйстве прирост ожидался меньший, хотя по сравнению с наброском начала 1926 г. этому сектору уделялось гораздо более серьезное внимание. Валовой показатель аграрной продукции намечалось поднять на 22,7%, причем товарность — на 65%. Примерно аналогичные цифры закладывались по национальному (народному) доходу.

Намечаемый рост предполагалось осуществить в значительной мере за счет внутренних накоплений в самом хозяйстве, причем капиталонакопления в промышленности должны были примерно соответствовать объему инвестиций в эту отрасль. Выполнение напряженной индустриальной программы связывалось с глубокой модернизацией производственной базы промышленности, причем большие надежды здесь возлагались на импорт новой техники за счет валютных поступлений от экспорта сельхозпродукции, а также за счет повышения производительности труда и снижения себестоимости. Решающее значение в обосновании этой программы имел расчет на такой рост эффективности строительства, который позволил бы в среднем на 17,5% снизить цены в строительстве.

Намечая сельскохозяйственные перспективы, Госплан основной упор сделал на развитие производства сырьевых культур

для ряда отраслей промышленности. Так, при росте всей аграрной продукции на 22,7% по табаку эта цифра составляла 48%, по хлопку — 74, по свекле — 76%.

Существенное значение имело в концепции пятилетнего плана положение о повышении товарности сельского хозяйства. Рост товарной продукции должен был составить, как отмечалось выше, примерно 65%, однако в плане не получили должного обоснования источники этого роста. Ведь повышение товарности в первую очередь является функцией развития крупных хозяйств в деревне. Теоретически это было возможно в трех формах — частной, коллективной (кооперативной) и государственной. Развитие частных хозяйств в сколько-нибудь существенных масштабах противоречило социальным и идеологическим установкам “Перспектив развертывания”, о совхозах в них мало что говорилось, а вопрос о создании широкой сети производственных кооперативов (т.е. о коллективизации) вообще выносился за рамки пятилетия.

Важным элементом рассматриваемой концепции пятилетнего плана было положение о снижении цен примерно на 17,5%, в результате чего общепромышленный темп роста (стоимостный) планировался примерно на 30 пунктов ниже, чем по физическому объему. Еще больше (почти на 50 пунктов) планировалось снижение стоимости строительства. Сельскохозяйственные цены предполагалось оставить неизменными. В этих выкладках отразилось стремление работников Госплана к решению проблемы “ножниц” цен, продолжавших дестабилизировать обстановку в экономике. Впрочем, на практике дестабилизирующая роль системы цен была связана не только с самим соотношением промышленных и сельскохозяйственных индексов, но и с существенным расхождением между оптовыми и розничными ценами, а также между ценами внутреннего и мирового рынка, что негативно сказывалось на курсе червонца.

Констатируя эти диспропорции, авторы проекта не прорабатывали конкретных путей их преодоления, что уже само по себе не могло не влиять на обоснованность балансов и других расчетов. Фактически аргументация здесь не выходила за банальные рамки: цены снизятся, потому что они должны снизиться благодаря росту эффективности хозяйства в процессе индустриализации. Иного просто не дано.

Все эти идеи нашли отражение и в переработанном к осени 1927 г. кратком варианте пятилетнего плана (Перспективная ориентировка народнохозяйственного развития СССР на 1927/28 — 1931/32 гг. М., 1927). Он послужил основой для обсуждения вопроса о пятилетке на XV съезде ВКП(б) в декабре.

4. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Критика госплановского проекта первого пятилетнего плана, начатая уже на II съезде плановых органов и продолжавшаяся затем практически во всех экономических изданиях, велась различными авторами, взгляды которых существенно расходились по многим проблемам организации хозяйственной жизни. Позиции экономистов ВСНХ (А.М. Гинзбург и др.), ученых, группировавшихся вокруг знаменитого на весь мир Конъюнктурного института (Н.Д. Кондратьев, А.Л. Вайнштейн), критиков госплановского документа внутри самого Госплана (В.А. Базаров, В.Г. Громан) отнюдь не совпадали. Однако было и нечто общее, объединявшее эти разнообразные подходы и касавшееся принципиальных моментов в осмыслении планирования. Это общее имело свои глубокие корни в исходных принципах экономического анализа, в его культуре.

В развернувшемся обсуждении вопрос об обоснованности пятилетней проектировки ставился и анализировался под разными углами зрения. Во-первых, проводился содержательный теоретико-методологический анализ, т. е. осознание сущности и роли плана, его методологической базы. Во-вторых, анализ особенностей действующего экономического механизма, его соответствия целевым установкам плана. В-третьих, анализ внутренней сбалансированности, взаимоувязанности представленных расчетов, и прежде всего обеспечения пропорциональности между развитием промышленности и сельского хозяйства.

Исходным пунктом методологической критики проекта стал вопрос о понимании существа перспективного плана, точнее, о соотношении в нем директивы и прогноза. Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, М.И. Бирбраер и ряд других авторов решительно не принимали противопоставления изучения закономерностей движения и целевых установок в планировании.

Согласование заданий с реальными ресурсами, которыми располагала страна, предполагает, как писал тогда Н.Д. Кондратьев, что “наши задачи будут реальны лишь в том случае, если они отобразят в себе именно эти действительные результаты, которые могут быть достигнуты нашими усилиями, протекающими в конкретной объективной обстановке”¹.

Говоря точнее, ведь сам критерий (целевая установка) может быть почерпнут только “из анализа положения хозяйства и воз-

¹Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 3.

возможностей его стихийного развития, с одной стороны, и из анализа имеющихся у нас объективно средств воздействия на этот стихийный ход развития в смысле направления его по желательному руслу — с другой”¹. Это же в свою очередь предполагает изучение объективных законов функционирования советской экономики, которая представляет гораздо большие трудности для теоретического анализа, чем капиталистическое хозяйство. С этих позиций были высказаны решительные возражения против искусственного противопоставления генетики и телеологии при разработке планов вообще, и перспективных в частности.

Не пересказывая разнообразных аргументов, выдвинутых тогда в этой связи, приведу лишь несколько выдержек из работы М. Бирбраера, содержащей подробный и весьма интересный анализ методологических проблем планирования:

«Между “предвидением” и “предуказанием” в жизни не может и не должно быть разрывов, иначе эволюция окажется искаженной и неизбежно испытает задержку...

Ибо и само планирование, как только оно становится реальностью, немедленно включается в состав объективных факторов, определяющих их развитие. Подобно всякому другому фактору, плановое хозяйство может оказывать на развитие хозяйства, в зависимости от обстоятельств, либо положительное, либо отрицательное влияние. За короткое время нашего планирования мы имели возможность на опыте испытать и то и другое».

Критикуя противопоставление генетики и телеологии в заявлениях Струмилина, Бирбраер приходит к неожиданному заключению, что постановка эта носит не только механистический, но и декларативно-умозрительный характер, поскольку попытка следовать ей на практике не дает никаких результатов:

«Составленная под его (Струмилина. — В.М.) руководством пятилетка меньше всего имеет в себе элементов “предуказания”, роль “предвидения” тяготеет над ней в гораздо большей мере, чем над любым годовым планом. Достаточно для этого сослаться хотя бы на построенную перспективу динамики себестоимости и цен. Даже сумма капитальных затрат промышленности (уже где бы дать простор предуказаниям) оказалась решительно детерминированной.

¹Кондратьев Н.Д. План и предвидение // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 7.

Роковое “предвидение” почти безраздельно властвует над перспективой безработицы, кредита, бюджета, денежного обращения, жилищного строительства, дорожного строительства, развития транспорта, сельского хозяйства; одним словом, всюду. Чем объясняется такой разрыв между теорией и практикой?» (Бирбраер М. К вопросу о методологии построения “перспективных планов” // Экономическое обозрение. 1927. № 6. С. 96—98).

Однако в этих аргументах все-таки недооценивалась реальная опасность разрыва генетики и телеологии, плана и прогноза. В логике экономики их противопоставление, действительно, невозможно, но совсем иначе дело выглядит, когда в него вмешивается политический фактор. Здесь уже возможны любые, даже экономически абсурдные, решения. И подобные методологические выверты готовили для них благоприятную почву.

Особое внимание было уделено критическому разбору возможностей использования в перспективном планировании статистических и динамических коэффициентов, а также балансового метода. Недопустимость простой экстраполяции не подвергалась сомнению никем (хотя впоследствии такие обвинения будут в среде сталинских идеологов весьма популярны по отношению к большинству крупных экономистов 20-х годов). Но главный недостаток экстраполяции — формализм. Сказанное, однако, не исключало необходимости дальнейшего изучения статистических и динамических коэффициентов как важного исходного материала в планировании и как одного из способов выявления общих экономических закономерностей советской системы. Более того, в ходе острой методологической дискуссии было высказано, хотя и в довольно общей форме, соображение о возможности на базе тщательного изучения коэффициентов и влияющего на них сложного комплекса причин разработки математической модели роста, или, как писал М. Бирбраер, “алгебраической формулы роста при различных условиях со взвешиванием каждого из этих условий... Естественно, что такая алгебраическая формула должна учесть не только количественные факторы, но и ряд качественных и социальных, определяющих данное явление”¹. Такой анализ далеко уводил эти коэффициенты от использования их в целях простой экстраполяции.

Однако столь же формальным, как и экстраполяция, являлся, по мнению многих экономистов, и балансовый метод, когда он начинал играть в перспективном планировании решающую

¹Бирбраер М. К вопросу о методологии построения “перспективных планов” // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 84.

роль. Обеспечивая согласованность темпов роста отдельных отраслей, он отнюдь не гарантирует, что спроектированный таким способом план в принципе осуществим. «Балансовая увязка, говоря математически, есть лишь необходимое, но не достаточное условие реальности цифрового построения, — писал тогда А.Л. Вайнштейн. — Как в строительном искусстве мы должны для постройки заданного сооружения иметь определенное количество кирпича, цемента, железа и других материалов, рабочих рук, так и в области “социальной инженерии”, выражаясь языком “пятилетки”, мы должны иметь определенные ресурсы для выполнения поставленных задач. Но будем ли мы их реально иметь, этого баланс нам не может сказать»¹. Между тем конкретный анализ госплановских проектировок приводил к выводу, что, балансируя множество второстепенных параметров, авторы не нашли убедительных аргументов для обоснования сбалансированности множества важных воспроизводственных пропорций. Здесь проект содержал существенные неувязки.

Кроме того, как показывали жизнь и экономический анализ, балансовый метод, увязывая цифры между собой, отнюдь не обеспечивает оптимальности предполагаемых соотношений, т.е. является индифферентным по отношению к критерию плана, к его целевой установке. Наконец, справедливо отмечалось, что важным условием для широкого и активного применения балансового метода в планировании является знание объективных законов данной хозяйственной системы, чего пока нельзя сказать о советской экономике.

Понятно, что высказывавшие эти идеи авторы резко критиковали то, как используется и какое место занимает балансовый метод в проектах Госплана. Формальная увязка пропорций без достаточно глубокой их предварительной проработки создает лишь иллюзию обоснованности плана, сводит эту сложную проблему к согласованию цифр, превращая план в подобие статистической сводки. Какова экономическая обоснованность запланированных показателей? Насколько намечаемая организация производительных сил обеспечит наиболее эффективное их использование? Такие вопросы задавали многие исследователи, но не получали на них сколько-нибудь удовлетворительных ответов. Широкое распространение получил поэтому вывод о недостаточной проработке качественных параметров и проблем, о принесении собственно экономической стороны дела в жертву

¹Вайнштейн Альб.Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства//Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 35.

статистической форме. “В наших пятилетках... статистические ряды занимают незаконно большое место, — писал, например, М. Бирбраер. — По существу они доминируют над всей работой. Анализ почти целиком подчинен статистическим рядам. При таком господстве статистики легко впасть в своеобразный пифагореизм, проглядеть все качественные моменты и подменить отношения людей пропорциями вещей”.

Подобная ситуация должна была негативно влиять и на предназначавшуюся плану активную преобразующую роль, на которой как будто бы настаивали его составители. План превращался в обширный, но недостаточно проработанный прогноз, в котором “сами цифры в большинстве случаев основаны только... на простом факте их опубликования” Критики госплановского проекта единодушно сходились на том, что при разработке перспективного плана основное внимание надо все-таки уделять самим тенденциям экономического роста, внутреннему содержанию показателей, социально-экономическим процессам, порождающим те или иные количественные параметры.

Наиболее целесообразным здесь считали положить в основу перспективного планирования метод установления причинных связей между хозяйственными процессами и факторами, обуславливающими их существование. Ведь эту задачу ни динамические коэффициенты, ни балансовый метод сами по себе не были в состоянии решить. И лишь в таком случае, по мнению многих серьезных экономистов, появлялась надежда сделать перспективный план инструментом эффективной экономической политики, выполняющим преобразующую роль.

“Вполне возможно, — замечал Н.П. Макаров, — что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный эффект, и при каких условиях это должно делаться”¹.

Обратим внимание: этот квалифицируемый официальными марксистами как мелкобуржуазный экономист упрекает госплановских коллег за недостаточность “предуказаний” в их проекте. Однако очевидно, что под “директивностью” здесь понимаются разные вещи — цифровые задания производителям, с одной стороны, и концепция экономической политики, с другой.

¹Макаров Н.П. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 44.

Приведем еще одну пространную выдержку из работы А.Л. Вайнштейна:

«Мы считаем нецелесообразным тот развернутый цифровой расчет, который дан Госпланом СССР в своей пятилетке. Детализация этого расчета привела к тому, что “цифры” заслонила и подавила экономическую концепцию и перспективу. Между тем для такой детализации не было надежных статистических материалов, да, кроме того, они и не вызывались экономической необходимостью. Перспективный пятилетний план должен включать в себя основные цифры и коэффициенты роста в качестве минимума достижений. Но он должен отказаться от претензий давать детальную динамику всех элементов народного хозяйства. Центр тяжести пятилетнего плана надлежит искать в разработке основных линий и главнейших конкретных мероприятий экономической политики, а также в проектировке крупнейших технических сооружений реконструкционного характера, выполнение которых охватывает период в несколько лет. Для планировки и экономического анализа таких сооружений вовсе не требуется знания будущего баланса всего народного хозяйства. Для этого достаточно лишь знать, обеспечивает ли развитие народного хозяйства данного района при средних или даже наихудших условиях минимальную в данных народнохозяйственных условиях рентабельность предприятия или большую рентабельность, чем та, которая достигается при другом направлении вложения» (Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 37).

Несовершенство методологической базы отрицательно сказывалось на обоснованности всего проекта пятилетнего плана — как отдельных его показателей, так и общей концепции социально-экономического развития страны. В работах экономистов, участвовавших в обсуждении, приводились многочисленные примеры внутренней противоречивости различных положений госплановских расчетов, произвольной интерпретации ряда важных народнохозяйственных пропорций, несостыковки многих цифр. Серьезным упреком было отсутствие программы выхода из тех хозяйственных затруднений (несбалансированные и растущие цены при обостряющемся товарном голоде, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, низкая рентабельность экспорта и т.д.), которые крайне остро проявились уже в первой половине 1927 г.

Содержательная характеристика этой критической волны лучше всего может быть представлена двумя альтернативными госплановскими концепциями развития советского народного хо-

зяйства, которые более или менее четко просматриваются в работах различных экономистов. Они могут быть обозначены как индустриальная линия и аграрно-индустриальная. Впрочем, следует иметь в виду известную условность как самих этих названий, так и группировки вокруг той или иной линии экономистов, поскольку не все из них в ходе самой полемики считали себя единомышленниками.

Индустриальная линия

Признание индустриализации в качестве основного лозунга момента сопровождалось в данной концепции требованием выдвижения такой программы ее осуществления, которая обеспечивала бы максимальный рост производительных сил страны. Проект Госплана подвергался критике за “поверхностную индустриальную экспансию”. Во-первых, обрисовывая широкие перспективы количественного роста промышленности, он не содержал достаточной проработки качественных параметров (производительности труда, себестоимости, качества продукции). Во-вторых, не анализировал в должной мере экономические и организационные предпосылки, которые обеспечивали реализацию курса на индустриализацию наиболее эффективным (с точки зрения темпа и качества роста) путем.

Собственно, на это уже обращал внимание II съезд плановых органов в 1927 г., в резолюции которого подчеркивалось: “Съезд полагает, что намеченные в пятилетке темпы роста бюджета и капитальных вложений в народное хозяйство, являющиеся напряженными, сопровождаются рядом таких показателей эффективности вложений и роста производительности народного труда, которые не могут считаться оптимальными... Съезд обращает внимание на необходимость значительно большего, чем это запроектировано, повышения эффективности капитальных вложений, производительности промышленного труда и снижения себестоимости продукции с широким переходом на путь массовой продукции, типизации и стандартизации”

Характерной чертой сторонников концепции, о которой ниже пойдет речь, было стремление найти выход из реального противоречия, выявившегося при анализе экономической ситуации второй половины 20-х годов. С одной стороны — необходимость максимального роста промышленности как предпосылки преодоления товарного голода и обеспечения “коммерческой заинтересованности” крестьянства в росте своего производства, в повышении его товарности, для чего надо было преодолеть и

существующий разрыв в ценах (по ряду оценок, промышленные цены следовало бы понизить в 2—3 раза вместо 17% по проекту Госплана). С другой стороны — ограниченность материальных возможностей для быстрого развития промышленности, ограниченность капитальных ресурсов и выявившаяся достаточно явно низкая эффективность их использования. Подчеркивая с этих позиций необходимость в процессе составления перспективного плана “отыскать оптимальный темп развития промышленного производства”, А.М. Гинзбург настаивал на рассмотрении проблемы с трех точек зрения. “Во-первых, с точки зрения соответствия его потребностям народного хозяйства; во-вторых, с точки зрения осуществимости его при данных ресурсах и, наконец, с точки зрения тех экономических мероприятий, которые должны быть приняты для осуществления намеченного темпа”¹.

Ключевым являлся здесь, естественно, вопрос об условиях капиталонакопления, обеспечивающих высокие темпы роста производительных сил. Экономисты решительно возражали против абстрактной апелляции к “великим возможностям” советской экономики, предлагая конкретно проанализировать факторы, влияющие в данных условиях на перспективы хозяйственного роста. Оживляющее влияние революции, уничтожение непроизводительного потребления эксплуататорских классов, прекращение платежей по долгам за границу, относительное уменьшение расходов на армию и ряд других факторов оказывали, безусловно, благоприятное влияние на возможности накопления, хотя, по приводившимся приблизительным оценкам, влияние это было относительно невелико. Важным фактором индустриализации могло бы стать и само плановое хозяйствование, но на практике возможности его были еще весьма ограничены.

Одновременно выделялись и факторы, задерживающие накопление, причем многие из них были связаны с принципиальными установками проводившейся экономической политики: политика жесткого государственного регулирования заработной платы, высоких непроизводительных расходов (особенно в торговле и в управлении), недостаточного привлечения иностранных капиталов и слабости кредитной системы внутри страны. Политика нивелировки личных доходов также отнюдь не способствовала быстрому росту производительности труда и сочеталась с невозможностью обеспечить эффективное производительное использование средств, накапливаемых частным капи-

¹Гинзбург А.М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // Экономическое обозрение. 1927. № 4. С. 11.

талом. В результате, с одной стороны, ограничивались возможности развития наиболее склонных к накоплению и инвестированию зажиточных слоев населения, а с другой — стимулировались потребительские тенденции в функционировании народного хозяйства¹.

Баланс между положительными и отрицательными факторами роста национального накопления оказывался в таком анализе весьма напряженным, причем даже при достижении намеченных в проекте плана размеров накопления проблематичным оставался вопрос об эффективности его реализации. Именно на этих проблемах, т. е. на разработке программы индустриализации, предусматривающей необходимые экономические и организационные предпосылки повышения эффективности всей хозяйственной деятельности, и сосредоточили свое внимание экономисты, объединенные нами как сторонники индустриальной концепции. Надо также добавить, что наиболее подробно соответствующие вопросы прорабатывались в статьях и выступлениях В.А. Базарова 1927—1928 гг.

Рационализация и электрификация производства рассматривались в качестве одного из основных потенциальных факторов, способных придать индустриализации исключительный размах, обеспечить рост промышленности темпами, значительно превышающими темпы капиталистических стран. Задача рационализации реконструктивного процесса мыслилась прежде всего как определение такой очередности осуществления планов индустриализации, при которой обеспечивались бы наиболее быстрая механизация и автоматизация трудовых процессов при одновременном повышении качества выпускаемой продукции.

Отрицая целесообразность осуществления индустриализации “широким фронтом”, экономисты видели исходную задачу в том, чтобы выделить из государственной промышленности основные и важнейшие отрасли, которые требуют особой поддержки. “Остальные в условиях ограниченности средств должны финансироваться лишь в той мере, в какой финансирование обеспечивает безусловную рентабельность и быстроту оборота капитала”². Такой же подход предполагался и по отношению к новому строительству.

Речь шла о том, чтобы при проведении индустриализации концентрировать силы в отраслях, где имеется возможность

¹См., например: Гинзбург А.М. Указ. соч. С. 17—20; Дезен А. Развитие промышленности и национальное накопление // Экономическое обозрение. 1927. № 4. С. 64—67 и др.

²Гинзбург А.М. Указ. соч. С. 29.

сразу использовать наиболее мощные типы современной техники, позволяющие всемерно использовать преимущества централизации управления и комбинирования производства. И поскольку современная на тот период времени техника была наиболее эффективна в условиях “гигантской массовости” производимой продукции, именно массовость предлагалось рассматривать в качестве критерия при определении очередности реконструктивных начинаний. Словом, осуществлять индустриализацию предполагалось по мере появления достаточно широкого рынка сбыта для отраслей промышленности, будь то производство средств производства или производство предметов потребления. Важным элементом этой концепции был естественно вытекавший из сказанного тезис о необходимости широкого включения страны в международное разделение труда, что позволило бы приобретать те продукты, производство которых своими силами ныне представлялось экономически нецелесообразным. Была, однако, и другая причина, побуждавшая к активности внешнеторговой деятельности, — в этом видели важный фактор, способный воспрепятствовать проявлению негативных монополистических тенденций со стороны своих же государственных предприятий.

Нетрудно увидеть, что в основе этой экономической политики лежала логика развития рыночного хозяйства. Логика, предполагающая анализ ситуации в категориях спроса — предложения, обеспечения равновесия между ними, стимулирования производства эволюционно развивающимся и диверсифицирующимся спросом. Предполагалось, например, что производство тракторов и других дорогостоящих сельскохозяйственных машин в течение достаточного периода времени не будет оправдываться экономически: крестьянским хозяйствам их покупка не под силу, а эксплуатация невыгодна, тогда как общественных хозяйств (колхозов и совхозов) еще слишком мало, чтобы организовывать производство специально для них — проще покупать соответствующие виды продукции за границей. То же относится и к ряду других производств, особенно к тяжелому и транспортному машиностроению. Ко всем производствам, которые, не имея достаточного рынка сбыта и не сталкиваясь с конкуренцией внутри страны, будут функционировать с невысокой отдачей, “выбрасывая на рынок ничтожное количество продуктов очень высокой себестоимости и очень низкого качества”¹.

¹Базаров В. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1982. № 2. С. 49.

Этот анализ безупречен с экономической точки зрения. Но он не учитывал, что политические решения и действия в благоприятной социально-психологической ситуации становятся самостоятельным и активным фактором хозяйственной жизни. Тоталитарная система сделала то, что ранее казалось совершенно невозможным. За несколько лет посредством политических решений и действий (расширение инвестиционного сектора в промышленности и массовая насильственная коллективизация в деревне) был создан практически безграничный спрос на многие виды машиностроительной продукции. Была резко изменена сама социальная среда экономической жизни, что позволило проводить совершенно новую, неопределяемую в рыночных категориях долгосрочную экономическую политику.

Однако этот курс не решал проблем качества и реальной конкурентоспособности изделий. Но и здесь был найден и развит заменитель рыночного механизма — система партийно-политического принуждения. В те годы многим и в СССР, и даже за рубежом она казалась вполне удовлетворительной заменой конкуренции, которая, напоминаем, в глазах столь же многих к началу XX в. уже отжила свое.

Практика функционирования советской экономики настойчиво выдвигала еще один комплекс проблем, стоявших на пути эффективного использования накоплений. Речь идет о положении государственного предприятия в системе хозяйственных отношений второй половины 20-х годов. Мы видели, что отход от первоначальных идей нэпа проявился в этой сфере ранее всего и наиболее отчетливо — тресты все в большей мере лишались предоставленных им прав и не имели никаких стимулов эффективного хозяйствования. Понятно, что экономисты, стоявшие у истоков идеологии нэпа, видели выход из сложившегося положения, а значит, и предпосылку усиленного развертывания индустриализации в осуществлении курса на “развитие самостоятельности оперативных ячеек” (слова А.М. Гинзбурга).

Шел поиск специальной системы стимулов, способных заинтересовывать государственные предприятия и организации в эффективном использовании предоставляемых им централизованных капитальных вложений. Жизнь показывала, что при формировании планов и строительных программ выбор наиболее эффективного с народнохозяйственной точки зрения варианта роста оказывается практически невозможным. Вместо концентрации сил и средств для быстрого ввода каждого нового объекта в строй побеждает тенденция закладывать в программу строительство многих предприятий, что значительно оттягивает начало их производственного функционирования. Неумная тя-

га к расширению фронта строительных работ стала впоследствии характернейшей чертой советской экономики, сумевшей довести объемы “незавершенки” до немислимых масштабов.

Но и в те годы проблема стояла уже достаточно остро. В.А. Базаров, одним из первых занявшийся анализом этого явления, обратил внимание на тесную, хотя и не столь очевидную, связь его с характером утверждавшейся системы планового руководства народным хозяйством.

Вот как он писал об этом, не скрывая своей горькой иронии:

«...Раскрыв газету, читаем, например, следующие два сообщения: 1) “Батум. “Стандард-Ойл” на основе концессионного договора приступил к сооружению керосинового завода. Постройку предполагается закончить в 4 месяца”. 2) “Иваново-Вознесенск. Состоялась закладка новой прядильни. План постройки рассчитан на три года”

Я совершенно не представляю себе, что легче построить — керосино-очистительный завод или прядильню. Но вот, что я представляю вполне отчетливо: если бы прядильню строил концессионер, а керосино-очистительный завод — “Азнефть”, то сроки были бы как раз обратные: прядильня поспела бы в 4 месяца, а план (на то он и “план”!) постройки керосино-очистительного завода был бы “рассчитан” на три года».

В этой связи Базаров приводит цитату из Гейне, как нельзя лучше отражающую превращение плана в ПЛАН — Великий Фетиш Системы. В переводе эти слова звучат так: “Самый процесс созидания — сущие пустяки; все можно сварганить в короткий срок. Но план, но замысел творения... Вот что показывает, кто истинный артист” (Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах//Экономическое обозрение. 1927. № 5. С. 46).

Для решения возникающих здесь проблем предлагалось осуществить определенные преобразования в экономическом механизме функционирования советского народного хозяйства, которое все больше претендовало на эпитет “плановое”

Сравнивая капиталистическое предприятие с ответственным госпредприятием, В.А. Базаров ставил четкий диагноз: «Концессионер учитывает как убыток каждый день, в течение которого его капитал, вложенный в новое строительство, не функционирует производительно, тогда как тресту, поскольку он строит не на заемные, а на “свои” или дотационные средства, подчас все равно, будет ли его капитал лежать втуне год, два года или несколько лет». А для преодоления подобного положения и повы-

шения эффективности перспективного народнохозяйственного плана, в котором инвестиционная программа замышляется как стержневой компонент, он предлагал в качестве лечения “с каждого переданного промышленности рубля... взимать известный, не слишком высокий, но все же чувствительный процент”

Поиск механизма, обеспечивающего действенные стимулы развития народного хозяйства по пути индустриализации, подводил исследователей к еще одному выводу — о целесообразности создания более благоприятных условий для функционирования частного капитала. Особо выделялись две сферы: торговля, где для преодоления резкого разрыва между оптовыми и розничными ценами необходимо было вовлечь в товарооборот дополнительные, не учитываемые проектом Госплана средства, а также сельское хозяйство — в той мере, в какой зажиточный крестьянин может “вести пионерскую работу по насаждению в деревне улучшенных методов хозяйства” Ошибочным называли они проведение таких административных и налоговых мер, которые снижали интерес к накоплению у наиболее склонных к тому слоев населения, т. е. побуждали не вкладывать средства в развитие своего производства из опасения попасть в категорию социально чуждых режиму элементов¹.

Аграрно-индустриальная линия

Важность индустриализации — ведущей идеи перспективного плана, естественного и закономерного направления современного развития страны — не вызвала сомнений у экономистов, о работах которых теперь пойдет речь. “Против ставки на индустриализацию как таковой, конечно, не может быть никаких возражений”, — подчеркивал Н.Д. Кондратьев, замечавший, однако, что основной вопрос в планировании состоит все-таки не в том, чтобы провозгласить цель, а в определении путей ее достижения, в придании ей “конкретного выражения”².

Главное экономическое условие осуществления индустриализации сторонники рассматриваемого направления видели в обеспечении равновесия промышленности и сельского хозяй-

¹См. Гинзбург А.М. Некоторые предпосылки промышленной пятилетки. С.28; Базаров В. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С.51; Дезен А. Развитие промышленности и национальное накопление. С. 65.

²Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 7.

ства, которое является продовольственной, сырьевой и валютной базой для индустрии. Одновременно признавалось, что данная целевая установка делает аграрный сектор не столько ведущим, сколько ведомым, сильно зависящим от “командных высот”. А потому государство не только может, но и должно адекватными характеру этой отрасли методами оказывать на нее плановое организующее воздействие, будучи заинтересованным в восстановлении и поддержании в дальнейшем равновесия между основными элементами советского народного хозяйства.

Это был уже иной, непонятный и неприемлемый для сторонников “лобовой” индустриализации поворот экономического анализа. Здесь речь шла о необходимости осуществления соответствующей государственной политики по отношению к сельскому хозяйству, в результате которой оно вносило бы более значительный вклад в реализацию целей перспективного плана — проведение индустриализации и рост благосостояния трудящихся.

“В плане сельского хозяйства должны быть найдены меры по сельскому хозяйству, позволяющие возможно быстрее и легче выйти на линию более быстрого, безболезненного и прогрессивного развития целого народного хозяйства, т.е. то, что должно дать сельское хозяйство в настоящее время. С другой стороны, перспективный план сельского хозяйства должен дать те общие народнохозяйственные предпосылки для разрешения актуальнейших народнохозяйственных задач, которые должны быть разрешены в интересах самого сельского хозяйства”, — писал тогда известный экономист-аграрник А.Н. Челинцев¹.

Основным параметром, характеризующим рост сельского хозяйства в соотношении с перспективами других отраслей, является выход товарной продукции (точнее, продукции, поступающей на внедеревенский рынок). По мнению большой группы экономистов, намечаемый в проекте Госплана рост этого показателя оставался необоснованным как с точки зрения перспектив внутридеревенского потребления и накопления, так и с точки зрения тех капитальных вложений, которые намечалось направить в сельское хозяйство из государственного бюджета. Для аргументации этого вывода использовались данные различных наблюдений и обобщений по развитию аграрного сектора в дореволюционной России и в других странах с учетом, разумеется, поправок и на социально-экономические особенности СССР, а

¹Челинцев А.Н. К вопросу о методах и принципах составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 54.

именно — на необходимость обеспечения в советских условиях более высокого потребления крестьянства, на невозможность возрождения политики “не доедим, а вывезем”

Проектируя относительно небольшие инвестиции в сельское хозяйство со стороны государства, обсуждавшийся документ Госплана намечал весьма высокий (почти двойной по сравнению с дореволюционным временем и с 1925/26 г.) темп крестьянского накопления, предполагавший, что при возрастании душевого дохода сельского населения на 30% его потребление увеличится только на 11% (на 5% по продовольствию и на 36% по промтоварам, несмотря на весьма низкое потребление крестьянства и по отношению к горожанам, и по отношению к физическим нормам). По разным оценкам, потенциальная масса накопления в самом крестьянском хозяйстве в предстоящем пятилетии (без амортизации) могла составить 6% или несколько большую долю национального дохода, создаваемого в деревне, тогда как исходя из расчетов Госплана эта цифра должна была превысить 11%¹. Признание подобной ошибки в возможностях собственного накопления внутри сельского хозяйства означало существенные искажения оценки Госпланом товарной массы, а значит, и диспропорциональности во всех остальных элементах перспективных расчетов.

Мы не будем приводить многочисленные расчеты, содержащиеся в этой связи в работах различных авторов. Ограничимся лишь общими и распространенными того года выводами. Намеченный темп роста сельскохозяйственной продукции (товарной) не подкреплен соответствующими ресурсами, но вместе с тем является недостаточным в сравнении с принятым в плане темпом индустриализации и подъема благосостояния. Пятилетка Госплана предполагает, следовательно, с одной стороны, либо заметный недостаток продовольствия для города, либо заметное отставание от намеченных размеров сельскохозяйственного экспорта. С другой стороны, должен расти и товарный голод на промышленную продукцию, предложение которой далеко отстает от роста покупательного фонда деревни².

Экономисты настаивали на коренной переработке сельскохозяйственной концепции пятилетки. Руководствуясь изложенны-

¹Например: Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 50.

²Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития. С. 50; Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. № 7. С. 80; Ванштейн Альб.Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 47, 54, 56 и др.

ми выше методологическими принципами, представлениями о роли и задачах перспективного планирования, они сконцентрировали свое внимание не на расчетах тех или иных количественных параметров, которые должны быть достигнуты за пять лет, а на определении условий, позволяющих согласовывать интересы крестьянина-производителя и горожанина с интересами социалистического строительства¹.

Ставилась задача анализа комплекса экономических, политических, социальных и организационных факторов, способных в разной мере и в разном направлении воздействовать на рост валовой продукции сельского хозяйства и на этой основе на рост его товарности. Предполагалось наметить в плане и осуществить широкую систему мер — экономических (рациональная политика цен, снабжение крестьян качественными промышленными товарами в соответствующем количестве и ассортименте), организационно-производственных, а также мер социальной и финансовой политики, поскольку на состояние крестьянского хозяйства оказывали значительное влияние процессы дифференциации и кооперирования, налогообложения и т.д.

В конечном счете вопрос стоял о формировании экономической политики, обеспечивающей одновременно и необходимый объем государственных инвестиций в аграрный сектор (через бюджет и кредитную систему), и стимулирование внутридеревенского накопления. В первом случае приходилось сталкиваться с крайней ограниченностью централизованных ресурсов и необходимостью определения оптимальных размеров распределения государственных средств по отраслям, которое позволило бы бескризисно осуществить индустриализацию. Во втором случае стояла задача стимулировать крестьянское накопление таким образом, чтобы, обеспечивая достаточно высокое (выше довоенного) потребление деревни, не допускать, однако, превращения крестьянских хозяйств в хозяйства преимущественно потребительного типа.

Исходным пунктом рассматриваемой концепции было положение о том, что фактическая динамика сельскохозяйственного производства в предстоящие годы будет зависеть, “во-первых,

¹В разных вариантах эта мысль звучала практически у всех авторов — как марксистов, так и тех, кого называли тогда буржуазными экономистами. См., например, упоминавшиеся уже работы Г.Студенского, Н.Огаловского, а также аграрника-марксиста В.В. Матюхина (Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6—7.)

от рыночных условий, а во-вторых, от размеров снабжения сельского хозяйства орудиями и средствами производства, в особенности машинами, и соответственно — от технической реконструкции этого хозяйства”¹.

С этим положением был связан и сделанный тогда же вывод о бесспорном усилении по сравнению с аналогичными условиями в дореволюционной России влияния рыночных факторов (в особенности конъюнктуры цен, а также наличия необходимых промышленных товаров) на сельскохозяйственное производство, что объяснялось ликвидацией крупного (помещичьего) землевладения и превращением крестьянства в монопольного поставщика аграрной продукции.

Стимулы действуют иначе по отношению к крупным сельскохозяйственным предприятиям, личное потребление в структуре производства которых имеет значительно меньший удельный вес, чем у небольших крестьянских хозяйств. Ориентированные на длительную перспективу и располагающие необходимыми сырьевыми ресурсами, крупные производители в меньшей степени зависят от колебаний текущей рыночной конъюнктуры. Их производство определяется не столько динамикой цен предшествующего года, сколько долгосрочной оценкой перспектив своего развития, устойчивыми тенденциями урожайности и продуктивности. А это в свою очередь также оказывает мощное влияние на движение цен.

Учет особенностей поведения крупных и мелких сельскохозяйственных производителей был важен при формировании концепции среднесрочной экономической политики, которая и должна была получить концентрированное выражение в пятилетнем плане. Тем более, что опыт предшествующих лет, когда эти особенности явно игнорировались, сказался на развитии сельского хозяйства. Государственная политика цен не только не стабилизировала динамику производства в аграрном секторе, но лишь усилила ее неустойчивость: крестьяне, следуя за изменением цен, заменяли посевы технических культур зерновыми, а затем вновь возвращались к техническим, несмотря на благоприятные в основном урожаи середины 90-х годов. Особенно ярко эти колебания проявились в 1926—1927 гг., вызывая недоумение политиков и дискуссии экономистов.

Болеѣ тонкое регулирование цен — лишь один из элементов воздействия на сельское хозяйство, обеспечивающий бескризис-

¹Кондратьев Н.Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значение // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 109.

ность его роста. Вместе с тем, отмечая важность правильного рыночного регулирования, ряд экономистов предостерегал и против его абсолютизации, поскольку при определенных условиях повышение товарности крестьянских хозяйств таким путем может быть подменено исключительно ростом внутридеревенского потребления. Вот почему была поставлена также задача тщательной проработки в плане возможностей госпромышленности устанавливать прямые связи с сельским хозяйством (во всяком случае с производителями сырья), чтобы “оказывать непосредственное производственное влияние на интересующие промышленность отрасли сельского хозяйства”, создавая условия для начала индустриализации сельскохозяйственного производства.

Достичь этих целей, писал Е.С. Каратыгин, помимо чисто рыночных методов, можно и нужно «главным образом с помощью контрактации посевов необходимого промышленного сырья при условии осуществления со стороны поставщиков (при посредстве кооперации) тех или иных рациональных приемов хозяйствования, путем “ввязывания” производителя в промышленность, путем стимуляции соответствующих областей сельскохозяйственного производства, а затем — путем ряда агрокультурных мероприятий, повышающих доходность сельского хозяйства и тем относительно уменьшающих стоимость промышленного сырья»¹.

Эти рассуждения подводят нас ко второму принципиальному условию роста сельскохозяйственного производства вообще, и его товарности в особенности. Речь идет о необходимости проведения специальной государственной политики, обеспечивающей повышение производительности труда в аграрном секторе, в чем и выражается существо “технической реконструкции этого хозяйства”.

Между тем, как известно, в проекте Госплана был взят курс на увеличение интенсивности сельскохозяйственного производства при неизменности в течение пятилетки производительности труда.

Такой подход встретил решительные возражения практически всех экономистов, доказывающих, что это означает отказ не только от индустриализации (машинизации) сельского хозяйства, но и от коллективизации и вообще от кооперирования в деревне (имелись в виду самые различные формы кооперации), поскольку эта политика должна вести одновременно к росту производительности труда. Естественно, на это указывали и

¹Каратыгин Е.С. Государственная промышленность и сельское хозяйство // Экономическое обозрение. 1927. № 8. С. 49—51.

“марксисты”, и “буржуазные экономисты”. “Это ошибка уже не статистического только, а принципиального свойства... Чтобы быть последовательными, авторы плана должны были бы рекомендовать деревне пока воздержаться и от коллективизации, которая тоже ведь ведет к экономии труда. Во всяком случае странную картину являют идеологи механизации, превращаясь в противников ее перед лицом жизни”, — писал Г.А. Студенский¹.

Не только социально-экономическая возможность, но и необходимость повышения производительности труда объяснялись рядом взаимосвязанных причин. Прежде всего пониманием условности и относительности самого аграрного перенаселения, которое характеризуется не столько количеством крестьян на единицу площади, сколько душевым размером валового дохода, т. е. показателем, имеющим положительную динамику по мере роста производительности труда². Относительность перенаселения деревни проявлялась в том, что в рассматриваемый период в “критические” моменты работы (посев, уборка) нехватка рабочих рук становилась фактором, сдерживавшим внедрение дефицитных интенсивных культур³.

Наконец, рост производительности труда должен был способствовать стабилизации общей экономической ситуации в стране, обеспечивать осуществление индустриализации бескризисным путем⁴. Этот курс предполагал проведение соответствующих мер со стороны государства по снабжению крестьян машинами и инвентарем⁵, землеустройству и организации переселения, разработке и реализации соответствующей системы фи-

¹Студенский Г. Сельское хозяйство СССР в перспективе пятилетнего развития // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5. С. 51—52; См. также: Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. № 6. С. 36. Впрочем, надо иметь в виду, что провозглашенный курс на рост обобществления не нашел отражения в аграрной программе пятилетки Госплана. В этом проекте был достаточно последователен.

²Колдратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 28; Матюхин В.В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6—7. С. 11.

³Студенский Г. Указ. соч. С. 52; Матюхин В.В. Указ. соч. С. 12—13.

⁴Например: Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана. № 6. С. 36.

⁵Механизации сельского хозяйства уделялось в экономической литературе особое внимание, однако решение этой проблемы не сводилось лишь к требованию включения в перспективный план пункта о создании собственной базы сельскохозяйственного машиностроения.

нансовой политики. В конечном итоге ставилась задача разработки определенной программы повышения таким путем культуры (агропромышленной, производственной) крестьянского хозяйства, обеспечивающего глубокий перелом в качественных параметрах аграрного производства.

Наконец, важным вопросом, который, по мнению практически всех экономистов, нуждался в более глубокой проработке в пятилетнем плане, были социальные условия роста сельского хозяйства. При всем разнообразии точек зрения на этот счет можно выделить и некоторые общие моменты. Не видя, как и авторы госплановского проекта, ни производственных, ни экономических условий перехода в предстоящем пятилетии к доминированию крупных (советских или коллективных) форм хозяйствования, многие экономисты писали о необходимости проведения политики, способствующей, во-первых, общему подъему благосостояния всей крестьянской массы, поддерживая низшие слои и не чиня никаких препятствий верхним, и, во-вторых, объективным тенденциям движения крестьянства к объединению. Не допускать эксплуатации, не подрывать насильственными мерами рост трудовых зажиточных крестьянских хозяйств и способствовать перемещению основной массы крестьян к более высоким показателям доходности, — так ставил вопрос, например, Н.И. Огановский¹.

Понятно, что реализация этих принципов означала укрупнение крестьянских хозяйств (увеличение числа зажиточных и середняцких), следствием чего должен был быть рост их товарно-

Проблема ставилась шире — не с позиций только технических или финансовых возможностей ее решения, но как определение для этого оптимального экономического пути. В частности, Е.С.Каратыгин (как и В.А.Базаров) подчеркивал: сельское хозяйство должно иметь возможность “заглядывать на внешний рынок, так как там имеется более широкое предложение более дешевых и более хороших по действию орудий производства и необходимый ассортимент запасных частей”, что благоприятно отражалось бы и на себестоимости продукции деревни. Такие закупки целесообразны не только из-за физической ограниченности собственного производства, но и для постепенного формирования широкого внутреннего рынка этой продукции. Без достаточного, предъявляющего массовый спрос потребителя отечественное производство, ограниченное относительно небольшими партиями, будет давать технику низкого качества и по чрезвычайно высокой цене. (См. Каратыгин Е.С. Государственная промышленность и сельское хозяйство. С. 56—57.)

¹Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана//Пути сельского хозяйства. 1927. № 6. С. 39; № 7. С. 71—72.

сти. Другим результатом общего подъема благосостояния деревни могло стать ослабление миграции сельского населения в города, где безработица оставалась одним из весьма опасных социальных феноменов.

По-видимому, подобные социальные проекты были в известной мере утопичны, поэтому рассматривать их в качестве стратегических концепций трудно. Правильно намечая путь эффективного развития деревни 20-х годов — укрепление товарных и, следовательно, крупных хозяйств, — многие экономисты по тем или иным соображениям пытались отделить эту динамику (объективно необходимую, естественную) от процессов дифференциации. Долгосрочная тенденция развития сельского хозяйства, вероятно, должна была состоять в уменьшении аграрного населения при повышении производительности труда и формировании оптимальных по размерам хозяйств¹. Кстати, на это обращал внимание далекий от социального утопизма Н.Д. Кондратьев. По его мнению, четвертой части современного крестьянства было бы достаточно, чтобы удовлетворять потребности всего населения страны в продовольствии, а промышленности — в сырье. Другое дело, что требовалась такая государственная политика, которая обеспечила бы максимальную безболезненность этого процесса и для сельских жителей, и для горожан.

* * *

Рассмотренные линии критики госплановского проекта являются одновременно ни чем иным, как его альтернативами. Анализируя концепцию пятилетки под разными углами зрения и в известной мере с разных позиций, эти два подхода, однако, не являются альтернативными. Если анализировать узловые моменты логики экономического развития, то они (эти линии) идеологически близки и даже взаимно дополняют друг друга. Обозначим их принципиальные моменты.

Главное, что здесь следует выделить, — это стремление к четкому определению критерия прогрессивного развития общества. Проект Госплана ставил вопрос о критерии, но не дал последовательного решения. Перечисленные в нем установки могли и должны были в конкретной хозяйственной жизни вступить

¹Об этом писал, например, В.В. Матюхин: “Можно быть уверенным, что к 1930/31 году концентрация товарной массы в высоких группах деревни будет еще более высокая, чем теперь”. Он подчеркивал необходимость учета в плане мероприятий, укрепляющих маломощные группы (Матюхин В.В. Вопросы пятилетнего перспективного плана развития народного хозяйства в части сельского хозяйства. С.15).

друг с другом в противоречие. Между тем “составители не указывали, какой из этих критериев они считают основным и какой критерий получил примат при рассмотрении различных вариантов развертывания”¹. В рассмотренных альтернативах такой примат, безусловно, отводился росту производительных сил в процессе индустриализации как предпосылке решения всех других социальных и экономических проблем (что, конечно, не означало отрицания и обратного влияния процессов социализации и повышения благосостояния на производительные силы общества).

Количественную меру прогрессивного движения видели в возрастании числа благ, приходящихся в среднем на одного члена общества, или в росте национального (народного) дохода на душу населения вследствие повышения производительности труда². Подчеркивая, что противоречие между различными критериями прогресса не является абсолютным и снимается в стратегическом плане, о чем свидетельствуют и сами названные душевые показатели, В.А. Базаров предостерегал, однако, от представления, согласно которому темпы роста всех трех элементов должны быть одинаковы или пропорциональны. Особенно опасными он считал возможные попытки преодоления текущих хозяйственных сложностей путем социализации не созревших для этого отраслей, т. е. тех отраслей, в которых “обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда”. Последнее “значило бы дискредитировать **самый принцип** обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализма тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение”³.

Впрочем, сказанное не следует понимать так, будто все экономисты, разрабатывавшие альтернативы госплановскому проекту, однозначно связывали будущее нашей экономики с активным развертыванием процессов обобществления.

Н.Д. Кондратьев, например, не был, как известно, среди тех, кто изначально не сомневался в более высокой эффективности коллективного социалистического производства по сравнению с частным. Однако при достаточно серьезных различиях важным, объединяющим всех этих экономистов фактором было призна-

¹Вайнштейн Альб.Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 33.

²Например: Вайнштейн Альб.Л. Указ. соч. С. 34; Базаров В. Принципы построения перспективного плана. С. 42.

³Базаров В. Указ. соч. С. 42.

ние следующего тезиса: возможна ситуация, когда для расчистки пути к дальнейшему интенсивному росту производительных сил целесообразно замедлить количественный рост заработной платы (благополучия) или социализации, но невозможно представить себе обратного, т. е. необходимости временно замедлить рост производительных сил в целях форсирования курса на обобществление или подъем благополучия. В тех исторических условиях острота этой позиции было направлено против вполне отчетливо проявлявшейся практики форсированного обобществления — экспансии с помощью мер административно-правового воздействия государственной формы собственности, что уже имело место практически во всех отраслях, а с 1928 г. все больше охватывало и сельское хозяйство.

Альтернативное понимание критерия общественного прогресса, естественно, предполагало курс на всемерное расширение частного хозяйствования, поскольку его функционирование содействует росту производительных сил, демонстрируя более высокую эффективность, чем в государственном хозяйстве. Общим принципиальным пунктом этой критики Госплана было также стремление анализировать перспективы экономического развития страны именно с экономических позиций, т. е. с позиций согласования интересов различных хозяйствующих субъектов — этого глубокого внутреннего источника развития народнохозяйственной системы. Сбалансированность, пропорциональность плановых расчетов, обеспечение уравновешенного движения к намеченным целям являются предпосылкой такого согласования интересов, которое в свою очередь становится основным фактором, обеспечивающим бескризисное развитие общества.

Собственно, признание этого момента и было принципиальным в идеологии и концепции нэпа, и отказ от экономического подхода означал бы и выход за рамки нэпа.

Н.Д. Кондратьев напрямую связывал принятие необоснованного плана, и тем более превращение его в директиву, с возможностью весьма драматических последствий. Подчеркивая, что предложенная Госпланом концепция не дает эффективного решения задач индустриализации и реконструкции, он считал ее не только теоретически спорной, но и практически опасной: «Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов»¹. Возможно, в этом

¹Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 27.

выводе содержалось осознание опасности выхода из кризиса внешнеэкономическими методами.

Этот процесс не заставил себя долго ждать. Экономическая политика 1925—1926 гг., в основу которой уже отчетливо была заложена идея инфляционного финансирования роста промышленности, осенью 1927 г. столкнулась с противоречиями в самой чувствительной для российского народного хозяйства сфере. Проблема взаимоотношений города и деревни вновь вышла на первый план. В отличие от 1917 и 1921 гг., когда она изначально вставала как политическая, осенью 1927 г. события выглядели поначалу как чисто экономический кризис. Или, точнее, как кризис экономической политики. Для производителей в городе и на селе, для основной массы народа вопрос о власти здесь уже никак не звучал: господство большевиков под сомнение не ставилось.

Но политическое руководство страны почувствовало явную угрозу своему положению. Выходило, что в СССР существует многомиллионный слой людей, фактически (экономически) находящихся вне сферы влияния властей, — крестьянство может продать зерно государству, а может и не продать. Это было нетерпимо для режима формирующегося тоталитаризма. Это выходило за рамки его плана действий, плана, становящегося высшим законом хозяйственной жизни. А поэтому всякое сопротивление этому плану, пусть даже и сопротивление на нижнем уровне хозяйственной жизни, приобретало в глазах власти несомненное политическое значение и подлежало решительному искоренению.

Как известно, зима 1927/28 г. ознаменовалась возвратом к военно-коммунистическим методам экономической чрезвычайности, когда у крестьян вновь насильственными мерами стали отбирать запасы хлеба. Начавшаяся одновременно кампания массовой коллективизации означала создание государственного механизма принуждения к труду при одновременном существенном ограничении потребления широких народных масс, вплоть до голода в деревне в начале 30-х годов. Голода, объясняемого в кругу политических вождей необходимостью получения средств (включая валютные) для проведения ускоренной индустриализации, т. е. для выполнения тех же плановых директив.

Наверное, было бы неправильно выводить слом нэпа непосредственно из госплановской концепции пятилетки. Но связь между ними несомненна. В проекте плана был сделан серьезный шаг к формированию административной модели хозяйствования. Административный фактор под видом “воли проле-

тариата” занял решающее положение в обосновании перспектив экономического роста. Пятилетний план и “великий перелом” идеологически связаны, хотя авторы проекта вряд ли могли думать о тех чудовищных поворотах, которые вскоре будут происходить в стране.

5. ПЛАНОВОЕ УСКОРЕНИЕ

Дискуссия 1927—1928 гг. о пятилетнем плане стала последним действительно научным обсуждением подобного рода проблем, хотя уже все более настойчиво давали о себе знать препятствия идеологического характера. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) был завершающим актом в развитии теории и практики планирования в рамках научного реалистического видения стоящих перед страной задач. Но в его документах со всей остротой выявились противоречия доктрины “ортодоксального нэпа” и практики ее осуществления.

Сбалансированный рост потребления и накопления, промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой индустрии рассматривался XV съездом как неперемное условие динамичного хозяйственного роста в направлении к социализму. “В вопросе о темпе развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы длительно наиболее быстрый темп развития”¹.

Это совершенно справедливое, хотя и достаточно общее, положение из резолюции “О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства” принято цитировать в нашей экономической и исторической литературе. В нем как будто бы был провозглашен курс на постепенный, плавный хозяйственный рост, ориентирующий на достижение высоких конечных результатов и отвергающий эксплуатацию сельского хозяйства промышленностью при осуществлении пятилетнего плана. Однако съезд так и не смог предложить сколько-нибудь четкой концепции механизма достижения намеченных целей — проведения индустриализации и неуклонного повышения роли тех экономических форм, которые считались тогда социально наиболее приемлемыми, т. е. социалистическими.

¹КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 4. М., 1984. С. 277.

Подобная противоречивость не была случайной. Она отражала реалии своего времени. Но сложившаяся ситуация не могла быть устойчивой, что и показали события, последовавшие вскоре после XV съезда партии. Предпринятые шаги в направлении слома нэпа создали принципиально новые условия в обществе, они оказали существенное влияние на ход и результаты дискуссии о пятилетнем плане.

Прежде всего произошла резкая политизация дискуссии, в значительной степени связанная с обострением внутривластной борьбы, — началась кампания против “правого уклона”. Акцент все настойчивее переносится на “революционно-преобразующую роль” плана, рассматривавшегося в качестве решающего источника экономического роста Страны Советов. Этот преобразующий план стал заменять объективные экономические законы прошлого. По сути дела сам факт директивности плана, его государственного происхождения рассматривался в качестве важнейшей предпосылки его выполнения. Подобные выводы получают идеологическое оформление и “обоснование” в выдвинутом в конце 20-х годов тезисе о народнохозяйственном плане как экономическом законе социализма.

Догма о самодовлеющей роли социально-политической природы плана (“план диктатуры пролетариата”) как основного фактора его реализации оказала решающее влияние и на развитие дискуссии о критерии социального и экономического прогресса. Среди экономистов — защитников официальной линии утверждается идея, что определяющее значение в решении задач пятилетки имеют процессы социализации — насаждение определенных хозяйственных форм. Все чаще можно услышать заявление, что, мол, ради вытеснения частных (индивидуальных) производителей как в городе, так и в деревне можно и нужно идти даже на временное падение производительных сил: ведь крупные коллективные формы являются по определению наиболее передовыми и в будущем обеспечат лучшие условия для собственно экономического прогресса.

Это был серьезный сдвиг по сравнению с итогами II съезда плановых органов и положениями “Перспектив развертывания”. Их авторы учли критику в свой адрес по поводу противоречивости критериев плана и заняли вполне определенную позицию. Содержательная сторона планового хозяйствования, равно как и вообще социализма, тем самым приносилась в жертву формальным признакам нового хозяйственного строя.

Такой поворот обескураживал. Особенно странен он был в деятельности работников, постоянно подчеркивавших свою приверженность марксизму. Однако ответом на возражения не-

доуменных оппонентов стало весьма популярное вскоре в нашей науке наклеивание ярлыков.

Так, выдвижение на первое место задачи роста производительных сил было названо С.Г. Струмилиным “струвизмом”. Он заявлял по этому поводу: “Ведь мы не мальчики, мы прекрасно понимаем, что если мы идем на социальную революцию, то мы тем самым идем в течение ряда лет на понижение, на разрушение производительных сил, на попятное движение в этой области. Во имя чего же мы это делаем? Во имя социализма” А известный уже нам Л. Шанин, резко пересмотрев свои прошлые взгляды, считал вполне допустимым, чтобы “для нынешней стадии развития усиление социалистических тенденций в сельском хозяйстве и в некоторой части сельскохозяйственных заготовок” протекало в некотором временном конфликте с интересами максимального сегодняшнего развития товарности¹.

Соответственно менялись и сами плановые документы, и характер их обоснования. Собственно, направление всех изменений вполне определенно выразил Сталин, квалифицировавший представленные на XV съезд документы по пятилетке как “черновую и значительно преуменьшенную наметку”

И начиная с 1928 г. от проекта к проекту количественные показатели пятилетних планов начинают быстро нарастать (см. табл. 1 и 2). Темп роста социалистического (прежде всего государственного) производства становится решающим критерием при оценке как качества самого плана, так и политической благонадежности его составителей. С.Г. Струмилину приписывают каламбур, что, мол, он и его сотрудники предпочитали “стоять за высокие темпы, а не сидеть за низкие” И факт остается фактом — взвешенные позиции по вопросу о темпах стали вскоре причиной гонений на многих крупных экономистов, которых сперва ругали за “узость кругозора”, а потом обвинили во “вредительстве”.

В это время Госплан оказался в атмосфере своеобразной конкуренции с ВСНХ, возглавлявшимся неистовым борцом за индустриализацию В.В. Куйбышевым. Последний постоянно выступал с резкими заявлениями о необходимости установления более высоких темпов роста промышленности, чем то предусматривалось выдвигавшимися проектами. Пятилетние проектировки самого ВСНХ (во главе этой работы вместо А.М. Гинзбурга был поставлен В.И. Межлаук) отличались высокой степенью “индустриальной экспансии”, да и они постоянно пере-

¹О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М., 1928. С. 36—38, 84.

Годовые темпы роста крупной промышленности (валовая продукция)
в проектах пятилетнего плана

(в %)

Проекты	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33
1. Госплан, весна 1927 г. ("Перспективы развертывания")	19,1	13,2	10,6	9,9	9,2	—	—
2. ВСНХ, середина 1927 г. (проект А.М. Гинзбурга)	—	16,3	13,1	13,7	10,5	10,0	—
3. ВСНХ, конец 1927 г.	—	18,1	16,6	17,6	13,8	12,8	—
4. Госплан, конец 1927 г.: оправной вариант оптимальный вариант	—	16,4 18,1	14,0 16,6	14,1 17,6	12,9 13,8	12,3 12,8	— —
5. ВСНХ, август 1928 г.	—	—	19,7	17,3	17,7	17,5	14,4
6. ВСНХ, ноябрь 1928 г.	—	—	19,2	18,9	18,1	19,4	17,6
7. ВСНХ, декабрь 1928 г.	—	—	21,9	20,2	21,8	22,6	22,4
8. Госплан, весна 1929 г.: оправной вариант оптимальный вариант (утвержден)	—	—	21,4 21,4	18,8 21,5	17,5 22,1	18,1 23,2	17,4 25,2

Источник: Jasny N. Soviet Industrialization 1928—1952. Chicago. 1961.

Рост крупной промышленности за пятилетия

(в %)

Проекты	1925/26—1930/31	1926/27—1931/32	1927/28—1932/33
1. Госплан, весна 1927 г. ("Перспективы развертывания")	79,5		
2. ВСНХ, конец 1927 г. (проект А.М. Гинзбурга)		82,0	
3. ВСНХ, конец 1927 г.		108,0	
4. Госплан, конец 1927 г.: отправной вариант		92,0	
оптимальный вариант		108,0	
5. ВСНХ, август 1928 г.			121
6. ВСНХ, ноябрь 1928 г.			135
7. ВСНХ, декабрь 1928 г.			167,7
8. Госплан, весна 1929 г.: отправной вариант			135
оптимальный вариант			179

Источник: см. табл. 1.

смагивались в сторону увеличения. Попытки, хотя и не очень настойчивые, противодействовать этим амбициям предпринимал даже Г.М. Кржижановский: он жаловался, что ВСНХ следовало бы быть Наркоматом промышленности и не дублировать работу Госплана¹. Но политический вес Куйбышева — члена Политбюро и близкого Сталину человека, выразившего интересы победившей группировки в руководстве страны, — позволил именно ему задавать тон в развернувшейся гонке проектов пятилетки, которую можно назвать "плановым ускорением".

Однако было бы неправильно объяснять начавшуюся погоню за более высокими цифрами в плане лишь политическими факторами — борьбой в партийном руководстве, давлением на экономистов Госплана и ВСНХ и т. д. Дело не сводится и к субъективистским увлечениям послереволюционной эпохи, вере в чудодейственность "государственной власти пролетариата", которой якобы все подвластно. Свою роль здесь сыграли и конкретные особенности экономического развития страны во второй половине 20-х годов.

Как мы помним, восстановительный процесс описывался многими экономистами в виде "затухающей кривой", означав-

¹Информационный бюллетень Госплана СССР. 1928. С. 29.

шей замедление темпа роста по мере приближения народного хозяйства к довоенному состоянию. Это положение было общепризнанным. Оно не отрицалось ни в научной литературе, ни в политических документах. “Народное хозяйство вступает в полосу, когда темп развития его сильно замедляется сравнительно с истекшими годами”, — отмечалось в резолюции XV партконференции осенью 1926 г. Критикуя “левых”, здесь особо подчеркивалось, что “развитие индустрии на основе расширения основного капитала (нового капитального строительства) никогда не могло и не может идти с такой быстротой, с какой происходило развитие промышленности на старой базе в восстановительный период за последние годы”¹. На тезис о завершении в 1926 г. восстановительного периода опирались и годовые контрольные цифры, и проекты пятилетки 1926—1927 гг.

Действительность же опровергла все расчеты. Как в прогнозах первых лет восстановления недооценивался реальный тип этого процесса, так и в документах середины 20-х оценки в основном оказывались чересчур пессимистичными. В 1927 г. объемы довоенного производства в основном были достигнуты, а темп роста не снизился и даже несколько возрос, оставаясь высоким и в 1928, и в 1929 гг. Понятно, что сталинская группа не могла не воспользоваться такой ситуацией, развязав борьбу с буржуазным уклоном “правых” и “вредительством” близких им по духу экономистов, работавших в хозяйственных ведомствах. В сохранении высоких темпов роста объемных показателей увидели практическое подтверждение идеи о необходимости основывать плановые расчеты на особых возможностях самого советского строя.

Между тем данный феномен получил уже тогда вполне четкое экономическое объяснение. Достижение 100%-го объема производства по сравнению с 1913 г. оказалось нетождественным полной загрузке довоенных производственных мощностей. Вовлечение последних в производственный процесс позволило еще некоторое время сохранить высокие темпы роста. О справедливости этого вывода свидетельствовали и данные о динамике качественных показателей, которые уже начали снижаться. Ведь на последнем этапе восстановления используются обычно наименее эффективные средства производства, которые по этой причине не были использованы ранее. В результате в течение некоторого времени возможно сохранение “восстановительных” темпов роста объемных показателей при снижении показателей себестоимости и производительности труда.

¹КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 71—72.

Соответствующий количественный анализ, проведенный тогда В.А. Базаровым, очень скоро полностью подтвердился. Он предполагал, что в дореволюционной России загрузка производственных мощностей составляла примерно 70% их полного объема. Освоение 30%-го разрыва могло занять еще примерно двухлетний период, что означало неизбежное падение темпов примерно в 1930 г. Так оно и произошло на самом деле.

Кстати, все это является еще одним аргументом в пользу важности изучения объективных закономерностей хозяйственной динамики и одновременно необходимости чрезвычайно осторожного использования их в плановой практике. Любая догматизация опасна, а возведенная в ранг директив экономической политики опасна вдвойне. И не только из-за вероятности использования ее в грязных целях — это в конце концов зависит от конкретных обстоятельств времени и места. Но ставшие догмой закономерности (или тенденции) не позволяют видеть иных, не учтенных ранее факторов и альтернатив, которые столь же реальны и могли бы быть полезны при формировании оптимального курса экономической политики.

Короче говоря, политика как бы дала санкцию на игнорирование объективных законов функционирования народного хозяйства. Хотя, по большому счету, никаких санкций для этого не требовалось. Просто свои законы диктовала логика политической борьбы. А в соответствии с ней сталинской группе потребовалась впечатляющая картина недалекого будущего, чтобы заклеить и добить “малOVEROV” как справа, так и слева. Отсюда — усиление пропагандистско-мобилизующего значения перспективного плана, столь характерного для времен военного коммунизма. И здесь же можно увидеть, как формируются черты плановой системы последующих десятилетий, в которой пятилетний план играл в значительной мере агитационно-пропагандистскую роль.

Но главное, что должен был теперь содержать перспективный план, — это четкое задание, директиву, обращенную к конкретным исполнителям и административно-обязательную для них. В обстановке борьбы с правым уклоном эта сторона дела вновь остро проявилась сквозь призму соотношения генетики и телеологии. Причем этот вопрос трансформировался в непримиримое противостояние обязательного для исполнения плана и ориентировочного прогноза. Более того, противостояние приобретает ясно выраженные личностно-политические очертания. “Наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы, которые обязательны для руководящих органов”, — в свойственной ему безапелляционной манере заявил

И.В. Сталин на XV съезде партии¹. А позднее в своей печально знаменитой статье “Заметки экономиста” Н.И. Бухарин вступит в прямую полемику с вождем, подчеркивая, что наш план является “и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно”².

Происходят существенные изменения и в методологической базе планирования. Прежде всего они касаются оценки роли баланса при разработке планов вообще, и перспективных в частности. Формально значение сбалансированности плановых параметров не отрицалось и не могло отрицаться. Напротив, когда важнейшее условие выполнения планов видели в наличии “объединенной воли пролетариата”, балансовая увязка при построении пятилетки становилась по сути дела главным требованием, предъявлявшимся к проектам. Правда, здесь в первую очередь имелась в виду сбалансированность натурально-вещественная, отрывавшаяся от динамики реальных стоимостных воспроизводственных пропорций и к тому же достигавшаяся почти всегда только на бумаге, в проектировках и прикидках. Более глубокий анализ внутренней взаимоувязки различных параметров воспроизводственного процесса был, однако, решительно отвергнут.

Прежде всего подвергся политической и научной обструкции сам тезис о необходимости изучения проблем рыночного равновесия и их учета при построении концепции хозяйственного роста. О каком рынке можно говорить, если в ближайшее время социализм одержит окончательную победу? А он (социализм) характеризуется планомерностью всех сфер жизнедеятельности общества, в нем не будет места для стихии рыночных отношений. Да и само понятие равновесия однозначно было привязано к идеологии бухаринской школы и уже только поэтому не могло не быть по меньшей мере ошибочным.

Причины гонений на “равновесие” вполне очевидны. Ведь оно предполагало взвешенный, реалистичный подход, увязывающий не только развитие отдельных отраслей, но также и факторы производства: национальный доход, накопление, инвестиции с учетом подлинной эффективности хозяйственной деятельности. Это никак не отвечало задачам ускоренной индустриализации. И вот постепенно, по мере удаления от XV съезда, записавшего в своей резолюции необходимость согласованного роста отраслей и секторов народного хозяйства, в печати все чаще звучат предположения о неизбежности длительного сохране-

¹Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 369.

²Бухарин Н. Заметки экономиста//Правда. 1928. 30 сентября.

ния диспропорций в советской экономике, и особенно между промышленностью и сельским хозяйством.

Мы помним, что госплановские проекты вызывали недоумение многих экономистов; включая огромное число цифр, конкретизированных до невероятности (вплоть до среднего количества слов в телеграмме с данными по последнему году пятилетки), они были полны неувязок по крупным воспроизводственным проблемам. И в ответ на эту критику центральное плановое ведомство получало фактическое благословение партийного руководства на то, чтобы объявить проблемы достижения равновесия вообще излишними. Они были квалифицированы как попытка ограничить перспективы социалистического роста “узкими местами” — наиболее слабыми звеньями производства. Официально эта позиция была закреплена в выступлении И.В. Сталина в конце 1929 г., отвергшего «так называемую теорию “равновесия” секторов нашего народного хозяйства»¹. А исследования в области народнохозяйственного баланса — этого важнейшего инструмента анализа воспроизводственного процесса — были уничижительно квалифицированы как “игра в цифири”

Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, баланс провозглашался важнейшим методом социалистического планирования. Количественная сторона планов прорабатывалась весьма подробно, проекты содержали множество цифр, призванных демонстрировать обоснованность подготовленных документов. Здесь в пору было даже говорить о фетишизме цифр — показателей плана.

Кстати, именно так оценивал ситуацию В.А. Базаров. Показывая бессмысленность политических обвинений со стороны С.Г. Струмилина в адрес экономистов, критически воспринимавших официальные директивы и госплановские разработки, он говорил:

«Есть, однако, в докладе Струмилина один афоризм...: “Но что такое качество? Не что иное, как недостаточно осознанное количество” Это возрождение пифагорейства. И если бы я захотел вышивать на этой гносеологической канве политические узоры, я мог бы без большого труда, — во всяком случае с большей убедительностью, чем это сделал Струмилин по отношению ко мне и к Громану, — “обосновать” политическую ретроградность автора совпифагорейской теории познания. Можно было бы показать, например, что в Древней Элладе пифагорейство всегда вы-

¹Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 143.

ступало на защиту аристократической ретроградной традиции, что связь эта далеко не случайна; но, товарищи, мне не хочется заниматься этим вздором. Ведь совершенно очевидно, что Станислав Густавович впал в пифагорейство не под давлением его классовых интересов, а в силу, так сказать, гипертрофии профессиональных навыков мышления. Он прежде всего статистик. А статистику всякая вещь кажется “неосознанной”, туманной и неотчетливой, раз она не получала цифрового выражения. И как в глазах сапожника производство обуви есть занятие наиболее достойное человека, так в глазах статистика — сущность мира есть цифра» (О пятилетнем плане народнохозяйственного развития СССР. С. 81—82).

С другой стороны, сама сбалансированность приобретала откровенно формальные черты. Признание необходимости балансовой проработки плана прекрасно уживалось с яростными нападками на попытки серьезного исследования проблем балансового равновесия. Последнее было провозглашено фетишем, за который цепляются буржуазные и оппортунистические деятели, неспособные оценить всех преимуществ советской системы.

В этом смысле показательна резкая критика взглядов Н.И. Бухарина. Когда он в “Заметках экономиста” обратил внимание на вопиющие неувязки плана на 1928/29 г., свидетельствовавшие о серьезной диспропорциональности и напрямую связанные с проблемами пятилетки, в ответ раздалась обвинения в “фетишизации” самого баланса.

«Баланс для нас должен являться не фетишем, “его же не преидеши”, а одним из методов проверки расстановки отдельных элементов народного хозяйства, но не для равнения на “узкие” места, а для их преодоления, не для пассивного к ним приспособления, а для активного на них воздействия и их устранения», — писал в редакционной статье официальный орган ВСНХ “Торгово-промышленная газета” (1928. 12 октября. Статья “О диспропорциях и методе хозяйственного балансирования”).

Словом, проблема была поставлена как бы с ног на голову. Реальная сбалансированность отвергалась, а на ее место приходили разного рода манипуляции с плановыми показателями и надежды на то, что само плановое начало, соединенное с мощью советского государства, сможет найти выход из неувязок конкретного хозяйственного роста. Отказ от так называемого фетишизма балансов обернулся на деле подлинным фетишизмом плана, который наделялся сверхъестественным свойством

“строительства сегодняшних фабрик из завтрашних кирпичей” (по выражению Бухарина).

Плановый фетишизм сформировался вполне — экономический анализ и сложный поиск эффективных хозяйственных решений подменялись составлением планов, включающих желаемые показатели развития народного хозяйства.

По мере движения от одного варианта плана к другому этот феномен приобретал все более законченные очертания. Ведь рост целевых показателей, достижение которых предусматривалось к концу пятилетия, не сопровождался никакими реальными экономическими обоснованиями. Просто появлялось “мнение” (обычно В.В. Куйбышева), что заложенные в предыдущем варианте темпы не являются достаточными с точки зрения задач социалистического строительства.

Наконец, глубокие изменения претерпевала атмосфера внутри самой экономической науки. Если в начале 1928 г. заявление С.Г. Струмилина о том, что наука не может быть объективной и должна стать служанкой партийных директив, вызвало резкие протесты, то уже в 1929 г. возражения по этому поводу стали невозможными.

Директивы партийных органов заняли прочное место над экономической логикой и объективными основами народнохозяйственного планирования. Несогласных заставили замолчать.

* * *

В этих условиях окончательное обсуждение и официальное принятие плана первой пятилетки в апреле—мае 1929 г. будет происходить торжественно и в обстановке полного единодушия. Никто уже не будет высказывать сомнения по поводу возможности столь высоких темпов роста тяжелой промышленности при одновременном быстром повышении реальных доходов трудящихся. Никто не удивится тому, что декларации о необходимости 35%-го снижения себестоимости в промышленности, необходимого для понижения цен и выполнения гигантской инвестиционной программы, сопровождаются на XVI партконференции резкой критикой в адрес многих предприятий и целых отраслей, развитие которых осуществлялось при неуклонном повышении себестоимости и ухудшении качества продукции. Ведь здесь уже не требовались строгие экономические обоснования.

Надежды возлагались на меры по укреплению дисциплины и повышению квалификации кадров, на усиление работы партийных, профсоюзных и хозяйственных организаций, способных

обеспечить внедрение в производство достижений науки и техники. Более откровенно высказался, правда, В.В. Куйбышев, подчеркнув особую роль “социального маневрирования” — изъятия еще остававшихся средств у зажиточных слоев города и деревни. Экономический анализ уступил место социально-политическому нажиму. На место стимулов приходило принуждение.

Параллельно с ужесточением общеполитической ситуации, с угасанием нэпа и усилением тенденций к централизации хозяйственной жизни происходили подвижки и в организации планового руководства экономикой. Объективно и далее возрастает роль Госплана, повышается его официальный статус, крепнут директивные полномочия. После поражения Наркомфина в 1926 г. Госплан все более втягивается непосредственно в систему хозяйственных связей страны, опосредует эти связи — сам или через свои органы на местах. Хотя до самого конца 20-х годов политическое руководство продолжало смотреть на него с известной долей подозрительности. Несмотря на то, что здесь особенно громко были слышны голоса экономических слуг режима, в нем все же еще находили прибежище и несогласные с новым курсом. До конца 20-х годов роль своеобразного противовеса продолжал играть ВСНХ, руководство которого (В.В. Куйбышев, В.И. Межлаук) резко контрастировало с умеренностью Г.М. Кржижановского. Но и это, разумеется, не могло продолжаться долго. Госплан должен был стать верной опорой административно-принудительной системы хозяйствования. У него были для этого все возможности, начиная с генетических признаков и объективного положения в системе.

Предпринятые шаги вполне соответствовали логике начавшейся эпохи. Сперва было решено укрепить кадровый состав Госплана, и на работу в него направили большой отряд новых сотрудников — членов ВКП(б). Далее, обсуждая вопросы о перспективах работы Госплана, его парторганизация обратилась в ЦК с просьбой: для повышения роли этого органа поставить во главе его непременно члена Политбюро. Председателем Госплана стал В.В. Куйбышев, перенеся сюда свой прошлый опыт руководства ЦКК—РКИ и ВСНХ.

Подчинение же Госплану в начале 1930 г. ЦСУ (преобразованного в ЦУНХУ — Центральное управление народнохозяйственного учета) окончательно закрепило его в роли директивно руководящего экономической жизнью страны монстра, который на протяжении десятилетий оставался одной из основных несущих конструкций тоталитарной хозяйственно-политической системы.

ПЛАНОВЫЙ ФЕТИШИЗМ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОГМЫ И ПОЛИТИКА

На грустной ноте завершаем мы эту работу. Наступали тяжелые, трагические времена. В кровавой псевдоклассовой борьбе гибли люди, уходили в небытие их идеи. Общественная наука оказалась на грани уничтожения. Сталинизм — так коротко определяется начавшаяся на рубеже 20 — 30-х годов эпохи с позиции интересов человеческой личности. Торжество администрирования и тоталитаризма — так точнее всего характеризуется начавшееся время для науки и идеологии. И, наконец, утверждение безраздельного господства планового фетишизма — такова важнейшая характеристика победившей системы экономических отношений. И если сталинизм в его наиболее “чистых”, кровавых формах ненадолго пережил человека, давшего ему имя, а культ личности из трагедии сделался фарсом, то тоталитаризм в идеологии и плановый фетишизм в экономике (в теории и на практике) оставались неотъемлемыми чертами советской действительности на протяжении долгих десятилетий.

Опыт 1914—1929 гг., о котором шла у нас речь, с достаточной очевидностью подтверждает, что все попытки “лобового” решения задач упорядочения, четкой организации социально-экономической жизни общества неизбежно обречены на вырождение, превращаясь, и довольно быстро, в свою полную противоположность. Могут меняться политический режим, формы собственности, институты власти и хозяйственные структуры, но это не повлечет за собой главного — существенного роста эффективности хозяйственного процесса. Скорее, возможен обратный результат.

Мы видели, как на протяжении примерно полутора десятков лет велся настойчивый поиск экономических форм, способных за счет упорядочения хозяйственной жизни обеспечить подлин-

ный прорыв во всех областях функционирования общества. Происходившие изменения неуклонно (хотя и не без зигзагов) двигались в направлении все более полного и глубокого разрыва со сложившимися ранее формами организации хозяйственного процесса. А в конечном счете именно формы оказались важнейшим критерием при оценке прогрессивности и глубины осуществляемых преобразований. Содержательная сторона общественного прогресса — рост производительных сил и освобождение личности — становилась делом вторичным, производным от насаждения новых социально-экономических форм. Причем именно тех, которые были выгодны утвердившей свое господство сталинской бюрократии, укрепляли ее власть: иерархичность в организации производства, жесткая централизация планирования и управления, сосредоточивающая основные рычаги власти в руках довольно узкого слоя, административно-директивный характер планирования, формирование системы ответственности исключительно “снизу вверх” и т. д.

Цементирующим же раствором этой мощной системы выступил директивный план — источник экономической власти и главный критерий оценки вышестоящими структурами деятельности нижестоящих. Планом можно наказывать, помиловать и награждать. Не согласованность его функционирования, а директивность, адресность планов, охват ими всех отраслей и сфер народного хозяйства (т. е. признаки, являющиеся на самом деле формальными) рассматривались как решающие показатели торжества планомерности, неотделимой от победы социализма.

Более чем наглядно эта идеология проступает, например, в следующем заявлении В.И. Межлаука — одного из руководителей Госплана СССР. “Второй пятилетний план знаменует собой новую веху, новый, более высокий этап в истории планирования”, — говорил Межлаук, аргументируя этот вывод усилением директивности и всеобщности централизованного плана, выступающих якобы условиями его научной обоснованности. «Вторая пятилетка отличается от первого пятилетнего плана шириной охвата планируемых объектов, большей разработкой технических проблем, большей научной обоснованностью.

Во второй пятилетке впервые все народное хозяйство охватывается непосредственным, конкретным планом. Эта полнота охвата находит выражение в возросшем количестве объектов непосредственного планирования, что повышает конкретность, оперативность плана ...

Первая пятилетка охватывала детально разработанным планом около полусотни отраслей промышленности; второй пятилетний план охватывает уже 120 отраслей...

Еще резче складывается этап планирования, его более совершенная методология, в развернутой программе развития сельского хозяйства во втором пятилетии...

Победа социализма в деревне впервые позволила дать на второе пятилетие подробный, детально разработанный по всем частям план развития сельского хозяйства. Там, где первая пятилетка оперировала собирательным понятием "зерновые", вторая пятилетка дает план культур: пшеницы, ячменя, овса, кукурузы, проса, гречихи, бобовых, риса. Вместо "экспертных оценок" перспектив развития животноводства дан детальный план его развития» (Межлаук В. Большевицкий план//Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 32—33).

Однако опыт нашей экономической политики с начала столетия важен не только для лучшего понимания корней и механизмов функционирования тоталитарного строя. Он также несет в себе и некоторые важные предостережения относительно условий и путей осуществления радикальных экономических преобразований.

Предпринятая три четверти века назад попытка прорваться к качественно новой, организованной, свободной и эффективной общественной системе не удалась. Сейчас Россия многое начинает как бы заново. Какие опасности подстерегают на этом пути? Как избежать экономических и политических "ловушек", привлекательный и внешне справедливый (социально справедливый!) облик которых способен лишь завлечь страну в очередное болото социального и научно-технического застоя (в лучшем случае застоя)? Обозначим только несколько пунктов, которые представляются особенно важными.

Прежде всего о роли идеологии в экономической политике. Я далек от мысли, что политические решения должны исключительно или почти исключительно базироваться на прагматических аргументах и соображениях сиюминутной политической выгоды. В моменты острых общественных кризисов идеологические соображения, как правило, оказываются доминирующими, поскольку чистый прагматизм не содержит в себе достаточных импульсов для решительных и жестких действий, не дает надежды на выход из кризиса в социально приемлемые сроки. Идеологизированный подход, отбрасывая аргументы непримиримой части оппозиции (как бы значительна с количественной точки зрения она ни была) и не тратя времени на по-

иск консенсуса с теми, кого убедить невозможно, способен стать основой для будущего прорыва. Однако для этого сама политически доминирующая идеология должна отражать реальные потребности развития общества. Важно иметь в виду, что сильно идеологизированная политика вообще не очень приспособлена для решения ординарных созидательных задач; лучше всего ей удастся разрушение старых механизмов и формирование самых общих оснований новой хозяйственно-политической системы. Этот вывод, не раз подтверждавшийся опытом крупных реформ XX в., был, пожалуй, впервые со времен Французской революции наглядно продемонстрирован в России. (Я сознательно оставляю в данном случае в стороне вопрос о моральной или экономической оценке доктрины.)

Мы не только дети, но и рабы своего времени. Эта фраза, произнесенная когда-то А.Н. Яковлевым, как нельзя лучше отражает еще один важный вывод из нашей революционной истории. Процесс коренных преобразований обычно начинается с попыток практической реализации предложений, выдвигавшихся еще при старом режиме и казавшихся тогда чересчур радикальными. Временное правительство пыталось построить хозяйство на взаимодействии госмонополий, частной собственности и "демократического" (рабочего) контроля. Последнее советское руководство активно пропагандировало в 1987—1990 гг. идею "нового издания" реформы 1965 г. Однако быстро выяснилось, что самые передовые концепции прошлого безнадежно отстают от реального революционного процесса как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Попытки их осуществления неизбежны, а результаты этих попыток известны — новый виток обострения общественных противоречий и экономического кризиса. Меры по введению госмонополий, рабочего контроля и т. п. повлекли за собой в 1917 г. лишь ускорение общей дезорганизации производства и обострение продовольственной ситуации, а в конечном счете — и общий политический взрыв. Попытки реализации лозунгов самостоятельности хозяйственных агентов и самофинансирования в 80-е годы сами по себе (без преобразований в отношениях собственности) стали факторами хозяйственной дестабилизации и одной из основных причин разразившихся вскоре кризисов — финансового, экономического, политического.

Опыт 1914—1929 гг. ценен и еще одним предостережением — предостережением против попыток строить экономическую политику России на основе тезисов об уникальности или мессианском характере отечественного пути развития. Да, история нашей страны XX в. богата и во многом уникальна. Но эконо-

мические и политические корни коммунистического прошлого (?) в общем-то известны и отнюдь не могут быть сведены к злему умыслу или исключительной хитрости большевиков. Как, впрочем, вполне естественны и экономико-политические последствия разворачивавшихся почти столетие назад событий.

Не следует забывать, что плановый фетишизм проявлялся как объективизация субъективной деятельности плановых органов. Любые хозяйственные решения или плановые задания считались “научно обоснованными” уже в силу самого факта выхода из недр государственного, и особенно партийного, аппарата. Централизованное задание приравнивалось к объективной общественной потребности. Фактически аппарат брал на себя функции рынка в процессе согласования спроса и предложения и, будучи “правопреемником” рынка, также претендовал на объективность своих требований. Именно в конце 20-х — начале 30-х годов подобные претензии получили наиболее яркое воплощение в экономической теории: государственный план был провозглашен “экономическим законом социализма” и даже “законом движения” советской системы. К этим постановкам примыкала и весьма популярная тогда же идея, согласно которой социализму вообще не свойственны объективные законы, и именно “против равнения на объективные законы” направлены наши планы.

Нельзя сказать, что плановый фетишизм был абсолютно проигнорирован экономистами. Его не могли не чувствовать наиболее серьезные из еще остававшихся на свободе исследователи. Другое дело, что анализ этого явления был по политическим соображениям практически невозможен. Обращает на себя внимание только одна статья, появившаяся в самом начале 30-х годов, в которой фактически констатируется наличие в советской системе планового фетишизма. Констатируется, конечно же, лишь в самом общем виде. “Расхождение сущности и видимости в советских условиях, тем более в социалистическом хозяйстве, приводит не к товарному фетишизму, но оно приводит к переоценке факторов субъективных, переоценке свободы, — писал тогда ленинградский экономист Г. Дементьев. — В советских условиях само понятие экономического закона меняется, т. е. видоизменяется отношение между экономической закономерностью и самим субъектом и в соответствии с этим появляются новые моменты, маскирующие сущность, за свободой забывается необходимость, за субъективным забывается объективное, экономические процессы сводятся к технике в обычном

смысле слова или к технике планирования, экономические отношения многосторонне запутываются”¹.

Однако объективное исследование планового фетишизма должно было быть перенесено в неопределенное будущее. Равно как и делом будущих поколений непременно должна стать напряженная борьба за коренное обновление социально-экономической системы, в результате которой только и может окончательно рухнуть хозяйственный строй, порождающий либо тиранию, либо застой и имеющий в качестве своей конституирующей характеристики фетишизацию и канонизацию застывших и неэффективных форм, отношений, структур.

¹Дементьев Г. Всеобщая политическая экономия // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 159.

АВИЛОВ (Глебов) Б.П. (1887—1942) — активный участник революционного движения, политический и хозяйственный деятель Советской России. В 1917 г. работал в Петроградском комитете РСДРП(б), в профсоюзных органах. Член первого большевистского правительства, где возглавлял Комиссариат почт и телеграфов. С 1918 г. находился на ответственной военно-политической, профсоюзной, советской и партийной работе. Некоторое время примыкал к “новой оппозиции”. С 1928 г. руководил Ростсельмашем.

АВИЛОВ (Тигров) Б.В. (1874—1938) — русский социал-демократ, журналист и статистик. Избирался делегатом III съезда РСДРП от большевистской группы “Вперед” (Харьков), уже был склонен к поиску общих подходов с меньшевиками. В дальнейшем сосредоточился на анализе экономических и политических процессов развития России. Выступал в издававшемся А.М. Горьким журнале “Летопись” (1915—1917 гг.) и газете “Новая жизнь” (1917—1918 гг.). Отойдя от большевиков, сотрудничал в 1917 г. с организацией социал-демократов — интернационалистов. Впоследствии отошел от политической деятельности, работал в ЦСУ (до 1928 г.), с 1929 г. — в Госплане РСФСР и в НКПС.

АЛЕКСАНДРОВ Иван Гаврилович (1875—1936) — крупный инженер, известный специалист в области энергетики и гидротехники, академик (1932 г.). Активный участник разработки плана ГОЭЛРО. С основания Госплана стал членом его президиума. Руководил работами по районированию России и СССР. Занимался разработкой вопросов методологии народнохозяйственного планирования, комплексного использования электроэнергии, водного транспорта и др. Автор проекта строительства Днепротэса, генеральной схемы электрификации Средней Азии, других гидротехнических сооружений.

БАЗАРОВ (Руднев) Владимир Александрович (1874—1939) — один из ярких представителей революционеров-интеллектуалов, оставивший заметный след в развитии российской философии и экономической теории, видный публицист и переводчик. С конца 90-х годов участвовал в социал-демократическом движении, неоднократно подвергался ре-

прессиям. В 900-х гг. — большевик, позднее примыкал к левому крылу меньшевиков, был одним из организаторов РСДРП (объединение). Будучи последовательным марксистом, Базаров всегда стремился преодолеть характерные уже для начала нашего столетия тенденции к догматизации этого учения. Как философ внес существенный вклад в формирование эмпириокритицизма. Известен своими переводами марксистской литературы, включая лучший перевод “Капитала”, а также художественных произведений — воспоминаний Эккермана о Гете и др. В 1915—1918 гг. сотрудничал в издававшихся М. Горьким журнале “Летопись” и газете “Новая жизнь”.

В 1921—1930 гг. сосредоточивается на экономических исследованиях, будучи ответственным сотрудником Госплана. Его сфера интересов весьма широка: изучение хозяйственной конъюнктуры и анализ закономерностей развития хозяйства (советского и мирового), предпосылки и методология планирования, проблемы экономики труда и денежного обращения, применение математики в экономике, практические вопросы разработки планов (годовых, пятилетних, генеральных). Базаров — автор оригинальной концепции индустриализации СССР. Одним из первых сформулировал проблему оптимизации планирования и заложил основы ее анализа. Непримиимо относился к любым попыткам бюрократизации науки, ограничения интеллектуальной свободы. Критически воспринимая формируемую в СССР социально-политическую систему, Базаров связывал построение подлинно социалистического общества с культивированием в широких слоях трудящихся “творческого таланта изобретателя”, который “ничего не примет на веру, но все подвергает кропотливому исследованию, ни к чему не присоединяется целиком и полностью”.

Естественно, критическая натура Базарова не могла ужиться с победившим сталинизмом. Он был арестован в связи с делом о “контрреволюционной меньшевистской организации”, провел несколько лет в заключении.

БОГДАНОВ (Малиновский) Александр Александрович (1873—1928) — известный экономист, философ, писатель и публицист, политический и общественный деятель, ученый-естествоиспытатель и врач. С 1896 г. участвует в социал-демократическом движении. Был профессиональным революционером, большевиком, одним из немногих “большевиков-неленинцев” в русской революции. В 1905—1907 гг. возглавлял “боевую техническую группу” большевиков. Затем жил в эмиграции, редактировал ряд изданий. Один из организаторов заграничных школ большевиков (на Капри, в Болонье). Революцию октября 1917 г. воспринял критически, считая, что общество в культурном отношении еще не готово к практическому восприятию социалистических идей. Активно сотрудничал в Пролеткульте.

Получил известность как автор первого в России марксистского курса политической экономии (1897 г.), который выдержал множество изданий. Разрабатывал эмпириомонистическую концепцию в философии. В своей теории “всеобщей организационной науки” (тектологии) заложил основы будущей кибернетики. Занимался естествоиспытани-

см, создал первый в России Институт переливания крови, посвящий имя А.А. Богданова.

БОГОЛЕПОВ Михаил Иванович (1879—1945) — известный экономист, специалист в области финансов и кредита, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.). С 1907 г. связан с научно-исследовательской и преподавательской деятельностью. После Октябрьской революции стал работать в советских экономических органах, занимался вопросами реорганизации банковской системы (национализация банков), участвовал в подготовке внешнеполитических соглашений. Организатор и первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде. Работал в Госплане и Госбанке СССР. Участвовал в разработке финансовой программы первого пятилетнего плана.

БУХАРИН Николай Иванович (1888—1938) — крупный политический деятель и экономист-теоретик. Большевик с 1906 г., профессиональный революционер. Неоднократно остро полемизировал с Лениным, хотя оставался его верным учеником и одним из наиболее близких к нему людей. Делегат многих партийных съездов и конференций, на которых избирался членом руководящих органов большевистской партии. С декабря 1917 г. в течение более 10 лет руководил “Правдой”, а затем “Известиями”. В 1918 г. — лидер “левых коммунистов”. Участвовал во многих партийных дискуссиях. В 20-е годы — один из наиболее твердых приверженцев нэпа, что позволило Сталину позднее обвинить его в правом уклонизме и отстранить от руководства партией. Теоритические исследования Бухарина посвящены проблемам теории государства, империализма, самоопределения наций, теории переходного периода, а в дальнейшем — проблемам функционирования смешанной экономики, сочетанию административно-плановых и рыночных механизмов в советском народном хозяйстве. Настойчиво отстаивал идею сбалансированного роста в процессе индустриализации, явно недооценивая возможности государственного принуждения, которое с успехом было реализовано на практике. В 1937 году арестован и расстрелян по делу о “правотроцкистском блоке”.

ВАЙНШТЕЙН Альберт Львович (1886—1970) — видный экономист, активно работавший в науке в 20-е и в 50—60-е годы. После окончания Московского университета в 1914 г. включился в экономико-статистические исследования макроэкономических проблем функционирования российского (советского) хозяйства, а также экономики сельского хозяйства. Внес значительный вклад в становление экономико-математического анализа, в решение оптимизационных задач. Исследовал также проблемы народного богатства, математической статистики. Был арестован в начале 30-х годов и многие годы провел в сталинских лагерях.

ВАЙСБЕРГ Роман Ефимович (1896—1935) — советский экономист ортодоксально-коммунистического направления, с 1919 г. в большевистской партии. Выпускник Института красной профессуры. В годы гражданской войны находился на партийной работе. Работал в Госплане

не СССР, был членом его президиума. Редактировал газету “Экономическая жизнь”, работал в Институте экономики Комкадемии. Публикации посвящены проблемам переходного периода, “теории советского хозяйства”, народнохозяйственного планирования. Резко критиковал “уклоны” от “генеральной линии партии”.

ГАСТЕВ Алексей Капитонович (1882—1941) — ученый, общественный деятель и поэт. С 18 лет в революционном движении. В 1901—1908 гг. — член РСДРП, с 1931 г. — член ВКП(б). В революционные годы работал в профсоюзных органах, руководил промышленными предприятиями в разных городах России. В 1920 г. организовал в Москве Центральный институт труда при ВЦСПС (ЦИТ), которым руководил до 1938 г. Автор многочисленных работ по рациональной организации и культуре труда.

ГИНЗБУРГ Абрам Моисеевич (1878—?) — экономист, общественный деятель, публицист. С 1897 г. член РСДРП. Работал в профсоюзном движении и в кооперации. С 1922 г. — один из руководителей планово-экономического управления ВСНХ (Промплана), член Экономсовета. Руководил кафедрой экономики промышленности в Институте народного хозяйства имени Г.В.Плеханова. Разрабатывал вопросы экономики промышленности, организации управления промышленностью в условиях нэпа. Был руководителем работ над первыми пятилетними проектами ВСНХ. Арестован по делу “общесоюзного бюро меньшевиков” (1931 г.).

ГРОМАН (псевд. — Горн) Владимир Густавович (1874—1932?). С 90-х годов в социал-демократическом движении, примыкал к меньшевикам, участвовал в работе IV съезда РСДРП. Подвергался преследованиям со стороны правительства. Находясь в ссылке, работал земским статистиком, что определило его судьбу как экономиста. В годы мировой войны — один из лидеров Всероссийского союза городов, организатор исследований проблем роста цен (в общегосударственном масштабе), член Продовольственного комитета. Активный сторонник жесткого планового регулирования военного хозяйства, опирающегося на создание системы государственных монополий (прежде всего — хлебной). Такая позиция Громана спустя полтора десятилетия в ходе процесса о “контрреволюционной меньшевистской организации” (где он выступал в качестве одного из главных обвиняемых) обернулась довольно неожиданным, но небезосновательным заявлением, что именно громановские идеи 1916—1917 гг. послужили основой будущего военного коммунизма.

В 1921—1922 гг. Громан — один из ведущих сотрудников Госплана, член его президиума, председатель Конъюнктурного совета. Внес существенный вклад в анализ советской экономики, регулярно выступал с глубокими конъюнктурными обзорами, активно участвовал в разработке методологической базы планирования и подготовке первых “Контрольных цифр” (на 1925/26 г.). Одна из его важнейших работ в это время — исследование эмпирических закономерностей, обнаруживае-

мых в советском народном хозяйстве на этапе его послевоенного восстановления.

В 1927 г. общественность тепло отметила 30-летие научной и статистической деятельности В.Г. Громана. “Для него содействие успехам планового хозяйства не только долг, диктуемый убеждениями социального порядка, но и элементарная необходимость его личной жизни, предпосылка плодотворности его индивидуальной работы”, — писал тогда на страницах “Планового хозяйства” (1927. № 6. С. 165) его близкий друг и коллега В.А. Базаров. И мало кто мог предположить, что времени для творческого поиска осталось уже совсем немного. В 1930 г. В.Г. Громан был арестован.

ГУСЕВ Сергей Иванович (ДРАБКИН Яков Давидович) (1874—1933) — профессиональный революционер, военный и политический деятель, в партии состоял с 1896 г. Автор получившей широкую известность книги “Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат” (1920), в которой излагал концепцию централизованного планирования, основанную на нетоварных связях и элементах самоуправления. В 20-е годы работал в партийных и советских органах.

КАКТЫНЬ (КАКТЫНЬШ) Артур Мартынович (1893—1937) — экономист, публицист, государственный деятель, с 1916 г. состоявший в коммунистической партии. После Октябрьской революции руководил хозяйственными органами в Туркестане, на Украине, в Москве, в Таджикистане. Одновременно занимался экономическими исследованиями и публицистикой. Его выступления в печати отличала взвешенность оценок и тонкое чувство реальных процессов, происходящих в народном хозяйстве страны. Работы Кактыня были посвящены планированию и организации управления, экономике отдельных отраслей народного хозяйства. Его особое внимание привлекали вопросы мотивации, стимулов хозяйственной деятельности предприятий и отдельных работников. Это резко выделяло его среди других большевиков даже в период безусловного господства идеологии военного коммунизма.

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — профессиональный революционер и политический деятель, в социал-демократическом движении с 1901 г. Был ближайшим сотрудником Ленина, хотя и неоднократно спорил с ним. На II съезде Советов (октябрь 1917 г.) был избран Председателем ВЦИК, однако вскоре вышел в отставку, выступая за формирование “однородного социалистического правительства”. В дальнейшем руководил Моссоветом, был заместителем председателя Совнаркома, председателем СТО. С 1925 г. вел острую борьбу со Сталиным, возглавляя “новую оппозицию”, а затем “объединенную оппозицию”.

КАФЕНГАУЗ Лев Борисович (1885—1940) — видный экономист, профессор, специалист в области экономики промышленности и экономической статистики. Работал в статистических и хозяйственных органах, занимался преподавательской деятельностью. В 1919—1930 гг. —

сотрудник ВСНХ и Московского университета. Был автором периодических конъюнктурных обзоров промышленности СССР, выходивших в 20-е годы.

КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881—1970) — политический деятель России, трудовик, затем эсер. Депутат 4-й Государственной Думы. Министр юстиции, военный и морской министр, а затем министр-председатель Временного правительства. Эмигрировал в 1918 г.

КОВАЛЕВСКИЙ Николай Алексеевич (1892—1937) — советский экономист, один из первых “красных профессоров”. С 1924 г. находился на руководящей работе в Госплане: заместитель председателя и ученый секретарь Конъюнктурного совета Госплана, директор издательства и редактор журнала “Плановое хозяйство”, заместитель председателя Комиссии по генплану. Занимался вопросами методологии планирования, разработкой генерального плана. Придерживался непримиримой позиции по отношению к критикам официальных проектов первого пятилетнего плана.

КОНДРАТЬЕВ Николай Дмитриевич (1892—1938) — крупный российский экономист и социолог, получивший мировое признание. Уже в студенческие годы провел ряд исследований, привлекая внимание специалистов. С началом Февральской революции активно включился в разработку проблем аграрной реформы и в 25-летнем возрасте стал товарищем (заместителем) министра продовольствия во Временном правительстве. Был членом партии эсеров. В дальнейшем преподавал в Московской сельскохозяйственной академии, работал в кооперативных органах, руководил Конъюнктурным институтом при Наркомфине. Исследовал экономику сельского хозяйства, макроэкономические процессы функционирования народного хозяйства, планирование народного хозяйства (методология и практика), проблемы индустриализации. Широкую известность получил анализ Кондратьевым многолетних циклов экономической конъюнктуры (“больших циклов Кондратьева”). Выступал с резкой критикой политизации экономических исследований, показывая необоснованность плановых предположений первой пятилетки. Осужден по делу “трудовой крестьянской партии” (1930 г.). Находясь в заключении, работал над фундаментальным трудом по социальным основам экономического процесса.

КРЖИЖАНОВСКИЙ Глеб Максимилианович (1872—1959) — политический и хозяйственный деятель, инженер-энергетик. С 1893 г. в революционном движении, был близок к В.И. Ленину. Участвовал в работе II съезда РСДРП, где был избран членом ЦК. В дальнейшем совмещал инженерную работу с сотрудничеством в ряде социал-демократических изданий. Получил широкую известность как руководитель комиссии ГОЭЛРО (1920) и Госплана (1921—1930). Стремился занимать осторожную, вменяемую позицию по вопросам организации планирования, что в конце 20-х годов перестало устраивать сталинское руководство. Он был переведен на почетные, но малозначущие посты ру-

ководителя Главэнерго Наркомтяжпрома, а затем Комитета по высшему образованию при ЦИК. Активно участвовал в работе Академии наук, вице-президентом которой был в 1929—1939 гг.

КРИЦМАН Лев Натанович (1890—1937) — советский экономист, придерживавшийся крайне левых, большевистских взглядов на проблемы функционирования национальной экономики. С 15 лет участвовал в революционном движении. Окончил Цюрихский университет. С 1918 г. — член РКП(б). В 1918—1921 гг. руководил Комиссией использования материальных ресурсов при ВСНХ, которая задумывалась как центр планового перераспределения ресурсов в национальном масштабе. С 1921 г. — член президиума Госплана, с 1923 г. — член редколлегии газеты “Правда”. Один из руководителей Коммунистической академии. С 1928 г. — директор Аграрного института. Крицман был наиболее последовательным приверженцем идей административного централизованного планирования, видел в экономике военного коммунизма прообраз нашего будущего, защищал военно-коммунистическую идеологию в годы нэпа. Принципы организации социалистической и советской экономики, опыт военного коммунизма, аграрные проблемы как поле классовой борьбы — таковы основные темы выступлений Крицмана.

ЛАРИН Ю. (Лурье Михаил Залманович) (1882—1932) — экономист, участник революционного движения, литератор. В социал-демократическом движении состоял с 1900 г. К большевикам примкнул в 1917 г. Получил известность как исследователь и пропагандист германского опыта военно-планового хозяйствования. Участвовал в разработке многих хозяйственных вопросов, связанных с организацией и функционированием системы административного, централизованного управления экономикой. Работал в комитетах и комиссиях ВСНХ по руководству финансами, национализации торговли, созданию совхозов и т. д. Участвовал в осуществлении национализации промышленности, в организации Госплана. Действительный член Комакадемии. В годы нэпа оставался одним из наиболее стойких, открытых приверженцев “героического периода” гражданской войны и военного коммунизма.

ЛОЗОВСКИЙ (Дридзо) С.А. (1878—1952) — профессиональный революционер, в социал-демократии с 1901 г., подвергался репрессиям со стороны царского правительства. В 1901—1917 гг. находился в эмиграции, участвовал в организации интернационалистских групп во французском рабочем движении. После возвращения в Россию в 1917 г. занимал руководящие посты в профсоюзах. В 1917—1919 гг. колебался между большевиками и социал-демократами — интернационалистами. В 1921—1937 гг. — генеральный секретарь Профинтерна. В 1939—1946 гг. — заместитель наркома (министра) иностранных дел. Стал одной из последних жертв сталинских репрессий.

ЛОМОВ-ОППОКОВ Георгий Иванович (1888—1938) — профессиональный революционер, большевик, советский государственный деятель. По образованию юрист. В 1907—1909 гг. — один из руководи-

лей Московской и Петербургской организаций большевиков. Участник революций 1917 г. В первом большевистском правительстве — нарком юстиции. В 1918—1921 гг. — один из руководителей ВСНХ. Затем на партийной и хозяйственной работе в Сибири, на Урале, на Украине. С 1929 г. член Президиума ВСНХ СССР, в 1931—1933 гг. — заместитель председателя Госплана СССР. Член ЦИК СССР всех созывов.

МАКАРОВ Николай Павлович (1887— ?) — видный экономист-аграрник, один из плеяды экономистов России начала XX в., которые уже в молодом возрасте быстро вошли в науку и сразу заняли в ней важное место, несмотря на все последующие колебания политической конъюнктуры. После окончания Московского университета Макаров в 28-летнем возрасте возглавил кафедру политической экономии и статистики Воронежского сельскохозяйственного института, а затем преподавал в Московской сельскохозяйственной академии. Активно участвовал в аграрных дискуссиях революционных лет. Будучи сторонником весьма популярной в то время организационно-производственной школы, выступал за решение аграрных проблем в первую очередь путем организационно-хозяйственного укрепления крестьянства. Решительно выступал против уравнительного подхода при проведении аграрной реформы, отстаивал рыночные отношения в сельском хозяйстве (сохранение крупных частных хозяйств, арендных отношений, купли-продажи земли). Участвовал в бюджетных обследованиях, собрал значительный материал по конкретной экономике крестьянского хозяйства. Изучал экономические, организационные и производственные проблемы сельскохозяйственного производства в странах Запада, а также занимался исследованиями по истории кооперации. В 20-е годы выступал с критикой официальных проектов пятилетнего плана, предостерегая против увлечения формальной сбалансированностью, против фетишизации цифр в плане. Все это стало причиной резких политических обвинений в его адрес.

МАРТОВ Л. (Цедербаум Юлий Осипович) (1873—1923) — профессиональный революционер, один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. — меньшевик-интернационалист, сторонник образования правительства из представителей всех социалистических партий. После утверждения большевиков у власти активно отстаивал демократические принципы, протестовал против роспуска Учредительного собрания, арестов, закрытия небольшевистских газет. После эмиграции в 1922 г. редактировал в Берлине “Социалистический вестник”

МАСЛОВ Петр Павлович (1867—1946) — русский экономист, социал-демократ (меньшевик), академик АН СССР (с 1929 г.). В 1889—1892 гг. находился в заключении за политическую деятельность. Изучал политэкономии в Вепском университете. Затем вернулся в Россию, сотрудничал в ряде периодических изданий. Известен как автор программы муниципализации земли (IV съезд РСДРП). Автор многочисленных работ по аграрному вопросу, в которых особое внимание уделяется теории земельной ренты и вариантам реформы земельной собственности,

анализу закона убывающего плодородия почвы. После Октябрьской революции отошел от активной политической деятельности, вел педагогическую и научную работу.

МИГУЛИН Петр Петрович (1870 — ?) — русский экономист, в политической деятельности либерал, принадлежал к партии октябристов. Юрист, профессор права (торговое и финансовое). С 1907 г. — член Совета главноуправляющего землеустройством и земледелием, с 1914 г. — член Совета министра финансов. Приобрел известность как издатель и редактор журнала “Экономист России” (с 1913 г. — “Новый экономист”). Автор многочисленных работ по аграрным и финансовым вопросам, исследовал проблемы долгосрочного экономического роста России. Занимал критическую позицию по отношению к политике правительства России. Был активным сторонником привлечения иностранного капитала. Издаваемый им журнал выступал активным пропагандистом идеи централизованного регулирования хозяйственных процессов посредством учреждения государственных монополий по отдельным продуктам.

МИЛЮТИН Владимир Павлович (1884—1937) — советский партийный и государственный деятель, экономист. С 1903 г. участвовал в социал-демократическом движении, сперва примыкая к меньшевикам, а с 1910 г. — к большевикам. Участник многих партийных съездов и конференций, где избирался в руководящие органы партии. В первом советском правительстве был наркомом земледелия, однако вскоре ушел в отставку, выступая за формирование коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. Впоследствии всегда был твердым приверженцем “генеральной линии партии”. В 1918—1921 гг. — заместитель председателя ВСНХ, с 1924 г. — член коллегии НК РКИ. В 1925—1927 гг. — заместитель председателя Комакадемии, в 1928—1934 гг. — управляющий ЦСУ СССР, заместитель председателя Госплана СССР. Участвовал в разработке первых пятилетних планов. В многочисленных дискуссиях с противниками “курса партии” решительно отстаивал официальные установки.

НОВОЖИЛОВ Виктор Валентинович (1892—1970) — крупный экономист, один из ведущих специалистов в области народнохозяйственной статистики, оптимизационного анализа, математического моделирования экономических процессов (линейное программирование). Известен как автор моделей оптимального использования производственных ресурсов, определения оптимального соотношения капиталовложений и потребления, при котором достигается максимальный рост производительности труда.

ОСАДЧИЙ Петр Сергеевич (1866—1943) — видный инженер-энергетик, стоявший у истоков построения системы советского планирования. После окончания в 1890 г. Петербургского электротехнического института преподавал в нем, а затем был его ректором.

Один из основных участников проекта ГОЭЛРО, а затем — Госплана. Был председателем Центрального электротехнического совета ВСНХ. Возглавлял технический совет Днепростроя. Вместе с рядом видных инженеров был осужден по делу промпартии (1931 г.), однако в 1935 г. по постановлению ЦИК СССР досрочно освобожден.

ПАЛЬЧИНСКИЙ Петр Иоакимович (1875—1929) — российский инженер и государственный деятель. Во Временном правительстве занимал пост товарища министра торговли и промышленности. Был “помощником по гражданской части военного губернатора Петрограда и его окрестностей”, начальником обороны Зимнего дворца во время октябрьских событий 1917 г. Впоследствии — эксперт и консультант по экономическим и техническим вопросам ряда советских учреждений. Расстрелян по обвинению во вредительстве в промышленности.

ПОПОВ Павел Ильич (1872—1950) — видный советский статистик и экономист. Участвовал в революционном движении. В ссылке начал заниматься статистикой. Руководя в 1909—1917 гг. оценочно-статистическим отделением Тульского земства, проводил комплексные исследования хозяйства губернии. Руководил отделом в Министерстве земледелия Временного правительства. С момента создания ЦСУ был его председателем (1918—1926), впоследствии занимал руководящие посты в Госплане РСФСР и ВАСХНИЛ. Внес важный вклад в разработку методологии народнохозяйственного баланса. Под его руководством был разработан первый баланс народного хозяйства страны — на 1922/23 г.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Евгений Александрович (1886—1937) — профессиональный революционер, экономист-теоретик. Большевик с 1903 г. После октября 1917 г. находился на партийной и военно-политической работе. В 1918 г. примыкал к “левым коммунистам”, затем был близок к Л.Д. Троцкому. Был автором стандартного большевистского курса основ марксизма “Азбука коммунизма”, сыгравшего в первые годы советской власти важную роль в деле пропаганды коммунистических взглядов среди вовлеченных в политику рабочих и крестьян. В 20-е годы работал над фундаментальным трудом “Новая экономика”, где стремился дать развернутый теоретический анализ проблем функционирования советского хозяйства и его перерастания в социалистическое. Широкую известность получил его “закон первоначального социалистического накопления”, в котором была развита и теоретически обоснована необходимость для большевистского государства идти путем принудительного перераспределения средств из деревни в городскую промышленность. Был подвергнут резкой критике сталинским руководством за “троцкизм”, неоднократно исключался из партии, впоследствии репрессирован.

ПРОКОПОВИЧ Сергей Николаевич (1871—1955) — экономист, публицист, политический деятель. Первоначально примыкал к правой социал-демократии, затем — к кадетам. Во Временном правительстве — министр торговли и промышленности, затем — министр продоволь-

ствия. В 1921 г. входил в Общественный совет помощи голодающим. В 1922 г. выслан из России за антисоветскую деятельность. В 20—30-е годы руководил изданием журналов “Экономический сборник”, “Русский экономический сборник” и др. Основное внимание уделял вопросам аграрной политики и положению рабочих.

ПЯТАКОВ Георгий (Юрий) Леонидович (1890—1937) — большевик, революционер, активный участник революций 1917 г. После Октябрьской революции входил в советское правительство Украины. С 1920 г. — на хозяйственной и советской работе в Москве: был заместителем председателя Госплана и ВСНХ, торгпредом во Франции, председателем правления Госбанка СССР, заместителем наркома тяжелой промышленности. Неоднократно избирался членом ЦК большевиков. Политическая позиция была близка взглядам Л.Д.Троцкого. В 1927 и 1936 гг. исключался из ВКП(б). Расстрелян по делу о “параллельном троцкистском центре”.

РОДЗЯНКО Михаил Владимирович (1859—1924) — видный политический деятель России, один из лидеров партии октябристов. Депутат 3-й и 4-й Государственной Думы, с 1911 г. — ее председатель. Совершил эволюцию от поддержки придворных кругов к блоку с кадетами. Возглавил Временный комитет Государственной Думы в 1917 г. Эмигрировал в 1920 г.

РЫКОВ Алексей Иванович (1881—1938) — профессиональный революционер, советский политический деятель. В партии состоял с 1899 г., активно участвовал в партийной жизни, был склонен занимать компромиссные позиции по отношению к различным социал-демократическим течениям. В составе первого Совнаркома возглавил Комиссариат внутренних дел, однако вскоре ушел в отставку, будучи сторонником “однородного социалистического правительства”. В 1918—1920 и 1923—1924 гг. руководил ВСНХ. С 1921 г. был заместителем предсовнаркома, а после смерти В.И. Ленина возглавил правительство (1924—1930). В 1931—1936 гг. — нарком связи. Неоднократно избирался в высшие партийные органы. Был активным сторонником нэпа, выступал за осторожную политику по отношению к крестьянству, за что наряду с Бухариным был обвинен в “правом уклоне” Осужден и расстрелян по делу о “правотроцкистском центре”

РЯЗАНОВ (Гольдендах) Давид Борисович (1870—1938) — видный деятель российского революционного движения (с 1887 г.), историк марксизма. После 1903 г. примыкал к меньшевикам. Работал в социал-демократической фракции Государственной думы (1905—1907), в профсоюзах. В 1917 г. примкнул к большевикам, участвовал в различных партийных дискуссиях.

САВЕЛЬЕВ Максимилиан Александрович (1884—1939) — журналист, экономист, партработник. С 1903 г. в социал-демократии. Сотрудничал в большевистских изданиях. После победы большевиков —

один из организаторов ВСНХ, член его Президиума. Редактор ряда газет и журналов. Автор многочисленных публикаций по проблемам советской экономики и истории ВКП(б).

САРАБЬЯНОВ Владимир Николаевич (1886—1952) — советский философ, историк и экономист. В революционном движении с 1903 г., до 1918 г. — меньшевик. В ВКП(б) вступил в 1930 г. В 1922—1930 гг. работал в “Правде”, затем в основном на преподавательской работе. Экономическими исследованиями занимался в основном в 20-х годах, когда им был опубликован ряд работ, анализирующих проблемы нэпа и пропагандирующих его.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ Иван Иванович (1870—1928) — революционер, политический деятель, публицист. В партии с 1896 г. Был назначен наркомом финансов в первом большевистском правительстве, однако к своим обязанностям не приступал. С 1918 г. — сотрудник “Правды”. Автор (вместе с А.А. Богдановым) “Краткого курса политической экономии” — одного из первых марксистских учебников политической экономии в России. Участник дискуссий 20-х годов о предмете политической экономии, где поддерживал тезис о существовании политической экономии “в широком смысле слова”.

СКОБЕЛЕВ Матвей Иванович (1885—1938) — участник социал-демократического движения с 1903 г., меньшевик. Депутат 4-й Государственной Думы. В 1917 г. член исполкома и заместитель председателя Петросовета, в мае—августе — министр труда. Заместитель председателя ВЦИК 1-го созыва. Затем отошел от меньшевиков. В 1920 г. эмигрировал. Содействовал установлению торговых связей России с Западом, был представителем Центросоюза в Париже и Брюсселе. В 1922 г. вступил в РКП(б).

СМИЛГА Ивар Теннисович (1892—1938) — политический и хозяйственный деятель Советской России и СССР. Профессиональный революционер, состоявший в большевистской партии с 1907 г. После Февральской революции сосредоточился на работе в армии и на флоте: в 1917 г. входил в состав Кронштадтского комитета РСДРП(б), руководил Областным комитетом армии, флота и рабочих Финляндии. После победы большевиков активно участвовал в строительстве Красной Армии, был членом Реввоенсовета республики, а затем одним из руководителей ВСНХ и Госплана. Был тесно связан с Л.Д. Троцким, чьи взгляды поддерживал и по экономическим, и по профсоюзным вопросам. Участвовал в так называемой “новой оппозиции”, подчеркивая исключительную сложность, если не невозможность, проведения сбалансированного по отраслям курса на индустриализацию при одновременном сохранении “политического господства пролетариата” (фактически — большевистской партии). За близость к Троцкому неоднократно исключался из ВКП(б), арестован в 1937 г. и вскоре расстрелян.

СМИТ-ФАЛЬКНЕР Мария Натановна (1878—1968) — советский экономист, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.). В 1903—1905 гг. училась на экономическом факультете Лондонского университета. В 1918—1919 гг. заведовала Отделом экономических исследований ВСНХ. С 1921 г. на научно-исследовательской и преподавательской работе (МГУ, МИНХ, Институт экономики АН СССР). В исследованиях анализируется теория стоимости и денежного обращения, теория статистики, экономика промышленности (особенно проблемы основных фондов и энергетики).

СОКОЛЬНИКОВ (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888—1939) — профессиональный революционер, военный и хозяйственный руководитель Советской России. С 1905 г. состоял в большевистской партии. Был близок к Л.Д. Троцкому. Активно участвовал в создании Красной Армии. После окончания гражданской войны сосредоточился на экономических проблемах страны. Возглавляя в 1922—1926 гг. Комиссариат финансов, сыграл решающую роль в разработке и проведении денежной реформы, которая стабилизировала на время национальную валюту, заменив падающий совзнак червонцем. Жесткий финансовый курс был фундаментальным принципом его политической позиции. Последнее нередко приводило к конфликтам с другими руководителями народного хозяйства, увлеченными идеей быстрого построения социализма на путях безудержной индустриальной экспансии, что не могло не подорвать финансового положения страны. Выступая за сбалансированный рост различных отраслей экономики, он в недостаточно быстром развитии индустриального комплекса видел серьезную опасность для сохранения режима “пролетарской власти”. Видимо поэтому, будучи одним из наиболее активных приверженцев логики и идеологии нэпа, Сокольников поддержал в 1925 г. левые взгляды “новой оппозиции”. В 1926 г. под давлением укрепившегося сталинского ядра в руководстве Сокольников был смещен с поста Народного комиссара финансов. В дальнейшем являлся заместителем председателя Госплана СССР и заместителем наркома иностранных дел. Осужден по делу о “параллельном троцкистском центре” и вскоре расстрелян.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870—1944) — видный российский политический деятель, экономист, философ. Один из лидеров “легального марксизма” в русской общественной мысли. В 1895—1905 гг. редактировал журналы “Новое слово”, “Начало”, “Освобождение”. Участник международного социал-демократического движения, хотя впоследствии отошел от него. С 1905 г. — член ЦК партии кадетов, депутат 2-й Государственной Думы, редактор журнала “Русская мысль”. Один из авторов (статья “Интеллигенция и революция”) получившего широкую известность сборника “Вехи” (1909). В 1918—1920 гг. — член “Особого совещания” при А.И. Деникине, член правительства П.Н.Врангеля. Затем эмигрировал, редактировал журналы правокadetского направления.

СТРУМИЛИН (наст. фамилия — Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877—1974) — видный советский экономист, академик

с 1931 г. В молодости примкнул к социал-демократическому движению, до революции тяготел к меньшевикам. Делегат IX и V съездов РСДРП. С 1905 г. занимался экономическими исследованиями. Писал также и на философские темы. Работал в различных научных и хозяйственных органах. Старейший сотрудник Госплана (в 1921—1937 и 1943—1951 гг.), где был членом президиума, председателем Экономико-статистической секции, зам. председателя Госплана, зам. начальника ЦУНХУ.

За свою долгую жизнь С.Г. Струмилин исследовал разнообразные вопросы советского хозяйства: теорию статистики и методологию планирования, статистический анализ рыночного и натурального хозяйства, теорию народнохозяйственного баланса и демографическое прогнозирование. Он разработал один из методов построения индекса производительности труда, уделял значительное внимание практическому использованию бюджетных обследований. Опубликовал интересные, богатые статистическими материалами исследования по истории народного хозяйства России.

Отличительная черта Струмилинина-экономиста — возведение ориентации на сегодняшний курс КПСС в ранг фундаментального принципа самого существования экономической науки, которая рассматривалась им как “служанка” партийных установок. Это отразилось и на эволюции его научных интересов: в 1920—1921 гг. — проблемы безденежного (трудового) учета, 1922—1925 гг. — исследование рынка как основы планового хозяйствования, вторая половина 20-х — 30-е годы — методология планирования, трактуемого как антитеза рынку, 50 — 60-е годы — “научные” картины жизни в грядущем коммунистическом обществе. С.Г. Струмилин — единственный советский экономист, ставший Героем Социалистического Труда (к 90-летию со дня рождения).

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — один из вождей и теоретиков большевизма, хотя официально стал большевиком только летом 1917 г. В первом Совнаркоме возглавлял Комиссариат по иностранным делам. Затем — наркомвоенмор, организатор Красной Армии, руководитель Наркомпути. Значительное внимание уделял экономическим вопросам — единому хозяйственному плану, восстановлению промышленности и транспорта, взаимоотношениям промышленного и аграрного секторов в народном хозяйстве. Будучи одним из идеологов и практиков военного коммунизма, Троцкий еще в 1920 г. почувствовал его ограниченность. В анализе экономических проблем 20-х годов особое место занимал анализ противоречий нэпа (в вопросах динамики цен, капиталонакопления, индустриализации). С начала 20-х годов являлся непримиримым врагом Сталина.

ФЕЛЬДМАН Григорий Александрович (1884—1958) — видный экономист. Работал в ВСНХ, Госплане СССР (1923—1931), преподавал в Плановой академии (1931—1935). Занимался проблемами долгосрочного планирования, активно участвовал в разработке генеральных планов развития народного хозяйства, проводил сравнительный анализ экономик СССР и США. Разрабатывал экономико-математическую модель роста советской экономики. Проводил расчеты на 1926—1950 гг.

ФИНН-ЕНОТАЕВСКИЙ А.Ю. (1872—1943) — социал-демократ, экономист, публицист. В 1903—1914 гг. — большевик, участвовал в разработке аграрной программы на IV съезде РСДРП. В годы мировой войны — оборонец, сотрудник газеты “Новая жизнь” Затем занимался преподавательской деятельностью. В 1931 г. репрессирован по делу о “контрреволюционной организации меньшевиков”.

ЦЫПЕРОВИЧ Григорий Владимирович (1871—1932) — экономист, социал-демократ. В социал-демократическом движении с 1894 г., хотя большевиком стал только в 1919 г. Работал в рабочих кружках и профсоюзех до и после 1917 г. В 20-е годы работал в Ленинградском Совнархозе, руководил областной плановой комиссией. Был ректором Промышленной академии. Основным направлением исследований Цыперовича было изучение монополий в России и за границей, их истории и современных проблем. Анализировал вопросы использования “пролетарским государством” монополистических объединений при строительстве системы управления национализированными предприятиями. Был активным сторонником логики и идеологии нэпа.

ЦЮРУПА Александр Дмитриевич (1870—1928) — государственный и партийный деятель советской России. В партии состоял с 1898 г. Активно участвовал в решении задач продовольственного снабжения столиц. С 1917 г. — нарком продовольствия, один из инициаторов создания комбедов. Был заместителем Предсовнаркома, председателем Госплана СССР.

ЧЕЛИНЦЕВ Александр Николаевич (1874—1962) — экономист-аграрник, видный представитель организационно-производственного направления. Преподавал в ряде вузов, изучал проблемы сельского хозяйства в Западной Европе. Внес значительный вклад в выделение сельскохозяйственной экономики в самостоятельную научную дисциплину. Уделял особое внимание проблемам мелкого хозяйства. Последнее считал наиболее интенсивной формой производства в аграрном секторе. Участвовал в работах Временного правительства по аграрной реформе. Проводил бюджетные обследования крестьянских хозяйств в годы мировой и гражданской войн, что позволило накопить большой фактический материал. Исследовал также вопросы сельскохозяйственного районирования, стремясь выявить закономерности пространственного размещения сельскохозяйственных культур. Критически оценивал проекты первого пятилетнего плана как не отвечающие задаче обеспечения устойчивого, сбалансированного роста сельского хозяйства.

ШАПОШНИКОВ Николай Николаевич (1878— ?) — известный экономист, представитель психологической школы, специалист по теории ценности и распределения. Один из первых экономистов-математиков в России. Активный сторонник концепции равновесных цен. Уделял большое внимание теории внешней торговли, проблемам таможенной политики.

Владимир Александрович МАУ
РЕФОРМЫ И ДОГМЫ. 1914—1929.

Редактор *Миронова Л.Е.*

Художественный редактор *Розанова Л.В.*

Оформление художника *Кузнецова С.Л.*

Корректоры *Рогозина А.С., Соколова Л.В., Филькова Л.М.*

Компьютерная верстка *Кожесвицковой И.А.*

Сдано в набор 20.08.92. Подписано в печать 23.02.93. Формат 60×88¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0.
Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 20000 экз. Заказ Изд. № 59. Заказ тип. № 1249.

Малое предприятие Издательство «Дело» (учредитель — Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации).

117571, Москва, пр. Вернадского, 82.

Отпечатано с готовых пленок в Московской типографии № 11 Министерства печати и информации РФ.

113105, Москва, ул. Нагатинская, д. 1.